Восточный архив

№ 1 (45), 2022

Восточный архив
Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Журнал можно посмотреть на сайте Института востоковедения РАН

Редакционный совет
В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия
В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Художественное оформление
С.И. Потабенко

Вёрстка
Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Подписано в печать 15.02.2022
Объем 13,5 п. л.
Тираж 80 экз.
Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12
Цена в розницу договорная

© Авторы, 2022
© Институт востоковедения РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора …….. **3**

Беляков В.В. Инок Варсонофий на Синае …… **4**

Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Взаимоотношения вольных обществ Чечни и Дагестана - Беноя и Гагатли ……. **8**

Куликов А.М. Археологические изыскания архимандрита Палладия (Кафарова) на Дальнем Востоке. 1870–1871 гг. … **12**

Божинская (Арандаренко) Л.В., Борошко С.Л. Генерал-майор Георгий Арандаренко – один из первых исследователей Бухарского ханства и Афганского Туркестана. Часть 1 …….. **17**

Гоков О.А. К истории военного планирования штаба Кавказского военного округа по Персии в 1889–1890 гг. Окончание …… **28**

Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Окончание…….. **35**

Кадырбаев А.Ш. Антиосманское восстание в Ване в 1915 году ……... **49**

Синиченко В.В. Военные поставки в Российскую империю из стран Тихоокеанского региона в годы Первой мировой войны …… **58**

Тихонов Ю.Н. Советско-афганские противоречия из-за Бухары …….. **66**

Рягузова А.В. Деятельность индийских националистов в России …… **71**

Шмидт В. Эмиграционное движение немецких крестьян Казахстана: факты, причины, последствия ……... **76**

Монгуш М.В., Зайцева А.А. Христианский Восток: женские судьбы на чужбине …… **85**

Бухерт В.Г. В.Б. Луцкий об организации работы в области арабистики …… **89**

Прожогина С.В. Напоминание о старых знаках новых общественных трансформаций в литературе магрибинцев **95**

Наши авторы …… **108**

Oriental Archive

No. 1 (45), 2022

CONTENTS

Editor's notes …… **3**

Beliakov, Vladimir. Monk Varsonofy in Sinai ……. **4**

Aytberov, Timur, and Ahmadov, Yavus. Relations between Free Societies of Chechen and Dagestan **8**

Kulikov, Andrey. Archaeological Research by Archimandrite Palladiy (Kafarov) in the Far East in 1870–1871 ……... **12**

Boginskaya (Arandarenko), Ludmila, and Boroshko, Sergey. Major-General George Arandarenko as One of the First Researchers of Bukhara Khanate and Afghan Turkmen . Part I …… **17**

Gokov, Oleg. On History of Military Planning by Staff of Caucasus Military District on Persia in 1889–1890. The last part **28**

Norik, Boris. Colonel Kossagovsky's Diary. The Last Part ……... **35**

Kadyrbaev, Aleksander. Antiosman Rebellion in Vane in 1915 …….. **49**

Sinichenko, Vladimir. Military Deliveries to Russian Empire from the Pacific Ocean's Region during First World War ……... **58**

Tikhonov, Yuriy. Soviet-Afghan Contradictions From Behind Bukhara …… **66**

Ryaguzova, Anna. Indian Nationalists in Russia ……..... **71**

Schmidt, Waldemar. Facts, Reasons and Consequences of Emigration Movement by Kazakhstan's German Peasants …… **76**

Mongush, Marina, and Zaytseva, Anna. Christian East: Women's Destinies in Foreign Lands ……... **85**

Bukhert, Vladimir. Vladimir Lutskiy on Organization of Work in Arabian Studies …….. **89**

Prozhogina, Svetlana. Remind of Old Numbers in New Social Transformations by Magrib's Literatures **95**

Contributors ……. **108**

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-3

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Нынешний выпуск «Восточного архива» – первый после ноябрьской архивной конференции, которая проходила уже в пятый раз и стала наиболее представительной. С докладами выступили 70 учёных из разных стран. Причём из других городов приехали лишь единицы. Это потому, что мы впервые использовали интернет, что позволило уберечься от коронавируса. Ну, а компьютеры теперь дома у каждого. Уверен, что в ноябре 2024 года мы так же проведём VI конференцию «Архивное востоковедение», и участников в ней будет ещё больше.

А теперь о нынешнем номере «Восточного архива». Открывается он моей статьёй о визите в середине XV века в монастырь Св. Екатерины на египетском Синае инока Варсонофия. Текст Варсонофия – самый ранний дошедший до нас рассказ о хожении на Синай, хотя русские бывали там с начала XI века. Мой материал поставлен первым в соответствии с давней традицией – статьи публикуются от более древних по времени тем до почти современных.

Т.М. Айтберов из Дагестана и Я.З. Ахмадов из Чечни публикуют записку рубежа XVII–XVIII века, отправленную из чеченского района Беной в соседний дагестанский район Гагатли. Как видно из текста записки, чеченцы и дагестанцы жили вполне мирно.

Хочу обратить ваше внимание на материал о генерал-майоре Георгии Арандаренко, одном из первых исследователей Бухарского ханства и Афганского Туркестана. Его авторы, супруги Л.В. Божинская и С.Л. Борошко из Ростова-на-Дону, вовсе не востоковеды. Дело в том, что Л.В. Божинская – прямой потомок Георгия Арандаренко, и уже давно она и её муж в свободное от работы время упорно занимаются поисками материалов о её предке.

В этом номере журнала заканчивается публикация материала «К истории военного планирования штаба Кавказского военного округа по Персии в 1889–1890 гг.». Его автор – историк из Харькова (Украина) О.А. Гоков. На основе большого числа старых источников он описывает подготовку к возможной войне с Персией.

Б.В. Норик завершает публикацию «Дневника полковника В.А. Косаговского». Автор дневника в конце XIX века возглавлял Персидскую Его Величества Шаха казачью бригаду.

Следующие материалы посвящены Первой мировой войне. А.Ш. Кадырбаев анализирует антиосманское восстание в городе Ван в 1915 году. Автор обращает внимание на преступления армян против местного исламского населения. В.В. Синиченко, впервые публикующийся в «Восточном архиве», подробно разбирает российские военные закупки в годы Первой мировой войны в странах Дальнего Востока, в основном в Японии.

Вальдемар Шмидт (Германия) рассматривает эмиграционное движение немецких крестьян Казахстана в 1930-е годы, показывая, что главная причина их эмиграции – это коллективизация в деревне.

И ещё хочу обратить ваше внимание на материал М.В. Монгуш и А.А. Зайцевой о женщинах-христианках в странах Ближнего Востока в середине XX века.

Словом, материалы разносторонние, а их авторы живут не только в Москве. Думаю, что так оно и будет в дальнейшем.

В.В. Беляков

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-4-7

В.В. Беляков

ИНОК ВАРСОНОФИЙ НА СИНАЕ

Веками главным побудительным мотивом посещения Египта для россиян было вовсе не желание посмотреть его архитектурные памятники или торговый интерес, хотя его описаний в XV–XVIII веках довольно много[1]. Русские паломники стремились поклониться святым для христиан местам Синая – Неопалимой купине и горе Моисея, хранителями которых были и остаются насельники построенного в середине VI века православного монастыря Св. Екатерины. О существовании этих святынь наши соотечественники узнали, вероятнее всего, от византийских священников уже вскоре после крещения Руси в 988 году.

В 1001 году, согласно Никоновской летописи, князь Владимир отправил первых послов в Египет. «В лето 6509… послал Владимир гостей своих, в качестве послов, в Рим, а других в Иерусалим, и в Египет и в Вавилон[2], увидеть земли и обычаи их»[3]. Впрочем, из летописи не ясно, добрались ли послы до мест назначения, а если и добрались, то что они там увидели и вернулись ли благополучно на родину. Зато из географии посольств очевидно, что послы были отправлены по церковным делам. Ни торговые, ни тем более политические соображения не могли в ту пору оправдать снаряжение посольств в столь дальние от Руси края.

Хотя письменных упоминаний о Синае на Руси не было до 1370 года, наши соотечественники определённо посещали монастырь Св. Екатерины и до этого. В богатейшей библиотеке монастыря есть два древних манускрипта, принесённых из Руси. Первый из них – рукописная Псалтырь, которую иностранные исследователи датировали началом XI века[4]. Позднее она была отнесена к концу XI – началу XII века[5]. Второй манускрипт обнаружил в 1995 году отечественный исследователь Я.Н. Щапов. Знакомясь в библиотеке Синайской обители с рукописью конца XII века Sin. Slav. 39, которую считали сербской, он пришёл к выводу, что эта рукопись – Апостол-апракос с Месяцесловом – является древнерусской. На полях есть приписки имён. «Несомненно, именно из-за этих имён, для их поминания в святом Синайском монастыре, сама книга была привезена из Руси на Синай, – отмечал Я.Н. Щапов, – причём это должен был сделать кто-то из членов этого рода, уже после смерти самого вкладчика, вероятно, в XIII веке»[6].

Наиболее раннее из известных ныне письменных упоминаний о паломничестве на Синай относится примерно к 1370 году. Его автор – архимандрит смоленской Авраамьевской обители Агрефений. Записки этого паломника весьма скупы, в них нет описания святых мест Синая – только расстояние до них от Палестины. «…От Газы до Египта 12 дней, от Египта до Александрии 6 дней, а до Синайской горы 15 дней; дотоле ходят православные христиане, а далее ходу нет христианам православным»[7].

Из краткого текста не ясно, побывал ли сам Агрефений на Синае. Не исключено, что он почерпнул эту информацию в Палестине. Но, по крайней мере, смоленский архимандрит говорит о посещении Синая православными паломниками как о чём-то вполне обычном. Это даёт основание предполагать, что русские паломники «ходили» на Синай задолго до появления записок Агрефения.

Первый опубликованный рассказ о поездке на Синай принадлежит иноку Варсонофию. В 1462 году он открыл в русской литературе описание монастыря и его окрестностей, горы Моисея и горы Св. Екатерины. Об авторе записок, к сожалению, практически ничего не известно.

Надо сказать, что монастырь расположен на высоте 1500 метров в южной части Синайского полуострова, почти в 500 километрах от Каира. До середины XX века добраться до него можно было только на верблюде, и путь занимал 12–13 дней. Попасть туда было на-

много труднее, чем побывать в Иерусалиме. Этим и объясняется сравнительная редкость посещения монастыря Св. Екатерины, не говоря уже о публикациях.

Итак, слово иноку Варсонофию.

Инок Варсонофий[8]

Пришёл же я, иеромонах Варсонофий, в святой монастырь Синайский, в землю аравитскую и мадиамскую в год 6970 (1462), в 27 день месяца января, на память перенесения мощей святого Иоанна Златоуста.

Пошёл же я на гору Хоривскую в пятницу, на память возвращения мощей святого священномученика Игнатия Богоносца, и целовал святой камень, под которым стоял святой пророк Моисей и видел Господа Бога Создателя, идущего мимо него, и убоялся Его великим страхом, и погрузился в камень. И отпечаталось всё его тело в твёрдом камне: голова, и плечи, и руки, и ноги – всё его тело, и ему было невозможно стоять прямо [и] ровно, и [он стоял] пригнувшись, на коленях, опираясь локтями обеих рук о камень. И тот святой камень, придав ему большую силу, по Божию повелению покрыл всё его тело. А размером тот камень в три сажени, высота – 5, а ширина его – пять саженей. А лежит этот святой камень на самом верху той святой горы Хоривской, а возле него вторая церковь во имя святого пророка Боговидца Моисея. Там же он и скрижали взял из руки Божьей, и там же он и с Богом беседовал уста к устам – на той святой горе Хорив – святой пророк Боговидец Моисей. И на середине горы Хоривской есть вторая церковь, во имя святого пророка Илии, и за святым престолом его церкви есть место, где сидел святой Илия. И есть там другая церковь, святого пророка Елисея. И есть там четвёртая церковь, во имя святого священномученика Антипы, ведь [там] было ровное хорошее место. И на середине горы Хоривской, где жил святой пророк Илия и Елисей, – вот там есть вода, круглое озерцо, огороженное камнями. А вокруг воды – деревья, из [одного из] которых я вырезал себе посох. С древних же времён святые отцы построили большой каменный мост. А снизу от земли и до вершины святой горы Хоривской семь тысяч ступеней.

А в субботу, на память трёх святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого – я пошёл на гору, тоже очень высокую, на которой лежало тело великомученицы Екатерины, принесённое святыми ангелами из города Александрии после её святого страдания за Христа. И тело её лежало на святой горе больше трёхсот лет, никому не видимое, пока не открыл Бог святому старцу в Раифском монастыре: на высокой горе лежат мощи – и повелел положить её мощи в святой церкви в монастыре святой горы Синайской. И старец, отправившись в святой монастырь Синайский, сказал им, что открыл ему Господь Бог, – а они недоумевали и говорили между собою: где высокая гора? И они отправили священников и клириков со всеми кадилами и свечами на поиски – а отправили их числом восемь. А когда те вышли из монастыря и недоумевали, куда пойти, то встретился им святой ангел в монашеском образе и сказал им: «Я знаю путь к высоким горам». И повёл их ангел. Когда он привёл их на высокую гору, где лежат мощи святой Екатерины, то стал невидим для них. Святые же отцы с радостью и страхом взяли святые мощи великомученицы Екатерины и понесли в святой монастырь Синайский под псалмы и песнопения и положили в великой церкви близ святого престола с правой стороны, где [она] и доныне лежит. И та самая святая высокая гора называется Екатеринина гора. И там я совершил земной поклон Господу Богу, и Пречистой Его Матери Божией, и святой великомученице Екатерине и с любовью целовал ещё одно место, от которого исходит благоухание – где лежало святое тело; и целовал ещё одно место – где сидели святые ангелы. И видел камень, из которого течёт вода от удара жезлом Моисеевым по Божию велению: высота камня 12 пядей, а ширина его 24 пяди – из которого пили воду сыны Израилевы.

Пошёл же я на высокую гору Синайскую, на которой стоял святой Моисей, и, увидев Неопалимую купину месяца февраля в первый день, на память святого мученика Три-

фона, сотворил молитву со слезами Господу Богу, и Пречистой Его Матери, и святому пророку Боговидцу Моисею.

Вот, записал я святые церкви Синайской горы: 1) церковь соборная Преображения Христова, 2) церковь святой Неопалимой купины, 3) церковь Иакова, брата Божия, 4) Иоанна Предтечи, 5) Иоакима и Анны, 6) Симеона Столпника, 7) бессребреников Космы-Дамиана, 8) церковь священномученика Антипы, 9) церковь святых царя Константина и матери его Елены, 10) церковь святой мученицы Ирины. Это – святые приделы внутри святой великой церкви Христова Преображения.

Вот я записал, какие есть в монастырях святые церкви: 1) церковь святого первомученика Стефана, 2) церковь Пречистой Богородицы, 3) святого Иерофея, 4) церковь святого Феодора, 5) церковь Положения пояса [Пресвятой Богородицы], 6) церковь перенесения [мощей] Иоанна Златоуста, 7) церковь святого Николы, 8) церковь святого Аарона, 9) церковь святых мучеников Евстратия, Аксентия, Мардария и Ореста, 10) церковь Собора Пресвятой Богородицы, 11) церковь святого Иоанна Богослова, 12) церковь святых апостолов Петра и Павла, 13) церковь Иоанна Крестителя, 14) церковь святых Сергия и Вакха. А все эти церкви – по кельям святых отцов.

Вот я записал святые церкви, которые находятся за монастырём: 1. Церковь Рождества Пречистой Богородицы, где [Пре]святая Богородица встретила святых отцов, когда все побежали из монастыря, оставив [его] пустым. И сказала им [Пре]святая Богородица, Матерь Божия: «Святые отцы, почему вы убежали из монастыря?». А они отвечали, говоря: «Из-за нехватки хлеба и масла и из-за множества гадов, живущих в монастыре». И сказала им [Пре]святая Богородица, Матерь Божия: «Теперь с этого момента Я стану вашим келарем. В этих местах все гады издохнут. И кто выдержит [пребывание] на этом месте до конца своей жизни – за всех вас Я буду отвечать на Страшном суде перед Сыном и Богом Моим, Господом Иисусом Христом». И то место зовётся «Явление Пречистой Богородицы». И там есть большой камень, на котором сидела Пречистая, – от него и доныне исходит благоухание. И возле этого святого камня церковь стоит.

И святые отцы с радостью повернули назад, пошли в святой монастырь Синайский, нашли большую корчагу, полную деревянного масла, переливающегося через край. И все гады издохли в том монастыре – по слову [Пре]святой владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

И есть там святая церковь на святой горе Хорив во имя святого пророка Боговидца Моисея, где тот видел Господа Бога, Спаса нашего Иисуса Христа и взял скрижали, с Богом беседовал. И на середине горы Хоривской есть там третья церковь – во имя святого пророка Илии, а за святым престолом его церкви – место, где сидел святой пророк Илия, где ворон приносил ему хлеб в пищу. На том же месте есть церковь святого пророка Елисея. И ещё одна церковь есть, священномученика Антипы, на том же месте. Все эти церкви стоят – четыре подряд – на середине горы Хорив.

8. Церковь, где Пречистая дала свой пояс святому апостолу Фоме, и монастырь. 9. Церковь святого Георгия – монастырь. 10. Церковь Сорока мучеников – монастырь, в котором маслины и смоквы, и деревья там есть. 11. Церковь святого Анофрия, и там же – его источник. 12. Церковь святого пророка Иоанна Предтечи, Крестителя Господня – монастырь. 13. Церковь святого мученика Пантелеймона – монастырь. 14. Церковь святых преподобных Иоакима и Анны – монастырь. 15. Святых апостолов Петра и Павла – монастырь. 16. Церковь святых бессребреников Космы и Дамиана – монастырь. Всего же церквей в святом монастыре Синайском и за монастырём сорок.

Святой же монастырь Синайский огорожен четырьмя высокими каменными стенами. Железных ворот трое. Путь же в монастырь один. И как пройдёшь первые ворота – там широкая улица. Там же конюшня, куда ставят ослов. И все трое ворот стоят в ряд, все железные. А всего монашеских келий тысяча.

А святая великая соборная церковь Христова Преображения стоит на 12 столпах.

А с левой стороны великой церкви есть колодец с водой у каменной оградной стены, а за стеной монастырской ограды – и ещё один колодец, напротив того колодца снаружи. Из колодца выведена по трубам вода внутрь [ограды] в монастырский колодец под землёй.

Святой монастырь Синайский стоит между двух гор. А третья гора Синайская – прямо с восточной стороны, а с западной стороны – путь в монастырь. Святая же гора Синайская стоит вдали от монастыря, больше чем на два выстрела – на которой стоял святой Моисей и видел Неопалимую купину.

Когда пришёл Моисей из Египта в Аравию, он взял себе в жёны Сепфору, дочь Рагуила, священника мадиамского, и стал отцом двух её сыновей. Моисей пас овец и как раз пригнал овец попить воды из колодца – где сейчас стоит Синайский монастырь, около того самого колодца. Святой же Моисей стоял на горе Синайской и увидел купину, горящую в огне, но не сгорающую, и дивился чуду, и задумался про себя, и размышлял, говоря: «Что я вижу за великое видение – а посмотрю-ка я, спустившись». И когда он подошёл близко, то был ему голос ангела Божия из купины, говорящий Моисею: «Сними обувь со своих ног: место, на котором ты стоишь – святая земля». И Моисей сделал так. И увидел стоящую посреди купины Пречистую Деву Марию с простёртыми ввысь руками, держащую Младенца у своей груди – Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия. И Господь сказал Моисею: «Я Бог отца твоего Авраама и Бог отца твоего Исаака, и Я Бог отца твоего Иакова. И Я не Бог мёртвых, но живых. Не бойся, подойди ближе ко Мне!» И Моисей сделал так. И сказал Господь: «Звуки плача и рыдания множества людей-израильтян дошли до Моих ушей, и не могу выносить оскорбления их египтянами. Веди же их в землю, обещанную вашим предкам». Моисей же отказывался, говоря: «Я гнусав и косноязычен и от страха бежал из Египта, ибо я убил египтянина и спрятал его [тело] в песке». Господь же сказал ему: «Не бойся, Я с тобой». И Моисей поступил так, как сказал ему Бог. А святая купина стоит в долине, где великая соборная церковь. А за престолом великой церкви, на том святом месте, где Пречистая Дева Мария стояла посреди огненной купины, держа Господа Иисуса Христа, Сына Божия, – на том святом месте лежит камень, белый мрамор, окованный кругом медью, на котором – на меди – изображены святые пророки. А на вершине этого камня – святой престол, на котором служат святую литургию каждую субботу, вечером же поют стихиры похвалы Неопалимой купине, и каждый человек входит в ту святую церковь, сняв обувь. Если же по забывчивости войдёт в церковь не разувшись, тогда принимает епитимью три года ходить босым.

Есть купина – трава, полевой цветок, низко растёт, а есть другое [растение], растущее как толстые прутья, широкое и высокое, колючее. А мы говорим, это шиповник, а другие говорят, чертополох.

И я пробыл во святом монастыре Синайском 6 дней и только [тогда] пошёл в Раифу.

Примечания

[1] Египет глазами россиян XV–XVIII веков. Сборник хожений / Сост., предисловие, послесловие, прим. и коммент. В.В. Белякова; отв. ред. Э.Е. Кормышева. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

[2] Под Вавилоном явно имелся в виду христианский Старый Каир, известный также как Вавилон Египетский.

[3] Полное собрание русских летописей. Т. 9-10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 68.

[4] *Altbauer M., Lunt H.G.* An Early Slavonic Psalter from Rus. Harvard, 1978.

[5] *Tarnanidis I.C.* The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988. P. 109.

[6] *Щапов Я.Н.* Три дня в Синайском монастыре Святой Екатерины // Геннадиос. Сборник статей к 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999. С. 287.

[7] Хождение архимандрита Агрефенья // Православный палестинский сборник, 48-й выпуск. СПб., 1896. С. 2.

[8] Перевод с древнерусского И.С. Юрьевой.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-8-11

Т.М. Айтберов, Я.З. Ахмадов

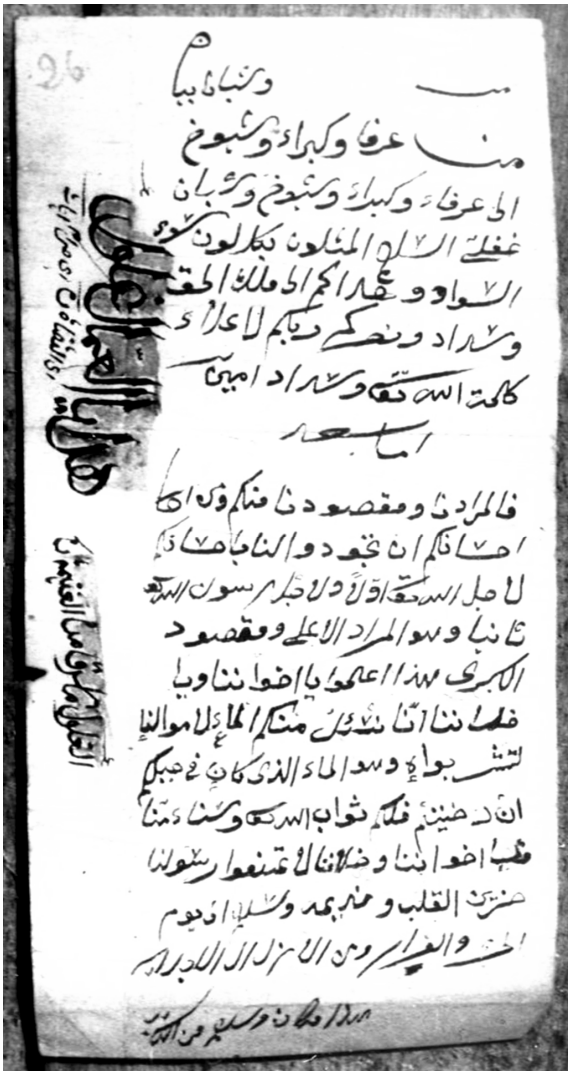
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА – БЕНОЯ И ГАГАТЛИ

В исторической науке Чеченской Республики (Российская Федерация) по сей день сохраняется значительная лакуна, связанная со скромным присутствием арабоязычных и арабографических источников чеченского происхождения. По разным причинам работа, связанная с системным поиском новых документов и их последующим научным изучением, остаётся делом будущего. Потому нет ещё достаточно полной истории утверждения ислама на территории края, хотя появление первых мусульманских воителей на землях Чечни и Дагестана согласно, в т.ч. Т.М. Айтберову[1] и Я.З. Ахмадову[2], относится к VII–VIII вв.

На сегодня самый ранний письменный документ, исходящий из Чечни (на тюркском языке, арабская графика), датируется 1647 годом – это письмо представителей Шатоевского (Шубут) джамаата (Горная Чечня) русскому царю Алексею Михайловичу[3].

Отдельно стоит вопрос об известных в историографии Северо-Восточного Кавказа вариантах чеченских поздних рукописей об истории мусульманских переселенцев из Сирии в Нахичевань («Нахчуван»), а затем в Чечню и Дагестан[4], а также о Гунойском списке (Чечня) Дербенд-наме, изданном А.К. Аликперовым в 2008 году[5].

В целом даже незначительные по объёму арабографические и арабоязычные документы в истории горских народов чрезвычайно важны, так как они являются «коренными» и, с точки зрения науки, первостепенными, наиболее аутентичными реалиям прошлого. В них исследователь найдёт материалы по истории ислама в той же Чечне, исторической географии края, об общественно-политическом устроении, взаимоотношениях с соседями и политике чеченского мира в отношениях с той же Россией. И, наконец, подобные документы – важный показатель культурно-религиозного состояния общества.



В настоящее время в портфеле авторов настоящей публикации есть новые материалы на арабском языке, неизвестные широкому читателю, в частности, письмо вольного Беноевского общества (Восточная Чечня) в общество Гагатли/Гагатль (западная часть

Нагорного Дагестана), датируемое рубежом XVII–XVIII вв.

Предыстория нашей находки такова: в 60–70-х годах XX века сотрудники Института истории, археологии и этнографии Дагестанского филиала Академии наук СССР проводили в районах Дагестана ежегодные этнографические экспедиции. Во время одной из таких экспедиций, согласно полевым записям, была сделана фотография старого письма, выполненного на арабском языке, у одного из жителей селения Гагатли Ботлихского района Дагестана. Данный фотоснимок лёг в папки Рукописного фонда архива указанного института почти на 50 лет[6]. Затем он был выявлен, атрибутирован и переведён арабистом Тимуром Айтберовым на русский язык.

Наша публикация сделана не по оригиналу, а по фотографии, но она позволяет установить, что речь, несомненно, идёт об оригинальном документе. Написано послание, судя по всему, чёрными чернилами, тростниковым каламом, почерком насх. Здесь, однако, разновидность последнего, характерная, если брать в учёт дагестанскую письменную традицию, для XVII века, при этом не исключено давление северокавказской традиции использования арабской графики и в документах на тюркском языке. В таком случае верхнюю планку для датировки послания можно поднять и до середины XVIII века. Дело в том, что у письма по-тюркски были свои правила.

Можно отметить, что писавший данное послание не был большим знатоком арабского языка, ибо допускал грамматические ошибки. Арабскую лексику он знал также не очень хорошо, но вполне связно излагал суть дела, которое заключалось в том, что одно из близких к землям дагестанского общества Гагатли пастбищ беноевцев на Андийском хребте испытывало необходимость в водопое для скота, а ближайшие источники воды, видимо, располагались в землях гагатлинцев.

Из литературы известно, что беноевцы и гагатлинцы взаимодействовали по вопросу о пастбищах и в новейшее время, когда, к примеру, те же гагатлинцы из-за недостатка земли договаривались об аренде пастбищ на землях Беноя.

В общем, ситуация была вполне типичной для пограничных районов Дагестана и Чечни, проживавших бок о бок в течение тысячелетий и давным-давно не только решивших для себя какие-либо поземельные и иные споры, но и выработавших практику решения возникавших вопросов, о чём объективно говорит и содержание нашего значимого в научном плане документа.

Перевод текста

«От судей (по адату – араб. урафа; ед. число: ариф – букв. «начальник, старшой»), больших людей, стариков и юношей Беноя (Баян) послание:

(таким же) судьям, большим людям, старикам и юношам Гагатля (Гъагъалъ – авар., ГIагIатли – чечен.).

Многие вам приветы, направляемые в самых разных цветах своих, но кроме цвета чёрного!

Да поведёт вас существующая ситуация к царству истины и здравого смысла!

Да поможет вам Господь ваш в деле возвышения слова всевышнего Аллаха и установления здравого смысла!

Аминь!

А далее.

Желанием нашим, так же, как и объектом наших устремлений, обращенных к вам – гагатлинцам, является то, чтобы вы расщедрились и проявили бы милость к нам, поступая так, во-первых, ради всевышнего Аллаха, и, во-вторых, ради Посланника Его!

Это – наше наивысшее желание и наибольший объект наших устремлений.

О, друзья наши! О, приятели наши!

Знайте, что просим мы вас (открыть) воду для нашего (крупнорогатого) скота, чтобы последний мог бы пить её. Речь идёт о той воде, которая имеется на ваших горах.

Если вы, гагатлинцы, дадите тут своё согласие, то будет вам воздаяние от всевышнего Аллаха. Мы же будем благодарить вас, ибо вы – наши друзья и приятели.

Не позволяйте нашему беноевскому посланнику быть тут печальным и разочарованным.

Это всё – останется вплоть до дня Страшного суда. На веки вечные!

Привет от писавших».

Таким образом, опираясь на данный документ, можно уверенно говорить об укоренённой практике арабской письменности и грамотности в среде населения крупного общества Беной на рубеже XVII–XVIII вв. Ещё раз подтверждаются добрососедские отношения чеченцев с дагестанскими соседями на основе ценностей ислама и векового добрососедства.

Комментарии

Бена (Беной). Самое крупное по территории и численности населения общество древнего Нахч-Мохка (Восточная Чечня), Бена располагалось в верхней (южной части) региона в бассейне широко разветвленного притока Яссы – р. Бена-Ясса. Включало в себя, помимо центрального аула Беной, более десятка аулов и хуторов, где проживало в целом несколько тысяч семей. Территория общества была заселена не позже эпохи ранней бронзы (примерно III тыс. до н. э.). Оно входило в широкую федерацию вольных обществ Нахч-Мохк, исторически известную и под именами Ичкерия и Мычигаш/Мичиг.

Оно граничило на западе с другими чеченскими обществами Нахч-Мохкойской федерации – Харачой, Белгатой и Цонтарой, на севере с Энгеной и Гендаргеной, на востоке с Зандаком. На юге граница шла по Андийскому хребту, за которым располагались авароязычные (андийская группа) аулы и общества северо-западной части Нагорного Дагестана. Ныне селения Беноя входят в Ножай-Юртовский район Чеченской Республики.

По данным бенойских преданий, их общество приняло или утвердило ислам ещё при жизни шейха Берсана (возможно, рубеж XVI–XVII вв.), который был женат на представительнице беноевского тейпа (авторы данной публикации были, кстати, первыми светскими учеными, добравшимися до могилы шейха Берсана в Верхнем Курчалое в 80-х гг. XX в. и введшими его эпитафию в науку).

В свою очередь после смерти шейха Берсана беноевцы сами активно участвовали в укреплении религии во всем Нахч-Мохке. Потому в Бенойском обществе, видимо, рано произошёл переход от самоуправления посредством совета старейшин и народного собрания к джамаату – мечетским собраниям, возглавляемым религиозными авторитетами. Более того, не позже XVIII века в среде беноевцев возникли генеалогические предания, выводящие их тейп из арабских родов Шема-мохка (Сирия)[7].

Гагатли (Гагатль) – одноимённое селение-общество «андийской полосы» северо-западной части Нагорного Дагестана, насчитывающее в настоящее время около 400 хозяйств (вместе с тем тысячи выходцев из Гагатли живут ныне на плоскости). В округе села Гагатли имеются археологические памятники куро-аракской культуры III-II тыс. до н.э.

Оно расположено на южном склоне Андийского хребта, граничит на западе и юго-западе с селениями-обществами Гунхи и Анди, на юге с обществом Риквани, на востоке (через хребет) с обществом Гумбет (Мехельта), на севере пастбищные угодья гагатлинцев соседствовали и соседствуют с пастбищами обширного Беноевского общества.

В интересующее нас время – рубеж XVII–XVIII вв. – общество Гагатли входило в Андийский союз обществ; ныне находится в Ботлихском районе Республики Дагестан. Основное занятие проживающих здесь людей с глубокой древности составляло животноводство.

Ислам, если следовать данным некоторых историков, проникал в андийские селения начиная с XIV века, потому к затрагиваемому нами времени он имел здесь крепкие позиции.

Непосредственные взаимосвязи андийцев с чеченскими соседями имели длительный (в несколько тысяч лет) характер и, вследствие близкого соседства, наблюдались взаимные переселения. Дагестанские этнографы отмечали, что вкрапления в среду андийцев чеченцев и наоборот наблюдались уже в раннем средневековье[8].

Примечания

[1] См.: *Айтберов Т.М.* Начальный этап в процессе формирования мусульманской государственности и исламских центров на Восточном Кавказе. Махачкала, 2011.

[2] *Ахмадов Я.З.* Начало формирования цанарского государства (хорепископство) и первые нахо-арабские контакты на Кавказе (VI–VII вв.) // Этногенез и этническая история народов Кавказа. Сб. мат. I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.). / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный, 2018. С. 192-201.

[3] *Кушева Е.Н., Усманов М.А.* К вопросу об общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография. 1978. № 6. С. 99-110.

[4] *Семёнов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа: (Рассказы, очерки, исслед., заметки о чеченцах, кумыках и нагайцах и образцы поэзии этих народцев). СПб., 1895. XVIII, 488 с.; *Айтберов Т.М.* «История мусульманских переселенцев из Нахичевани» как источник по истории Чечни и Дагестана // Сборник научных трудов АН ЧР и КНИИ РАН, № 8 / Под ред. Ш.А. Гапурова, Д.К.-С. Батаева. Грозный, 2019. С. 47-62; *Кадиев (Мисарбиев) С.М.* Краткая история и генеалогия тайпа Арганой. Знаменское: Б.и., 2007. 44 с. https://www.academia.edu/9093152/История_тейпа_Аьрг1аной_Кадиев_Саид_Мохьмад (дата посещения 30.07.2021).

[5] *Аликберов А.К.* Гунойский список Дербенднаме. Перевод и комментарии // Дагестанский востоковедческий сборник. Вып. 1. Махачкала, 2008. С. 43-52.

[6] Фонд восточных рукописей Института ИАЭ Дагестанского центра РАН. Ф. 16.

[7] См.: Беной в истории и культуре чеченского народа (Историко-этнографические очерки) / Авторы-составители Ш.А. Гапуров, Х.С. Умхаев. Грозный, 2016. 592 с.

[8] См.: *Агларов М.А.* Андийцы: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2002. 304 с.

DOI: 10.31696/2072-5795- 2022-1-12-16

А.М. Куликов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ АРХИМАНДРИТА ПАЛЛАДИЯ (КАФАРОВА) НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. 1870–1871 гг.

В 1870 году по указанию Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) глава XV Российской духовной миссии в Пекине архимандрит Палладий (Кафаров)[1] отправился в экспедицию по вновь приобретённому Российской Империей Дальнему Востоку.

Основными целями экспедиции являлись: 1) изучение коренного населения края для продолжения его колонизации русскими поселенцами и снижения вероятности конфликтов с местным населением; 2) изучение древних памятников (развалин городов, крепостей и поселений); 3) сбор сведений о малоизвестных на тот момент областях Маньчжурии, Монголии и Кореи. На экспедицию было выделено 5000 рублей, а генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову[2] ИРГО поручило оказывать Палладию всевозможное содействие.

За сорок дней добравшись от Пекина через Маньчжурию до Благовещенска, архимандрит продолжил своё путешествие на пароходе «Чита» до Хабаровки (совр. Хабаровск). Далее, пересев на пароход «Сунгача», Палладий устремился вверх по р. Уссури и её притоку Сунгаче до озера Ханка. 7 июля 1870 года путешественники сошли на берег в местечке Камень-Рыболов, а затем пешком направились в село Никольское (совр. Уссурийск).

Никольское стало основным пристанищем архимандрита вплоть до 2 января 1871 года, когда он по льду р. Суйфун[3] отправился на тройке во Владивосток. Когда в апреле 1871 года возобновилась навигация, Палладий осуществил ряд путешествий вдоль морского побережья Южно-Уссурийского края, где осмотрел несколько чжурчжэньских городищ.

Наиболее же подробно архимандрит изучил развалины древнего городища Фурдань, находящегося недалеко от с. Никольское. В момент пребывания Палладия в Никольском в 1870 году в Фурдане размещались переселенцы из Кореи, с которыми Палладий наладил контакты при помощи М.П. Пуцилло[4].

Десять дней – с 12 по 22 июля 1870 года – Палладий провёл за осмотром Фурданьской долины. В своём дневнике[5] он записал: «В мусоре развалин попадается много черепиц и кирпичей грубой отделки, битые сосуды, кувшинчики, чашки, фарфоровые и глиняные (несомненно корейского происхождения), – маски, наведённые глазурью, для водосточных труб, и такие же фигуры фантастических животных, обыкновенно утверждаемых наверху крыш, по краям конька. Из каменных изделий, кроме примогильных изваяний, о которых я уже упомянул, встречаются могильные памятники в виде больших каменных плит, с изображением витого дракона наверху, и утверждённые на каменных черепахах; на фурданьской долине нашлись два таких памятника; оба повержены на землю и разбиты; базисы под деревянные колонны из известнякового камня и из лавы; обломки жертвенных плоских сосудов, похожи на остатки саркофагов; грубо обтёсанные дикие камни, находимые в фундаментах стен; пьедесталы, украшенные резьбой; один подобный найден хозяином моей квартиры; он совершенно круглый, с мелкою резьбой и с отверстиями посредине, и, очевидно, служил пьедесталом кумира, крестьянин употребил его на жёрнов своей домашней мельницы; каменные львы, какие обыкновенно ставятся пред кумирнями и казенными или богатыми домами; стенки, или упоры каменномётных машин, в виде толстых плит, с отверстием в верхней части, для машинного рычага; не говорю о других более мелких каменных остатков и обломков. Из металлических вещей, чаще всего попадаются монеты, б.[ольшей] ч.[астью] китайские, и частью корейские, и японские; находимы бывают также сбруйные украшения, поясные пряжки, изредка наконечники стрел и мечи и зеркала, в древнем укреплении, по ту сторону р. Суйфуна, найдено целое гнездо панцирных железных блях и копейные наконечники»[6].

Монеты и другие мелкие артефакты, в изобилии находимые в окрестностях городища, нередко доставляли архимандриту местные дети, рывшиеся в щебне развалин.

Вернувшись из поездки по Дальнему Востоку в Пекин, Палладий 13 августа 1872 года отправил в Петербург заметку «О монетах, собранных в Южно-Уссурийском крае»[7]. 9 мая 1873 года она была получена ИРГО, но по неизвестным причинам опубликована не была и осталась в архиве Петербургского отделения ИРГО.

В 1970-е годы заметку Палладия в архиве Всесоюзного географического общества СССР обнаружил А.Н. Хохлов[8]. С его помощью в 1979 году учёный-нумизмат Н.В. Ивочкина[9] подготовила статью «Заметка П.И. Кафарова по дальневосточной нумизматике» [Ивочкина, 1979]. В статье приводится подробное описание рукописи заметки Палладия, а далее полностью приводится её преамбула.

Ивочкина отмечает, что в заметке Палладия содержится упоминание о двадцати четырех китайских, шести корейских и двух японских монетах. Упоминает автор и о двух шахматных фигурках и зеркале, но подробностей не приводит[10].

На наш взгляд, нумизматическая заметка Кафарова интересна не только своим каталогом монет и артефактов, но и историческими комментариями, которыми архимандрит снабдил большую часть своих находок. Основная их часть посвящена истории взаимодействия Китая, Кореи и народов, в разное время проживавших на территории Маньчжурии.

Ниже мы впервые полностью публикуем нумизматическую заметку Палладия с преамбулой, каталогом монет и артефактов, а также комментариями исторического характера, принадлежащими перу архимандрита. Кроме того, к названиям монет, указанных Палладием, добавлены иероглифы, отсутствующие в оригинале рукописи, и ряд примечаний для уточнения деталей.

На наш взгляд, заметка прекрасно иллюстрирует научный подход Кафарова к археологической работе – весьма примечательный для отечественной полевой археологии второй половины XIX века. Кроме того, неопубликованная заметка о монетах – ещё одно свидетельство в пользу наличия интереса архимандрита Палладия к истории Кореи и чжурчжэньской династии Цзинь (1115–1234).

О монетах, собранных в Южно-Уссурийском крае[11]

9 мая 1873 года[12]
В Императорское Русское
Географическое Общество

Представляемые при сём медные монеты собраны мною в Южно-Уссурийском крае; почти все они найдены в развалинах древних зданий, рассеянных по стране, в особенности же в Фурдане и прилегающих к ней местностях; эта нумизматическая жатва небогата, так как я не имел достаточно времени для тщательных поисков и довольствовался случайными приобретениями, главным образом от детей, которые, играя и роясь в щебне развалин, почасту находили там разные вещи и между прочим и монеты. Несомненно, что дальнейшие раскопки, для постройки новых зданий, доставят более богатый материал для археологии края.

Все найденные до сих пор в Маньчжурии монеты принадлежат другим нациям, имевшим к ней дружественные или неприязненные отношения. История не доказывает нам, чтобы древние владения Маньчжурии, как Фуюйское[13], Бохайское[14] и даже Джурчжитское (до перенесения резиденции последнего в Китай)[15] имели собственную свою монету; в старину представителями ценности в этом крае, как и в соседней с ним Корее, обыкновенно служили известные произведения почвы и промышленности, и способ торговых сделок был в сущности меновой. Правда, история Сяньбийского[16] дома Вэй[17] делает голословное и странное показание, что Воцзюй[18] (в IV–V веке по Р.Х.) имели свою монету; Воцзюй, обитатели гор и лесов Маньчжурии,

никогда не достигали гражданского развития настолько, чтобы иметь монетные учреждения; в показании истории должна скрываться ошибка или недоразумение.

Ниже следует перечисление монет в хронологическом порядке.

А., Монеты китайские[19]

N. 1. Небольшая монета, с надписью Баньлян [半兩]; чтение поперечное; баньлян значит полланы весом. В первый раз эта монета появилась в Китае при династии Хань в 175 г. до Р.Х. и имела ход не одно столетие, вместе с монетами другого размера и надписания. Китайские археологи предполагают, что в ту пору весовая единица лян (8 зол. 70 долей) была вчетверо легче, чем нынешняя; иначе трудно объяснить незначительную величину монеты. Однако ж, в те же отдалённые времена, были монеты с тою же надписью, но бóльших размеров. Мне кажется, что лян в то время означало не вес, а ценность; так, ныне в Корее существует лана весовая и лана монетная, вдвое более первой. Хотя дин[астия] Хань имела сношения с Южной Маньчжурией, и как ни трудно предположить, чтобы приобретённая мною монета, очень ценная для китайских нумизматов, была кем-нибудь занесена и потеряна в Приморской Области в позднейшее время; тем не менее, я не решаюсь вполне ручаться за достоверность находки, пока вновь найденные монеты не пополнят пробела между той отдалённой эпохою и VII веком по Р.Х., с которого начинаются дальнейшие приобретения мои.

NN. 2. 3. Кай юань тун бао [開元通寶]; чтение перекрёстное; принадлежат первым временам дин[астии] Тан (621 г.). Они могли быть занесены в Маньчжурию во время похода китайцев на Корею в VII веке.

N. 4. Сянь пин юань бао [咸平元寶]; чтение круговое; монета династии Сун (как и следующая); 1001 года.

N. 5. Сянь фу юань бао [祥符通寶]; чтение круговое; 1014 г.

NN. 6. 7. Хуан сун тун бао [皇宋通寶]; чтение перекрёстное; 1038 г.

N. 8. Чжи хэ юань бао [至和元寶]; чтение круговое; 1055 г.

NN. 9. 10. Чжи пин юань бао [治平元寶]; чтение круговое; 1064 г.

NN. 11. 12. Си нин юань бао [熙寧元寶]; чтение круговое; 1070 г.

NN. 13. 14 Юань фын тун бао [元豐通寶]; чтение круговое; 1078–1085.

NN. 15. 16. Юань ю тун бао [元佑通寶]; чтение круговое; 1093 г.

N. 17. Шен сун юань бао [聖宋元寶]; чтение круговое; 1101 г.

NN. 18. 19. Чун нин чун бао [崇寧重寶]; чтение перекрёстное; 1105.

NN. 20. 21. Чун нин тун бао [崇寧通寶]; чтение круговое; 1105.

N. 22. Да гуан тун бао [大觀通寶]; чтение перекрёстное; 1110.

Обилие монет династии Сун в Маньчжурии объясняется непрерывными сношениями Гиней с Сунами и пленом двух сунских государей[20], поселённых в глубине Маньчжурии.

N. 23. Да дин тун бао [大定通寶]; чтение перекрёстное; 1170 г.; монета дин[астии] Гинь, того времени, когда она учредила столицу в Пекине.

N. 24. Да сун юань бао [大宋元寶]; чтение круговое; 1225 г.; южных Сунов.

Монеты монгольской дин[астии] Юань мне не удалось найти; впрочем, они редки были и в Китае; потому что употреблялись короткое время; вместо них ходили, обыкновенно, ассигнации. Монеты дин[астии] Мин и нынешней Маньчжурской попадаются часто в Южно-Уссурийском крае; но как они не имеют особого исторического интереса, то я и не говорю о них.

Б., Монеты Корейские

По китайской нумизматике XII века, медная монета существовала в Корее издавна; так, упоминаются монеты владения Синьло [新羅][21]; потом монеты династии Гаоли [高麗][22], с

подписаниями: Хай дун тун бао [海東通寶] (Восточноморская, или заморская монета), Сань хань тун бао [三韓通寶] (монета владения Сань хань [三韓], или Кореи вообще), и Дун го тун бао [東國通寶] (монета восточного государства). По собственной же истории Кореи, медная монета впервые введена в этой стране в 1097 г., притом, с большим трудом; больший ход имели серебряные пластинки, заменявшие монету; они имели форму корейского полуострова и назывались вазочками, и попросту кокоу. Приобретённые мною в Маньчжурии корейские монеты принадлежат ко времени нынешней династии, воцарившейся в Корее в 1392 году, под именем Чаосянь [朝鮮]. Все кор[ейские] монеты имеют одно подписание Чан пин тун бао [常平通寶], т.е. монеты для всегдашнего равновесия (цены вещей).

N. 25. Корейская монета; чтение перекрёстное; ранних времен династии.

N. 26. Большая корейская монета; с надписью на оборотной стороне Дан бо [當百], т.е. равна 100 (мелким монетам); она не может быть ранних времен.

N. 27. 28. 29. Эти монеты получены мною от перешедших к нам корейцев и прилагаются к сему для показания точной формы и разнообразия старых Чаосяньских монет.

N. 30. Ныне употребляемая в Корее монета. По Корейскому Уложению, она должна весить 2 чина 5 фын (около 2^{x} золотников); 200 таких монет равняются одной лане серебра с лигатурою 30/100.

В., Монеты Японские

N. 31. Куань юн тун бао [寬永通寶]; чтение перекрёстное; 1624–1643 г.

N. 32. Большая Японская монета, с надписью на лицевой стороне Тянь бао [天保], а на оборотной Дан бо, т.е. сотенная; чтение продольное; 1830–1843.

Эти японские монеты позднего времени, вероятно, занесены к нам корейцами.

Г., Смесь

NN. 33. 34. Медные шахматные шашки.

N. 35. Медное зеркало, найденное в 15 верстах от Фурдани на запад. По 16 загнутым лепесткам, называемым технически чу [出], зеркало это походит на так называемые солнечные зеркала времен дин[астии] Хань (с изображением лучей в виде стрел); но только в этих чу и есть сходства; внутренний рисунок не встречается ни в одном образце древних зеркал, находимых в кит[айских] археологических сочинениях. Судя по качеству меди, оно принадлежит ко временам дин[астии] Гинь. В рисунке расположены четыре кит[айских] иероглифа: Фу, гуй, пин, ань [富貴平安], означающие известное китайское благопожелание: счастья, почестей, мира и спокойствия; три знака писаны древним начертанием, один, Гуй, обыкновенным; последний вынесен на верх зеркала; из чего можно догадываться, что зеркало принадлежало благородной фамилии.

Пекин
13 августа. 1872.

Архимандрит Палладий

N. 20.

Примечания

[1] Пётр Иванович Кафаров (в монашестве Палладий) (1817–1878) – востоковед, дипломат, путешественник и миссионер. Участник XII (1840–1849 гг.) и начальник XIII (1850–1859 гг.) и XV (1865–1878 гг.) Русской Духовной Миссии. С 1860 по 1864 г. служил в церкви при Русском посольстве в Риме. Умер в Марселе. Похоронен в Ницце (могила сохранилась).

[2] Михаил Семёнович Корсаков (1826–1871) – российский военный и государственный деятель. Родился в Санкт-Петербурге. Окончил школу гвардейских прапорщиков, служил в лейб-гвардии Семёновском полку. В 50-е гг. XIX века принимал участие в амурских экспедициях. С 1855 г. командовал амурскими войсками. С 1855 г. – губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска. С 1861 по 1871 г. – генерал-губернатор Восточной Сибири. Умер в Санкт-Петербурге.

[3] С 1972 г. – р. Раздольная.

[4] Михаил Павлович Пуцилло (1845–1889) – русский кореевед. Родился в Полтаве. Окончил гимназию в Москве. Служил в Иркутском губернском правлении. В 1866 г. избран в члены Сибирского отдела ИРГО. Занимался энтомологией. В 1870 г. перебрался в Амурский край, где занимался вопросами расселения корейцев. Составил русско-корейский словарь. В 1878 г. избран членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества. Умер в Москве.

[5] Дневник архимандрита Палладия «Переезд от Благовещенска до Хабаровки и от Хабаровки до Южно-Уссурийского края в 1870 году» остался в рукописи и ныне хранится в Санкт-Петербурге в Научном архиве Русского географического общества (см. ниже).

[6] [Архимандрит Палладий]. Переезд от Благовещенска до Хабаровки и от Хабаровки до Южно-Уссурийского края в 1870 году // Научный архив Русского географического общества. Разряд 55. Опись 1. Ед. хр. 24. Часть 1. Л. 25–26.

[7] [Архимандрит Палладий]. О монетах, собранных в Южно-Уссурийском крае // Научный архив Русского географического общества. Разряд 60. Опись 1. Ед. хр. 12. Л. 1–4об.

[8] Александр Николаевич Хохлов (1929–2015) – российский китаист, историк науки. В 1951 г. окончил китайское отделение Московского института востоковедения. С 1951 по 1953 г. работал переводчиком в КНР по линии железнодорожных ведомств. Впоследствии занимался архивными изысканиями, опубликовал более сотни статей по истории востоковедения. Оставил значительное рукописное наследие с архивными выписками (более сотни папок), хранящееся ныне в Отделе Китая ИВ РАН.

[9] Нина Владимировна Ивочкина (1936–2004) – советский и российский нумизмат. В 1960 г. окончила исторический факультет ЛГУ. С 1963 г. работала в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа.

[10] Коллекция монет, собранная Палладием, вероятнее всего, ныне хранится в запасниках Государственного Эрмитажа.

[11] Лексика и пунктуация оригинала за исключением незначительных моментов сохранены.

[12] Дата получения письма в ИРГО.

[13] Кит. 扶餘 (кор. 부여) – государство, существовавшее в Северной Маньчжурии с II в. до н.э. по 494 г.

[14] Кит. 渤海 (кор. 발해) – государство, существовавшее в Маньчжурии, Приморском крае и северной части Корейского полуострова в 698–926 гг.

[15] Речь о чжурчжэньской династии Цзинь 金朝. В заметках Палладия он нередко называет её «Гинь».

[16] Кит. 鮮卑 – одно из древнемонгольских племён, живших на территории совр. Внутренней Монголии.

[17] Подразумевается «Вэй шу» 魏書 («Книга Вэй») – историческая хроника династий Северная Вэй и Восточная Вэй. Составлена в 551–554 гг. Здесь и далее – подчёркивания сделаны рукой архимандрита Палладия.

[18] Кит. 沃沮 (кор. 옥저) – племенной союз, существовавший в Маньчжурии с II в. до н.э. по V в. н.э.

[19] Здесь и далее – выделено для удобства.

[20] Речь о восьмом императоре династии Сун Чжао Цзи 趙佶 (1082–1135), правившем с 1100 по 1126 гг. и его сыне – девятом императоре династии Чжао Хуань 趙桓 (1100–1161), правившем с 1126–1127 гг.

[21] Сноска, сделанная арх. Палладием: 57 до Р.Х. – 927 по Р.Х.

[22] Сноска, сделанная арх. Палладием: 918–1393 по Р.Х.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-17-27

Л.В. Божинская (Арандаренко), С.Л. Борошко

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ГЕОРГИЙ АРАНДАРЕНКО – ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ БУХАРСКОГО ХАНСТВА И АФГАНСКОГО ТУРКЕСТАНА*

Георгий Алексеевич Арандаренко происходил из семьи потомственных дворян, имевших обширные владения в Черниговской и Полтавской губерниях. Он родился 4 февраля 1846 г. в браке Алексея Ивановича Арандаренко и Марии Федоровны Тарасевич в родовом имении в селе Малая Кошелевка Нежинского уезда Черниговской губернии[1].

Род Арандаренко доказывал шляхетское происхождение от магнатского рода Jarand z Grabi i Brudzewa h. Pomian, упоминаемого в источниках с XIV века[2]. Истоки этого рода уходят в средневековую Польшу, откуда его представители в середине XVII века переселились на территорию Левобережной Украины, в село Черняховка (Нежинская первая полковая сотня) и интегрировались в казацкую среду. В формулярном списке его деда, Ивана Арандаренко, родоначальником на территории Запорожья назван шляхтич Иоахим Яранд Брудзевский[3]. Сын Иоахима Яранда, прапрапрадед Георгия Арандаренко, Петр Яранд «простолюдинами переименован с Яранда Аландаром». Потомки его, в зависимости от предпочтений и привычек, стали называться именами Аландаренко, Арандаренко, Арендаренко и т.п.

Одним из известных представителей рода Арандаренко на Запорожье был Тимофей Арандаренко, дважды назначавшийся по указу короля Польши гетманом реестрового Запорожского казачества (1630–1631 и 1633–1634). Осуществлявший это назначение коронный гетман Речи Посполитой Станислав Конецпольский, имевший родство с родом Яранда Брудзевских, заверил его мужество, отвагу, опыт «в делах рыцарских» и определил его «всему войску Запорожскому за старшего, которому всякую готовность и послушание все будут должны оказывать»[4].

Представители дворянского рода Арандаренко занимали старшинские должности сотенного уровня Нежинской полковой сотни. Прапрадед Георгия Арандаренко, Михаил Петрович Арандаренко, будучи сотенным старшиною, погиб во время осады Очакова русскими войсками в 1737 году. Прадед Иван Михайлович был судебным следователем и приставом первой полковой сотни Нежинского полка. Его деду, сотенному атаману (генералу казачьих войск) Ивану Арандаренко, в 1787 году, во времена правления Екатерины II, за оказанные в службе «ревность и прилежание» был пожалован орден Св. Владимира 4-й ст. Его отец, полковник Алексей Иванович, был начальником следственного отдела губернской жандармерии. Его мать, Мария Фёдоровна, была представительницей богатого и знатного дворянского рода Тарасевич, родоначальником которого был гетман Запорожского казачества Тарас Трясило. Многие её предки также занимали старшинские должности сотенного уровня Нежинской первой полковой сотни[5].

В 10 лет Г.А. Арандаренко был зачислен в Петровский Полтавский кадетский корпус (ППКК) и окончил его в 1863 году. Наиболее успешные выпускники направлялись в военные училища Петербурга. Выпуск ППКК 1863 года дал Российской империи 14 генерал-лейтенантов, несколько однокурсников Г.А. Арандаренко сделали блестящую придворную и административную карьеру. Г.А. Арандаренко 23 августа 1863

* Выражаем благодарность востоковеду Михаилу Казбековичу Басханову, доктору исторических наук, профессору, действительному члену Королевского общества по изучению Востока (г. Глазго, Соединённое Королевство) за замечания и помощь в написании этой работы.

года вступил юнкером на службу в 1-е военное Павловское училище, которое окончил по первому разряду 8 июня 1865 года, получив чин портупей-юнкера. 19 сентября 1865 года он был переведён в Михайловское артиллерийское училище. Был произведён в подпоручики «1865 года декабря 13 дня со старшинством с 7 августа сего же года, и 20 декабря 1865 года для отправления к месту служения препровождён в Инспекторский департамент Военного министерства с назначением в Оренбургский стрелковый батальон»[6], сформированный 21 февраля 1865 года и квартировавший в Ташкенте, недавно захваченном войсками генерала М.Г. Черняева.

Воинская часть находилась в подчинении генерала Д.И. Романовского. Подпоручик Арандаренко начал военную службу в самом сложном регионе Российской империи, попав в действующую часть, несущую потери в условиях наступательных боевых действий. Военная кампания против Кокандского ханства велась с 1853 по 1865 год и переросла в вооружённый конфликт с Бухарским ханством. В начале 1866 года войска генерала Романовского начали концентрацию в районе Ташкента. В ответ на это бухарский эмир Музаффар, заручившись поддержкой кокандского правителя Худояр-хана, потребовал от России очистить Ташкент.

Переговоры, продолжавшиеся до начала мая 1866 года, ни к чему не привели. Боевые действия начались 8 мая 1866 года при урочище Ирджар. Это было первое масштабное сражение, в котором принял участие подпоручик Арандаренко. Бухарская армия потерпела жестокое поражение, потеряв около одной тысячи человек. Анализируя это событие, Арандаренко писал: «Блестящее Ирджарское сражение 8-го мая 1866 года, прославившее в Средней Азии русское оружие и пошатнувшее в глазах всех магометан значение бухарского эмира, ознакомило русских с боевыми качествами бухарской армии. Ряд последующих побед над бухарцами <…> рассеял политические иллюзии эмира Музаффар-хана и ослабил военный пыл его узбекского народа»[7].

После Ирджарского боя отряд генерала Романовского ускоренным маршем двинулся в сторону расположенного на берегу реки Сыр-Дарьи города-крепости Ходжент. 20 мая 1866 года подпоручик Арандаренко участвовал в осаде и взятии сильно укреплённой крепости, занимавшей стратегическое положение между Бухарой и Кокандом. Защищённый двумя рядами высоких стен и башен, Ходжент приобрёл славу неприступной крепости. Русскими войсками он был взят после четырёхдневного артиллерийского обстрела и жестокого боя 24 мая 1866 года, в котором погибло до 3500 защитников[8].

Подготовка к штурму бухарской крепости Ура-Тюбе началась 27 сентября 1866 года. Три дня длился интенсивный обстрел крепости из пушек. На рассвете 2 октября войска пошли на штурм. Все бухарцы встали на его защиту, проявив мужество и стойкость. При штурме погибло более двух тысяч защитников и жителей крепости. По случаю победы 3 октября 1866 года генерал Н.А. Крыжановский издал приказ, в котором говорилось: «2 октября бухарская крепость Ура-Тюбе, весьма важная для нас во всех отношениях, после восьмидневной осады взята штурмом. Гарнизон защищался упорно»[9].

Затем русская армия двинулась на Джизак, и 12 октября началась битва. В результате массированного обстрела и непрерывных атак город переходил из рук в руки, но 18 октября 1866 года был окончательно захвачен русскими войсками. Из 11 тысяч бухарцев 6000 погибли при штурме. Взятием Джизака закончилась военная кампания 1866 года.

Через десять дней после взятия крепости Ура-Тюбе, 12 октября 1866 года, 20-летний подпоручик Арандаренко был откомандирован от батальона для «исправления должности заведующего Ура-Тюбинским районом», которую занимал до 20 декабря 1867 года, обладая самыми широкими полномочиями. Назначение подпоручика Арандаренко, с менее чем годичным боевым опытом службы в Туркестанском генерал-губернаторстве, на ответственную административную должность главы только что завоёванного района свидетельствовало о его высоких личных качествах.

Это был его первый управленческий опыт. Спустя год он был введён в состав Аулиэтинского организационного комитета, результатом работы которого стало образование 21 октября 1868 года Аулиэтинского уезда Сыр-Дарьинской области.

После работы в комитете состоялось его назначение «на усиление военно-народного управления Джизакского уезда» (21 августа 1868 г. – 12 марта 1869 г.). В течение последующего года подпоручик Арандаренко являлся исправляющим должность Джизакского уездного судьи (12 марта 1869 г. – 13 марта 1870 г.). Город-крепость Джизак и весь район считались наиболее неспокойным местом, и ожидание неминуемого восстания витало в воздухе. В докладах генерал Д.И. Романовский писал, что жители Ура-Тюбинского и Джизакского районов являются самыми агрессивными и своевольными. 13 марта 1870 года Арандаренко, к тому времени имевший авторитет знатока Туркестана, языка, обычаев и традиций местного населения, был откомандирован в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора. Через год, в 25 лет, он стал Туркестанским уездным судьей, и три с половиной года исполнял эту важнейшую должность (8 марта 1871 г. – 9 ноября 1874 г.). 12 ноября 1873 г. он был произведён в чин штабс-капитана.

На формирование Г.А. Арендаренко как знатока Востока большое влияние оказала служба на судейских должностях в Перовске, Джизаке и Туркестане, которая позволила ему ознакомиться с особенностями юридического быта, обычаями, традициями местного населения, привила ему интерес к изучению восточных народов. Это была очень важная веха в его становлении как военного востоковеда. К этому же периоду относится и начало его литературной деятельности, публикация первых работ по востоковедению.

Российское командование проявило интерес к изучению верховьев р. Зеравшан, водные ресурсы которой имели большое значение для хозяйственной жизни Бухарского ханства. В стратегическом отношении Бухара оказывалась уязвимой в случае потери контроля над этой водной артерией. Для изучения верховьев Зеравшана была сформирована специальная экспедиция, которую возглавил генерал-майор А.К. Абрамов.

Выступив 25 апреля 1870 года, экспедиция беспрепятственно проследовала через Фальгарское бекство. Жители Фальгара и Ягноба просили защитить их от горных матчинцев, которые доставляли им всяческие притеснения. При вступлении в горную Матчу местное население отнеслось к отряду враждебно. Приходилось посылать войска на горные кручи, чтобы очистить ущелье. За время экспедиции убито и ранено 37 её членов.

В результате этого кровопролитного похода и последующих действий горные бекства (под именем нагорных тюменей) были присоединены к России, войдя в состав Зеравшанского округа. Штабс-капитан Арандаренко 9 ноября 1874 года был назначен управляющим всеми нагорными тюменями Зеравшанского округа, прослужив в горных бекствах три года. Полвека спустя эта территория до конца 1930-х гг. оставалась оплотом басмачества. В императорский период эта территория оказалась самой неспокойной в русском Туркестане, и постоянные столкновения с горными матчинцами были источником непрекращавшихся беспорядков.

На новой должности Г.А. Арандаренко проявил себя как реформатор-хозяйственник. Изучив вопросы внутренней торговли Восточной Бухары сельскохозяйственной продукцией, Арандаренко выделил самые востребованные культуры. Определив, что самым дефицитным из продуктов является рис, он направил усилия на преодоление дефицита и внедрение особого сорта суходольного риса, который довольствуется обычной поливкой пашни. Благодаря личным связям Г.А. Арандаренко в 1874 году семена были разосланы во все уезды Зерафшанского округа. Первый посев риса дал удовлетворительный результат, и до конца XIX века Зерафшанский округ был единственным регионом Российской империи, где распространилась культура суходольного риса[10].

Штабс-капитан Арандаренко был эффективным управленцем-администратором, начальником горных уездов, главой исполни-

тельной и законодательной власти. Он считал, что лучшим способом диалога с коренными народами являлась демонстрация, а при необходимости – решительное применение силы.

Несмотря на то, что невольничество в Туркестанском генерал-губернаторстве было запрещено, на территории Туркестана процветала работорговля, одним из центров которой оставалось Хивинское ханство. Весной 1873 года русские войска начали наступление на Хиву, после боёв 27-28 мая ханские войска капитулировали, и в одном только Хорезме свободу получили около 40 тысяч рабов, преимущественно персов[11].

Штабс-капитан Арандаренко принимал активное участие в кровопролитной Кокандской кампании 1875–1876 гг. В 1875 году составился заговор против Кокандского правителя Худояр-хана, к которому примкнул наследник престола Сейид-Мухаммед-Наср-Эддин с андижанским гарнизоном. Худояр-хан собрал свою казну и под усиленной охраной выехал из Коканда в Ходжент, бежав затем под защиту русских войск в Ташкент. Мятеж охватил огромные территории ханства, включая города Ош, Наманган, Маргелан и Ассаке. Календер-бек из Польдерака, при поддержке Пулат-хана (один из руководителей Кокандского восстания, настоящее имя Исхак Хасан-уулу)[12], поднял мятеж в горной Матче. Картегинский бек склонял горцев оказать поддержку восставшим.

В сентябре 1875 года по приказу генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана штабс-капитан Арандаренко возглавил отряд, сформированный для ликвидации мятежных матчинских горцев во главе с Календер-беком. Руководство Арандаренко этой операцией стало предметом внимания военного историка, генерал-лейтенанта М.А. Терентьева: «Прекрасный знаток языка и обычаев горцев, 29-летний штабс-капитан Арандаренко лично возглавлял казачьи сотни, перебрасываемые в самые горячие горные районы Каратегина, охваченные восстанием под знаменем войны за веру». В течение трёх месяцев отряд Арандаренко участвовал в боестолкновениях в Фальгарских и Фанских волостях. Он проводил патрулирование в кишлаках Дарваза, на горных тропах через Витаб, Илиз, Сабак к Польдераку и обратно – от Польдерака к Самарканду.

8 ноября 1875 года его отряд был послан для овладения неприятельской позицией в горах у кишлака Шаватки-баль. В декабре ему было поручено провести зимнюю военную операцию в верхней Матче. Значение этой миссии было таково, что она осталась в истории Туркестана под названием Зеравшанской горной зимней экспедиции: «На подавление восстания в декабре 1875 года была выслана в горы, под начальством Арандаренко, рота линейного батальона и отряд казаков, усиленный артиллерийским орудием. Все горные ущелья был перерезаны каменными завалами, а по горам разместились стрелки и камнемёты. Поэтому отряд Арандаренко решил идти (в зимнее время) по гребню высот и по мере очищения их от неприятеля продвигать обоз и орудие. Пока взбирались на хребет, сбивая с уступов неприятельские засады, потеряли убитыми девять нижних чинов, ранены командир отряда штабс-капитан Г.А. Арандаренко (в грудь и руку), поручик Гинглят и семь рядовых. Впереди, на самом хребте, виднелся ещё большой завал, защищаемый (горцами в количестве около) 800 человек, к которым подходили подкрепления. Отряд Арандаренко не мог, за малочисленностью, немедлено овладеть неприятельской позицией»[13].

Подкрепление прибыло 21 ноября, и общее командование над отрядом перешло к полковнику Яфимовичу. 28 ноября отряд штабс-капитана Арандаренко штурмом взял высоты Озахака: «После подхода подкрепления и последующего штурма неприятель потерпел такой урон, что бросил высоты и бежал в кишлаки верхней Матчи». Календер-бек получил подкрепление от кокандского правителя Пулад-хана, и мятеж в Матче принял ещё большие размеры. Тогда генерал Абрамов решил отправить отряд Арандаренко к верховьям Зеравшана. 13 января 1876 года штабс-капитан Арандаренко выступил из Пенджикента в горы, и «неприятель, поражённый неожиданностью, всюду отступал, а население восставших кишлаков приносило повинную и выдавало своё оружие.

В ночь на 20 января 1876 года джигиты Арандаренко напали на Календер-бека и захватили его в плен. Обратно в Самарканд отряд прибыл 3 февраля. <…> Ни снежные сугробы, ни горные осыпи, ни обледенелые скаты, ни бураны, при 20-градусных морозах, не задерживали движения отряда. <…> По распоряжению генерал-губернатора Кауфмана Календер-бек был повешен в Самарканде <…> активная фаза восстания была подавлена»[14].

Пулат-хан был взят в плен русскими войсками в марте 1876 года и повешен. В 1875 году кокандский правитель Худояр-хан был сослан в Оренбург, откуда выехал в 1876 году в Мекку. В Афганистане он заболел и скончался в 1886 году. В том же году Кокандское ханство было ликвидировано и образована Ферганская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

Горная Матча, входившая в Памиро-Алайскую горную систему, в зимний период считалась недоступной: «Со всеми соседними владениями Каратегин имеет сообщение только летом, от половины мая до второй половины сентября, через горные перевалы… крайне труднопроходимые даже летом. Зимою все перевалы совершенно загромождаются снегом и становятся непроходимыми даже для одиночных смельчаков, какие нередко встречаются между горцами»[15]. Предпринятая штабс-капитаном Арандаренко военная операция против горцев, оказавших ожесточённое сопротивление русским войскам, была отмечена в европейской прессе. Французский журнал «Мемориал дипломатик» (Le Mémorial diplomatique) в январском номере за 1876 год поместил статью, в которой был описан этот военный поход, предпосылки и сложности его выполнения[16].

В 1876 году Г.А. Арандаренко за боевые заслуги был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Награждение штабс-капитана Арандаренко этим орденом было свидетельством его боевых подвигов в кампании 1875-1876 гг.

После подавления восстания горцев Арандаренко исследовал Когистан, расположенный в западной части Памиро-Алайской горной системы, горную страну, ближайшую к узловой выси, называемой Памир. Арандаренко оставил интересные зарисовки населения этой горной страны: «Изолированность этой страны <…> заметно отразилась на весь бытовой склад жизни населения <…> Каратегинцы могут с гордостью сказать, что они не знают, что такое воры, что в среде народа вовсе не бывает преступлений из побуждений корысти, что скот пасётся и в отдалённых местах без присмотра, что двери домов часто оставляются незамкнутыми. Но рядом с этим может быть отмечена и малая развитость народа. Каратегинцы не имеют никакого представления о мерах длины даже по той градации, какая известна у туземцев долины. Времяисчисление ведут по дневным намазам и годовым праздникам; мера торгового веса также неизвестна <…> местные жители взаимно одолжаются продуктами <…> причём мерой служит ёмкость головной тюбетейки, или же меною продуктов на продукты, на скот и на домашние изделия»[17].

Арандаренко следил за литературной жизнью в России, вступал в переписку с известными писателями. В архиве Ф.М. Достоевского сохранилось письмо: «1876 года, Июня 5. Письмо читателя Г.А. Арандаренко, который посылает деньги… и просит высылать ему “Дневник писателя” за 1876 г. в Самарканд»[18].

21 июля 1877 года штабс-капитан Арандаренко был переведён на пост начальника Самаркандского отдела Зеравшанского округа и 5 августа того же года получил чин капитана. После преобразования в конце 1877 года Самаркандского отдела в уезд он получил должность уездного начальника, которую исполнял в течение 12 лет, до 15 декабря 1889 года. На этой должности он был последовательно произведён в майоры (8 января 1881 г.) и в подполковники (6 мая 1884 г.).

«Самаркандский» период его службы ознаменовался интенсивной научной работой. Её основой были регулярные экспедиции для исследования присоединённых к Российской империи территорий. Г.А. Арандаренко составлял карты районов, изучал быт, нравы и язык местного населения, говорив-

шего на тюркских или иранских языках и их диалектах. Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман характеризировал его как человека, «известного своей даровитостью и умением обращаться с азиатами и хорошо притом знакомого с туземным языком и обычаями»[19].

На должности начальника Самаркандского уезда Георгий Алексеевич получил и определённый дипломатический опыт. Будучи доверенным лицом генерал-губернатора, в 1880 году он был на 8 месяцев командирован с дипломатическим поручением в Бухару с целью стабилизации напряжённой военно-политической ситуации в Средней Азии. Капитан Арандаренко прибыл ко двору с достоинством, подобающим этому событию: «Мы спустились со снежного перевала Тахта-Карача в долину Кашка-Дарьи и продолжали свой путь в пограничном Китабском бекстве. Не доезжая до селения Кайнар, мне представился с почётными лицами Китаба Рахматулла-мирахур и передал приветствие бухарского эмира… В Кайнаре парадировали встречею беки: Худойназар-парманачи Каратегинский, Рахманкул ишик-ага-баши Дарвазский, Яхшибек-токсаба и шигаул Аулья Кулыбек-мирахур… Пред воротами цитадели караул сарбазов, при офицере, отдал честь. Церемониймейстер двора эмира и брат бека пригласили сойти с коней и пройти чрез дворцовый дворик. Проводившая меня в приготовленные покои почётная публика поспешила доложить, что в этих помещениях, состоящих из анфилады громадных богатых сакель, останавливается сам хазрат, а дворцовое помещение отведено по личному приказанию самого эмира»[20].

Арандаренко так описывал свою первую аудиенцию у эмира: «Среди огромной залы, оклеенной обоями и устланной паласом, на широком кресле, обитом кумачом, сидел в шубе, покрытой канаусом, повелитель ханства – красивый, солидный годами брюнет с мягкими тёмно-карими глазами, с небольшой узбекской бородой, со спокойными манерами»[21]. Ответив на поклон штабс-капитана Арандаренко улыбкой, пожатием руки и приветствием, Музаффар-хан предложил ему единственное в комнате кресло. Арандаренко обратил внимание во время аудиенции на дрожание голоса, рук и трясущуюся голову эмира, о чём было сообщено в первом же донесении.

Генерал-губернатор Кауфман ожидал от Арандаренко сообщений о положении в Дарвазе, Бадахшане, о землях, находящихся на пути от Амударьи к Мервскому оазису, о взаимоотношениях Афганистана с эмиром Музаффаром. Политическое значение поездки Арандаренко отметил военный востоковед Д.Н. Логофет: «После того, как вопреки русско-английскому договору афганский эмир Абдуррахман-хан занял часть бухарских бекств, неотложная необходимость понудила генерала Кауфмана немедленно командировать бывшего в то время начальником Зерафшанского округа капитана Арандаренко в Бухару. Особой инструкцией ему предписано было собирать сведения о положении дел в Афганистане и Бухаре, представляя периодически составляемые им журналы, которые по просмотре генерал-губернатор отправлял министру иностранных дел»[22].

Главной задачей в выстраивании отношений с Бухарой, которую исполнял капитан Арандаренко, было ограничение внешнеполитической деятельности эмирата. В свете этого проводился жёсткий контроль контактов эмира Музаффара с Афганистаном, предотвращались любые его контакты с британскими дипломатическими лицами. Руководство Туркестанского генерал-губернаторства сохраняло политику внешнего невмешательства во внутренние дела Бухарского ханства при сохранении фактического контроля над всей его внешней политикой. Выполняя важную дипломатическую миссию, Арандаренко способствовал укреплению позиций афганского сардара Абдуррахман-хана, вскоре занявшего кабульский престол и правившего Афганистаном последующие два десятилетия.

Изучению Афганистана в этот период в военном ведомстве Российской империи придавали первостепенное значение. Военный востоковед Арандаренко представлял руководству доклады и сообщения, являвшиеся исследованием театра предстоящих

действий войск. Он вёл сбор разведывательных сведений о Бухаре, её политическом и экономическом положении, состоянии армии. Собранные им сведения существенным образом дополняли данные об Афганистане, сообщённые ранее военными востоковедами, офицерами Генерального штаба полковником Н.И. Гродековым и подполковником П.П. Матвеевым.

В своих донесениях из Бухары капитан Арандаренко свидетельствовал о бедственном положении жителей княжеств левобережья Аму-Дарьи, подчинённых Афганистану. Он приводил петиции местных жителей к русским властям с выражением желания перейти в русское подданство. Эти данные имели большое значение в связи с обострением в то время англо-русских отношений и начавшейся в русских туркестанских войсках подготовкой к вторжению в Северный Афганистан. Лояльность афганского населения рассматривалась в русском военном планировании в качестве ключевого элемента в достижении успеха всей военной кампании.

Находясь в Бухаре, Арандаренко продолжил сбор сведений научного характера[23]. В 1882 году он подал рапорт генерал-лейтенанту Г.А. Колпаковскому, временно исполнявшему обязанности Туркестанского генерал-губернатора, с просьбой разрешить научную экспедицию в южные и восточные бекства Бухарского ханства. Целью экспедиции был сбор материалов по этнографии, статистике и экономическому положению этих бекств «для издания полного описания современного состояния Бухарского ханства».

Колпаковский санкционировал эту поездку, и 20 марта 1882 года Г.А. Арандаренко двинулся в путь. В конце апреля Колпаковский получил первый отчёт с подробностями взаимоотношений между бухарцами и туркменскими племенами. Арандаренко в этот период совершил служебную поездку в Семиреченскую область. Предпринятые им исследования долины р. Хоргос в Семиреченской области, на границе китайских владений, способствовали дальнейшей колонизации этих территорий и включению их в экономическую жизнь Российской империи, что имело важное военно-политическое значение.

Дипломатический талант Г.А. Арандаренко был высоко оценён. Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман рассматривал его в качестве основного кандидата на роль русского политического агента в Бухаре[24]. В связи с переводом этой должности в ведение Министерства иностранных дел туркестанское руководство приняло решение о целесообразности дальнейшего использования Г.А. Арандаренко «по линии военно-народного управления». За этими событиями стоит история внутренней борьбы военного и внешнеполитического ведомств. В 1883 году майору Арандаренко был пожалован орден Св. Анны 3-й степени.

Г.А. Арандаренко оставил заметный след в истории изучения Восточной Бухары. В 1885 году в журнале «Русская мысль» сообщалось, что одни из наиболее обстоятельных сведений о Каратегинском бекстве в Восточной Бухаре были представлены именно Г.А. Арандаренко. Причиной общественного и научного интереса к его востоковедческим трудам по Восточной Бухаре стала важная роль, которую эта территория играла в связи с англо-русским разграничением Афганистана (1883–1885 гг.). Путешествия Арандаренко в малоизученные бекства Восточной Бухары – Гиссарское и Каратегинское – поставили его имя в ряд исследователей-первопроходцев, изучавших этот район ранее, таких, как Генерального штаба полковники Л.Ф. Костенко и В.И. Покотило, В.Ф. Ошанин, А.П. Федченко и др.

Научная деятельность Г.А. Арандаренко обратила на себя внимание Императорского Русского географического общества. По рекомендации известных русских учёных – ориенталиста Н.И. Веселовского и историка и слависта В.И. Ламанского Г.А. Арандаренко был предложен в действительные члены ИРГО (12 апреля 1888 г.) и утверждён на общем собрании общества (04 мая 1888 г.)[25].

Изучая антропологию таджиков, он сталкивался с «романтическими» легендами, распространёнными среди коренных народов, называвших себя прямыми потомками

воинов Александра Македонского[26]. Г.А. Арандаренко писал, что на Памире было распространено мнение, что светловолосые и светлоглазые памирцы являются потомками воинов Александра Македонского. Легенды Памира гласят, что Александр поселил там своё потомство и оставил им сочинение «Дастур ал-Амал» (Правила управления), после чего власть в Бадахшане до XIX века непрерывно находилась в руках его потомков. Правители Дарваза и Каратегина, которых посетил Г.А.Арандаренко, утверждали, что именно они являются прямыми потомками «падишаха Искандара». Для легитимации собственной власти на это родство ссылался Музаффар-хан, который «производит свой род от потомков Искандер-Зуль-Карнейна». В настоящее время в антропологической литературе таджики в части своего этногенеза упоминаются как восточноиранские племена, имеющие индоевропейское происхождение.

Г.А. Арандаренко исследовал горную страну Когистан (расположенную по верхнему течению р. Зеравшан), бекства Каратегин и Дарваз, входившие во владения Бухарского эмирата. В случае невозможности проникновения на территорию он собирал информацию у местных жителей, анализировал и потом публиковал её, указывая, что данные получены «по расспросным сведениям… через посылавшихся в эту отдалённо-восточную часть гор нарочных туземцев»[27].

Первые расспросные сведения о Дарвазе были собраны и опубликованы им в 1877–1878 гг. Эта работа содержала всеобъемлющие сведения и оканчивалась словами: «Все сведения о Каратегине основаны только на многократных расспросах горцев этой страны <…> настоящий очерк сообщает не более четвёртой части того, что могло бы дать исследование этой интересной страны специальной экскурсией». Эта публикация послужила импульсом к исследованию Дарваза и Каратегина. Первым из русских путешественников, который посетил Дарваз, был ботаник С.М. Смирнов. В 1879 году он совершил несколько поездок в Дарваз, но «не оставил никаких сведений историко-географического характера»[28]. Другими путешественниками, посетившими Каратегин и Дарваз в 1882 году, были ботаник А. Регель и военный топограф П.Е. Косяков. Согласно мнению профессора Х. Пирумшоева, Г.А. Арандаренко был одним из первых европейцев, лично побывавшим в 1880–1882 г. в Дарвазе, собравшим наиболее подробные сведения о крае и опубликовавшим их[29].

Г.А. Арандаренко был одним из первых исследователей, занявшихся изучением этнографии горных племен Восточной Бухары: «Горная страна Дарваз, – отмечал он, – не видела до настоящего времени ни одного европейца и остаётся совершенно неизвестной в географическом, этнографическом и в других отношениях, имеющих значение для науки»[30].

Он отмечал, что население Дарваза «не утратило и теперь свою типичность древнеперсидских племён»[31], что умственные способности горцев отличаются понятливостью, наклонностью к наблюдениям, обширной памятью; многие молодые люди из их числа заканчивают бухарские и самаркандские медресе с большим успехом, чем жители долин.

Близко узнав горцев, он отмечает, что в характере горцев особенно выдается вспыльчивость, но вместе с тем им присуще уважение к старшим, к чужой собственности, правдивость, твёрдость в слове, отважность и стойкая выносливость всяческих лишений. Он утверждает, что население горного Памира является потомками древнего индоарийского народа и продолжает хранить верность своим доисламским традициям и придерживается смеси мусульманских и маздаистских взглядов. По его мнению, «мировоззрение горцев, отвечая полной замкнутости их жизни, исполнено суеверия и боязни злого духа, "мстительного" (лятгор) и "покровительственного" (патхор). В Дарвазе не знают ни года магометанской эры, ни названия месяцев, ни названия стран света. В мире светит солнце (афтоб), его считают источником жизни, света; луну – убежищем усопших; полярную звезду (кутор) – указательницей пути. Молнию и гром приписывают стараниям чёрта подняться на небо, причем ангелы бросают в него огненосные камни. Весна и

лето посылается Богом из отделения рая, а осень и зима из ада. Землетрясения приписывают вздрагиванию ада от мук грешников»[32].

Г.А. Арандаренко описывает общественные «дома огня» в Каратегине и Дарвазе, ежедневные сборы в них мужчин и роль в повседневной жизни горцев огня, который является священным в зороастрийской религии.

Важным наблюдением в области религиозного мировоззрения горцев было упоминание отсутствия религиозного фанатизма, хотя среди городского населения Бухарского эмирата, по его мнению, он господствовал. Он пишет, что бухарцы «успели познакомить и дарвазцев с чашбаном (вуаль из черного конского волоса), никогда ранее не применявшимся в горах свободной жизни. Пока только этим и обозначилась миссия бухарцев в Каратегине и Дарвазе. В остальном жизнь горца остаётся такою же первобытною, какою она была тысячу лет тому назад»[33].

Он изучал вопросы охоты, отмечая, что это занятие для дарвазцев является видом состязания и содержит в большей степени элементы проявления воинской доблести, чем обеспечение своих потребностей. Характеризуя типичные виды селений, в которых живут горцы Дарваза, Г.А. Арандаренко отмечал, что по количеству домов селения невелики (от 10 до 100 домов), но зато многолюдны, потому что у горцев совершенно не практикуется выдел из хозяйства женившихся сыновей и раздел наследства. Современные таджикские ученые признают, что Г.А. Арандаренко опубликовал наиболее полные сведения по этнографии Дарваза[34].

Существует мнение, что Г.А. Арандаренко изучал языки народов Памиро-Алая и был первым исследователем язгулямского языка, записав 34 слова в 1882 году, и одним из первых исследователей ягнобского языка[35]. Начав писать свои этнографические работы о народах Средней Азии в 25-летнем возрасте[36], он за почти 40 лет службы в Туркестане опубликовал исследования по истории, военному делу, этнографии и религии народов Туркестана. Среди его работ – статьи по хозяйственной жизни и юридическому быту местных народов[37]. Сборник «Досуги в Туркестане»[38] поставил его имя в разряд лучших географов Российской империи XIX века. Классический труд – «Бухарское ханство и Афганский Туркестан: Вторая англо-афганская война»[39] – переиздаётся и в наши дни.

Свои работы он публиковал на страницах изданий «Туркестанские ведомости», «Известия Императорского Русского географического общества», «Военный сборник». Первые публикации выходили под псевдонимами «Ар-ко, Г.», «А-р-о, Г.» и «Г.А.». Последующие труды, с конца 1870-х годов, выходят под именем Г.А. Арендаренко, с середины 1880-х – под именем Г.А. Арандаренко[40].

Г.А. Арандаренко отмечал, что коренные народы Туркестана различаются на горцев, кочевые племена и оседлое население (сартов). Подчеркивая честность и верность слову кочевников и горцев, он отмечал ряд негативных черт сартов, утверждая, что зеравшанский сарт остался тем же, чем он был во времена классика персидской поэзии Джами, который высказался о самаркандцах так: «Если хочешь видеть богатство, иди в Индию. Если хочешь видеть благочестие, иди в Мекку. Если не хочешь видеть ни того, ни другого, не выезжай из Самарканда»[41].

Продолжая серию работ по исследованию Каратегина, он публикует этнографические сведения о населявших его таджиках. Он считал земли Дарваза и Каратегина перспективными для использования в сельскохозяйственных и промышленных целях: «Самое главное богатство описываемых стран, при совершенной нетронутости её горных недр, составляет тучная, свободная от камня почва побережья рек и склонов гор, дающая возможность вести хлебопашество в огромных размерах. Те же условия плодородности почвы, поддерживающие повсюду обилие трав, позволяют держать достаточно скота. Масса диких зверей в лесах и речная выдра составляют предмет охоты туземцев, доставляющей большие выгоды от сбыта медвежьих шкур, лисиц, огнёвок и выдр. Нельзя не упомянуть также и о промывках жителями,

весною и осенью, на берегах верховьев Аму-Дарьи золота, дающего зёрна величиною в обыкновенную чечевицу»[42].

Повсеместная добыча золота населением Туркестана была обычным явлением. В Дарвазском бекстве золото добывалось по берегам реки Пяндж, в Курган-Тюбинском и Кабадианском бекстве на берегу реки Вахш и на берегу реки Аму-Дарья. Г.А. Арандаренко сообщал, что в Бальджуанском бекстве золото добывалось в верховьях Оби-Санги Мазар и по реке Яхсу жителями ближайших 30 кишлаков, практикующих в золотодобыче не только промывку россыпного золота на реках, но и добычу золотоносной породы шахтным способом. В обзорах по истории геологических исследований недр Таджикистана и его золотодобычи цитируются работы, проведённые Арандаренко[43].

(*Окончание следует*)

Примечания

[1] *Милорадович Г.А.* Родословная книга черниговского дворянства. СПб., 1901. Т. 1. Ч. 1 и 2. С. 4-5.

[2] *Szybkowski S.* Brudzewscy herbu Pomian na Kujawach i w Wielkopolsce: Uwagi o majątkach, starostwach i genealogii. Roczniki Historyczne. 2013. T. 79. S. 77.

[3] Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). Ф. 343. Оп.1. Д. 203. Л. 59–60об.

[4] *Грушевський М.С.* Історія України – Руси. Т. VIII. Роки 1626–1650. Ч. 1. Київ – Львів, 1922. С. 336.

[5] *Мицик Ю., Кравец М.* Присяжные книги 1654 г. Белоцерковского и Нежинского полков. Киев, 2003. С. 351.

[6] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7104. Л. 35об.

[7] *Арандаренко Г.А.* Бухарские войска в 1880 г. // Военный сборник. 1881. № 9. С. 127-153.

[8] *Керсновский А.А.* История русской армии. М.: Голос, 1993. Т. 2. С. 281.

[9] *Андреевский Е.К.* Из записок за сорок семь лет // Исторический вестник. 1912. № 11. С. 37.

[10] *Мазов С.* Русское дело // Туркестанский сборник. 1886. №17. Т. 4. С. 9-10.

[11] *Хорошхин А.П.* Рабы-персияне в Хивинском ханстве. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. СПб., 1876. С. 483-487.

[12] *Корытов Н.П.* Самозванец Пулат-хан // Ежегодник Ферганской области. Н.-Маргелан, 1902. С. 19-40.

[13] *А-р-о Г.* Зимняя экспедиция генерал-майора Абрамова в верховьях Зеравшана // Туркестанские Ведомости. 1876. № 15. С. 86-102.

[14] *А-р-о Г.* Возмущение в Матче и действия против неприятеля Самаркандского отряда // Туркестанские Ведомости. 1876. № 15. С. 27.

[15] *А-р-о Г.* Возмущение в Матче и действия против неприятеля Самаркандского отряда // Туркестанские Ведомости. 1876. № 3. С. 15.

[16] Le Mémorial diplomatique: journal international, politique, littéraire et financier / Rédacteur gérant Jean-Baptiste Desplaces. Paris, 1876. P. 4-5.

[17] *Арандаренко Г.А.* Дарваз и Каратегин // Досуги в Туркестане. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. С. 443.

[18] Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821–1881 гг. Т. III, 1875–1881 гг. СПб., 1999. С. 99.

[19] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. I-9. Оп. 8. Д. 1880-13. Л. 1–3.

[20] *Арендаренко Г.А.* Журнал № 1, 18.01.1880 // Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX века. Журналы командировок Г.А. Арендаренко. М.: Наука, 1974. С. 27-28.

[21] Там же. С. 32.

[22] *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. С. 170-171.

[23] *Наврузов Т.С.* О поездке Г.А. Арандаренко в Каратегин и Дарваз. Душанбе, 1981. С. 239-243.

[24] *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800-1917. London, 2006. P. 138-139.

[25] Журнал общего собрания Императорского Русского географического общества, 4 мая 1888 г. // ИИРГО. Т. XXIV (1888). Вып. 6. С. 539.

[26] *Болашенкова Е.А.* Представления о двурогом Искандере: Александр Македонский в исторической памяти таджиков // Материалы Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. СПб., 2015. С. 413-417.

[27] *Арандаренко Г.А.* Каратегин (По расспросным сведениям) // Военный сборник. 1878. № 5. С. 12-28.

[28] *Пирумшоев Х.* Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX в. Душанбе, 1989. С. 41.

[29] Там же. С. 110.

[30] *Арендаренко Г.А.* Журнал № 15, 28.03.1880 // Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX

века. Журналы командировок Г.А. Арендаренко. С. 94-95.

[31] *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане. 1874–1889. СПб., 1889. С. 452.

[32] *Арандаренко Г.А.* В горах Дарваза – Каратегина // Досуги в Туркестане, 1874-1889. С. 472.

[33] Там же. С. 451.

[34] *Пирумшоев Х.* История Дарваза с древности до XXI века. Душанбе, 2008. С. 703.

[35] Очерки по истории русского востоковедения. М., 1959. С. 90-91.

[36] *Арандаренко Г.А.* Значение власти аксакала в отдельных кишлаках // Туркестанские ведомости. 1874. № 25. С. 102-104.

[37] *Арандаренко Г.А.* Администрация, налоги и суд в Бухаре // Туркестанские ведомости. 1880. № 24. С. 12-13.

[38] *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане 1874–1889. С. 666.

[39] *Арандаренко Г.А.* Бухарское ханство и Афганский Туркестан. Вторая англо-афганская война. СПб., 2014. С. 145.

[40] *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. В 4 т. Т. 1. М, 1956. С. 79.

[41] *Арандаренко Г.А.* Малоизвестные города Зеравшанского округа. СПб., 1889. С. 57.

[42] *Арандаренко Г.А.* В горах Дарваза – Каратегина (на верховьях Аму-Дарьи) // Военное обозрение. 1883. № 29. С. 74.

[43] *Сохибназаров М.Д.* Товарно-денежные и торговые отношения в золотодобывающей промышленности Средней Азии в XVI – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Худжанд, 2018. 199 с.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-28-34

О.А. Гоков

К ИСТОРИИ ВОЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ШТАБА КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА ПО ПЕРСИИ В 1889–1890 гг.

Часть 2. Поездка Л.К. Артамонова в Северный Азербайджан

Следующим этапом стало изучение передового театра, т.е. Азербайджана. Сразу после полевой поездки капитан был секретно командирован в Северный Азербайджан для военно-статистического исследования[1]. Учитывая, что из трёх частей кавказско-персидского театра военных действий азербайджанский для Кавказского военного округа являлся наиболее предпочтительным, офицер должен был собрать свежие сведения военно-статистического характера и изучить маршруты возможного движения войск от русско-иранской границы и к ней.

Эта поездка продолжалась с 15 октября до 14 декабря 1889 года. Выехал Л.К. Артамонов из Джульфы в сопровождении трёх казаков и гуляма (слуги-охранника) российского генерального консульства в Тебризе. В Тебризе он отпустил казаков обратно в Россию, а сам продолжил путь в сопровождении гуляма и вольнонаёмного переводчика из местных. «Под конец и сам я уже настолько справлялся с языком, – писал Л.К. Артамонов, – что мог вести дорогою некоторые необходимые расспросы»[2].

В Тебризе капитан «благодаря самому широкому гостеприимству и горячему участию нашего генерального консула, Д. С. С. Андрея Андреевича Петрова… прожил несколько дней, осмотрел город и все его достопримечательности, был представлен к особой аудиенции наследнику престола»[3]. Здесь он несколько раз присутствовал на учениях персидских войск, для него был устроен церемониальный марш.

Из Тебриза Л.К. Артамонов поехал через Неметабад и Сераб в город Ардебиль, а оттуда – в Наминское ханство, кочевья шахсевен, откуда через реку Аракс вернулся в Россию. Затем, вновь перейдя границу у Худоаферинской заставы, капитан через Карадагскую провинцию вновь прибыл в Тебриз. Отдохнув здесь, Л.К. Артамонов по северному берегу озера Урмия через магал (административная единица, состоящая из нескольких деревень и возглавляемая старостой[4]) Гюней двинулся в крепость Хой. Оттуда через селение Эвоглю вернулся к Джульфинской таможенной заставе. Всего Л.К. Артамоновым было пройдено и обрекогносцировано 967 с половиной вёрст[5].

Как и в большинстве своих трудов, офицер описал методы своей работы. «Дорожные записи, – писал он, – велись верхом на лошади, расстояние измерялось минутами и часами по ходу коня обыкновенным путевым шагом. На ночлегах и в местах остановок сведения собирались путём бесед с жителями, которые в общем относились дружелюбно к русскому и не только охотно отвечали на предлагаемые вопросы, а ещё, напротив, сами просили записать большей частью обиды и притеснения своих властей, “чтобы дошло это до ушей Ак-Падишаха” («Белого царя» – так на Востоке называли российского правителя. – *Авт.*)»[6].

Составленный по итогам экспедиции отчёт был разделён капитаном на две части. В первой части дано было общее описание страны, «состоящее из ряда очерков, основанных почти исключительно на личных наблюдениях, расспросах, собранных данных и комбинации их». Она включала: орографический и гидрографический очерки, описание климата, населения, очерки торговли и путей сообщения, вооружённых сил Азербайджана и характеристику вооружённых сил Персии, заключение.

Во второй части были напечатаны пять подробных маршрутов «с приложением описания полосы местности, по которой маршрут пролегает, а также разных сведений,

собранных попутно». «Довольно большое число записанных мною сведений о принадлежности селений к той или другой провинции, – отмечал Л.К. Артамонов, – дало мне смелость нанести на карту административное деление преимущественно Северного Азербайджана, для чего я воспользовался 20-вёрстной дорожной картой Кавказа, в которую входит значительная часть описанной провинции, и 50-вёрстной картой Персии»[7].

Характеризуя рассмотренный район, Л.К. Артамонов писал: «Главными торговыми, административными и военными центрами в северном Азербайджане являются: г. Тебриз – для всей провинции, г. Ардабиль – для восточной её части, и г. Хой – для западной. От нашей границы свободный доступ к этим центрам сильно затруднён поперечными хребтами, прорезанными лишь узкими скалистыми ущельями, глинистым грунтом долин, сильно растворяющимся в ненастье, и, наконец, переправами через речки, большинство которых непроходимы вброд в период половодья. Искусственных путей сообщения нет, а грунтовых дорог, пригодных для колёсного движения, весьма мало. Поэтому все передвижения в этой стране совершаются исключительно верхом, а грузы идут на вьюках, для чего, в зависимости от характера местности, употребляются верблюды, лошади, ослы и, наконец, всякий рогатый скот. Через Северный Азербайджан пролегает и транзитный путь, по которому преимущественно ведётся торговля Персии с Европой. В военном отношении Азербайджан выставляет 1/3 и лучшую часть всей пехоты, 1/2 артиллеристов и до 1/2 всего числа отличной иррегулярной конницы. Из всего этого ясно, какое значение имеет эта провинция в ряду всех других частей персидской монархии. Будучи единоплеменной царствующему в Персии дому, Азербайджан является наиболее надёжной опорой шахского престола и предоставляется в управление его наследнику, постоянно проживающему в г. Тебризе, самом многолюдном, торговом и оживлённом центре во всём персидском государстве»[8].

Тебризу капитан отвёл особое место. «Главный населённый пункт – г. Тебриз (до 50 000 домов, а в них от 250 до 300 тыс. жителей). Он служит местом пребывания валията (наследника престола. – *Авт.*) и сосредоточением всевозможных административных, торговых и военных интересов всей северо-западной части Персии. Значение его в этом отношении настолько велико, что потеря г. Тебриза равносильна потере всего Азербайджана»[9].

Естественно, что, помимо военно-топографического описания, Л.К. Артамонов уделил значительное внимание вооружённым силам провинции. Основывал он свои выводы в основном на материалах тебризского гарнизона. «Мне пришлось видеть несколько раз учение персидской пехоты, – сообщал он в своём отчёте, – (на учебном плацу в Тебризе) и даже сделать с персидским отрядом 2 перехода в Муганскую степь. Сарбазы здоровый, преимущественно молодой (от 20 до 30 лет) и рослый народ; настоящей военной выправки у них нет, они неуклюжи и мешковаты, но общее впечатление в их пользу: персидский сарбаз представляет прекрасный сырой материал, из которого терпением, хорошим содержанием, строгим порядком и дисциплиной возможно выработать отличного солдата. Батальоны на учении, под руководством опытного инструктора, производили все эволюции довольно чисто и отчётливо, но когда, например, перешли к занятию рассыпным строем, то как сарбазы, так и строевые офицеры, очевидно, очень плохо понимали, чего от них хотят, и не отдавали себе отчёта в том, что они делают… Словом, по моему личному убеждению, персидские батальоны – это плохо сколоченные команды кое-как вымуштрованных солдат, не любящих и не уважающих своих офицеров, но в силу традиции и боязни наказания исполняющих то, что от них требуют. Чувства патриотизма и воинской доблести чужды как солдатам, так и офицерам. Но кроме страха и дисциплины батальоны сплачивают принадлежность к одному племени, религия, общность привычек и обычаев. Мне кажется, что, фанатически настроенные, эти батальоны будут упорно защищаться в крепостях, за завалами и проч., но я решительно сомневаюсь в спо-

собности персидских фоуджей (фоудж – иранский аналог полка или батальона. – *Авт.*) бороться с европейскими войсками и в годности персидской пехоты для сколько-нибудь серьёзных наступательных операций»[10].

Общий вывод по пехотным частям Азербайджана Л.К. Артамонов сделал следующий: «В Азербайджане комплектуется 25 фоуджей, а вместе с хамаданскими – 29 фоуджей, т.е. почти 1/3 всей персидской пехоты, причём по составу и качествам тюрко-татарские фоуджи считаются наилучшими»[11].

Характеризуя артиллерию, Л.К Артамонов отмечал, что «всего формирует 26 таифе (военные контингенты. – *Авт.*), из коих в пределах Азербайджана комплектуется 12, т.е. почти половина»[12]. «Одно лишь заметно, что артиллеристы, как солдаты, так и офицеры, занимаются своим делом охотно и относятся к нему с уважением, а то, пожалуй, и с любовью… Общее впечатление от знакомства с персидской артиллерией таковое, что горные орудия (Ухациуса) способны к движениям по всякой местности и с успехом могут быть приданы лёгкому отряду… Но запрягающиеся… полевые орудия совершенно неспособны к каким бы то ни было дальним передвижениям»[13]. Осматривая артиллерию, Л.К. Артамонов посетил и арсенал, отметив, что тот «блещет чистотой и порядком», и пушечный склад (топча-ханэ)[14]. Кроме того, офицеру удалось добыть сведения об арсеналах Хоя, крепости Ардаим, Урмии, Соудж-Булака. О крепостях Тебризе, Ардабиле и Хое Л.К. Артамонов отзывался как о неспособных к действительной обороне от европейской артиллерии.

Уделил место капитан в своём исследовании и кочевникам Северного Азербайджана. «В настоящее время, – писал он, – среди кочевников Азербайджана мало найдётся всадников, не вооружённых винтовкой Пибоди… или берданкой. Все старые системы отошли в область преданий, и кочевник, чтобы достать хорошую винтовку (причём особенно желательна казачья берданка), не постоит ни за каким расходом. Мне кажется, что если в сопредельной нам части Персии есть противник, который может нас сильно озаботить на случай коалиционной войны – так это именно иррегулярная кочевая конница»[15]. «При полном напряжении, – отмечал капитан, – правительство шаха может собрать до 100 000 всадников, но, по мнению Вагнера (австрийского военного инструктора на службе в Тебризе. – *Авт.*), число вполне вооружённых и снаряжённых воинов не превысит 50 000 человек, причём на долю Азербайджана приходится почти половина всего этого числа»[16]. Численность её в приграничной к России полосе Л.К. Артамонов оценивал до 22 000 «отлично вооружённой конницы, способной к быстрым передвижениям, крайне неприхотливой в требованиях и образе жизни, склонной к грабежу и истреблению. Такая конница может причинить немало бед беззащитному населению и обратить в пустыню самую цветущую область.

К нашему счастью, персидское правительство далеко не властно ею распоряжаться. Дело в том, что в силу административного произвола, тяжких поборов и вымогательств власти Азербайджана вселили к себе глухую и нескрываемую ненависть во всех кочевых народах… Шахсевены и карадагцы вместе ненавистны курдам… Помимо того, каждая из названных народностей в свою очередь дробится на враждебные друг дружке племена. Словом, чтобы сплотить всю эту массу конницы и направить в наши пределы, нужны какие-либо уж очень исключительные условия: нужно разжечь мусульманский фанатизм, который, пожалуй, мог бы один только сгладить на время рознь между шиитами и суннитами и заставить их действовать заодно. К счастью, кочевники – плохие мусульмане и сравнительно веротерпимее оседлых шиитов, которые более снисходительны к христианам, нежели к еретикам-суннитам. Громадное значение всегда будет иметь лишь ожидание богатой добычи»[17]. «Всё-таки не следует забывать, – завершал свои размышления Л.К. Артамонов, – что поклонники Магомета легковосприимчивы и впечатлительны. Кто знает, быть может, в период самой тяжёлой невзгоды для России появлением какого-либо “махди” они вдруг все сплотятся и настроятся против нас…

В это самое время наверно найдётся у мусульман преданный и щедрый друг, который даст золото, оружие и не откажет даже в высоком руководстве»[18].

Наибольшее внимание Л.К. Артамонов обратил на шахсевенов – племя, с которым у российских пограничных властей были постоянные проблемы с 1829 года из-за того, что те кочевали и на территории России, и на территории Персии, занимаясь контрабандой и разбоями[19]. Капитан указал, что некоторые названия шахсевенских сообществ отличаются от тех, что приводили предыдущие исследователи. Причина этого заключалась в том, что «в силу экономических и родственных связей общества то соединяются между собой под одним именем, то разделяются на части, принимая названия своих старшин»[20]. Л.К. Артамонов также уточнил, что «все разбои и грабежи, производимые в наших пределах, провоз контрабанды и разные другие нарушения должны быть по справедливости приписаны обществам Палатлу и Коджабеклу, дававшим пищу для пограничной переписки вот уже 60 лет»[21].

Одной из главных причин такого поведения было то, что в результате русско-персидского разграничения к России отошла лучшая и большая часть Муганской степи. По персидской части капитан проехал лично и вынес «в общем крайне грустное впечатление о шахсевенских кочёвках»[22]. «По закрытии для шахсевенов русской границы[23] они, по собственному признанию, попали точно в котёл: кочевать – для всех места не хватает, к оседлости и земледелию не чувствуют склонности и даже с презрением относятся к мысли об оседлом поселении… Переселиться же из этой провинции шахсевены решительно не желают… Мне кажется, что если бы правительство шаха даже серьёзно принялось выселять шахсевен, то оно с ними управиться не в силах. С другой стороны, постоянное пребывание у наших границ и вне нашего влияния этих беспокойных и хорошо вооружённых кочевников совершенно нежелательно, так как требует неусыпной и весьма изнурительной службы казаков на кордонах и далеко не обеспечивает спокойствие в среде приграничного к Персии нашего кочевого и оседлого мусульманского населения»[24]. При этом из разговоров с персидскими офицерами Л.К. Артамонов вынес впечатление, что шахсевенская конница – лучшая из кочевников Персии[25]. Но, несмотря на это, персидское правительство умело ссорило шахсевенов между собой, поэтому единой силы они не представляли[26].

Некоторое внимание Л.К. Артамонов уделил состоянию русско-иранской торговли и контрабанды на русско-персидской границе, а также предложил меры по её сокращению. По-видимому, это было одно из его второстепенных заданий. «Надо отдать полную справедливость удивительной бдительности и сметливости казаков, охраняющих нашу границу, – писал он, – но всё-таки огромная часть контрабанды проходит незамеченной. Мне кажется, что для ослабления контрабанды надо придумывать какие-либо более глубокие, коренные мероприятия, например, улучшение путей сообщения внутри Закавказья, удешевление провоза товаров из более крупных центров в разные отдалённые местности, устраивать ярмарки и т.п. От одной же только пассивной охраны границы мало пользы казне, а для строевых воинских частей это прямое зло… Всё, что я видел и слышал о торговле этой богатейшей персидской провинции с нашим отечеством, производит странное и грустное впечатление: ни в одном из городов Азербайджана, кроме мелких торгашей-армян, нет представителей крупных русских фирм. В то же время вся страна наполняется главным образом европейской мануфактурой, идущей на вьюках сухим путём от Трапезунда в Тебриз (33 дня!!), в этом последнем проживает до 20 представителей разных европейских торговых домов, основан англичанами коммерческий банк (филиальное отделение Восточного банка) и открыт широкий кредит местным купцам, закупающим европейские товары. Отсюда эти весьма сомнительного достоинства произведения контрабандой вступают в наше Закавказье. Нам же, несмотря на то, что Тебриз удалён всего лишь на 3–4 дня пути от сухопутной границы и на 5–7 дней пути от Каспийского моря, приходится заслоняться от такой нежелательной конку-

ренции преимущественно кордонными постами»[27].

Завершали работу Л.К. Артамонова маршруты в их классическом виде: таблица (количество переходов, число дворов селений на пути, названия населённых пунктов, расстояния между пунктами и всего перехода в верстах и часах, описание пути, наличие водных источников, топлива, фуража, род дороги и её ширина, грунт пути, свойства окружающей местности, придорожных селений, национальность жителей, их занятия, наиболее трудные места, искусственные сооружения и необходимость исправления их, особенно выдающиеся ориентировочные пункты и отходящие от пути боковые дороги с указанием их вида, наличие биваков и позиций), общее описание (длина маршрута, количество переходов для разных родов войск и обозов, краткий физико-географический очерк местности с характеристикой отдельных участков), подробная характеристика дороги (грунт, вода, фураж, топливо, биваки, искусственные сооружения, необходимые исправления и род дороги по участкам), население вдоль маршрута (по религии, племенам, занятиям, характер построек и возможности снабжения войск), обстоятельства, препятствующие движению, появление первой растительности (подножный корм).

Первый маршрут – большая караванная дорога от карантинно-таможенной заставы Джульфа в город Тебриз, пройденный с 15 по 18 октября 1889 года. Это был кратчайший и удобнейший во всех отношениях путь, связывающий Закавказье с Тебризом. По мнению Л.К. Артамонова, «в настоящем виде описанная в маршруте караванная (колёсная) дорога вполне пригодна для оживлённого торгового, колёсного движения, и по ней может свободно двигаться значительный отряд из всех трёх родов оружия с обозом. В то же время в описанном направлении нет серьёзных преград для проложения железнодорожного пути»[28].

Второй маршрут – от Тебриза в Ардабиль и далее на восток через селение Намин к государственной границе (Кельвасский пост) – был пройден с 28 октября по 5 ноября 1889 года. «Описанная в маршруте дорога, – отмечал Л.К. Артамонов, – несомненно, одна из важнейших артерий в торговле провинции Азербайджан с Россией… описанный маршрут есть кратчайшее и удобнейшее сообщение г. Тебриза с Каспийским морем».

Офицер лично отрекогносцировал дорогу от Тебриза через Сераб, Ардебиль, Намин до Кельвасского поста. Участок дороги от селения Намин до Астары был описан им по расспросным сведениям[29]. Здесь же Л.К. Артамонов приводил мнение ардебильских купцов о невыгодности пути из Тебриза на Астару, так как в «мало-мальски ветреную погоду выгрузка или нагрузка товаров в Астаре крайне трудна или совершенно невозможна», в то время как ленкоранский порт и Саринский рейд в этом отношении намного лучше. Поэтому капитан ратовал за перемещение всего торгового движения на Ленкорань, несмотря на то, что путь к ней был на 25 вёрст длиннее. По его мнению, разработка дороги на пути в Ленкорань – более лёгкое предприятие, нежели на Астару. К тому же перемещение пути значительно подняло бы уровень развития города[30]. В итоге Л.К. Артамонов констатировал, что «значительный отряд из всех трёх родов оружия, с полевыми орудиями и аробным обозом, может беспрепятственно следовать по этому пути от нашей границы к г. Тебризу, если только будет разработан пологий, но каменистый перевал через хребет Саин-Гядык»[31].

Четвёртый маршрут – от Тебриза через Софиан, вдоль берега озера Урмия в крепость Хой, а оттуда через селение Эвоглю в карантинно-таможенную заставу Джульфа – был пройден с 4 по 13 декабря 1889 года. Этот путь состоял из двух участков и горных караванных путей: от Тебриза до Хоя – часть большого транзитного тракта от Трапезунда до Тегерана, а от Хоя до Джульфы – ветвь караванного пути из провинции Урмия к российской границе. «Описанная в этом маршруте дорога, – писал Л.К. Артамонов, – доступна для колёсного движения, если разработать перевал через хребет Мишоудаг и разделать местами небольшие спуски и подъёмы через овраги на последнем переходе между с. Эвоглю и з. Джульфа. В настоящем же виде она вполне пригодна для дви-

жения значительного отряда из всех трёх родов оружия с полевыми орудиями, но с самым лёгким обозом»[32].

Четвёртый маршрут – от Худоаферинского моста на реке Аракс через город Агарь в Тебриз – был пройден с 16 по 21 ноября 1889 года. Этот путь – кратчайший и удобнейший из связующих административный центр провинции Карадаг город Агарь с российским Закавказьем и с Тебризом[33]. Заключение офицера по этому маршруту было следующим. «В настоящем виде, – констатировал он, – описанная в маршруте вьючная караванная дорога от Худоаферинского моста до г. Агари не пригодна для движения сколько-нибудь значительного отряда с полевыми орудиями; от города же Агари в долину Аджи-чай и далее к г. Тебризу по описанному пути пройдёт полевая артиллерия, а небольшой отряд может рассчитывать даже на местные продовольственные средства»[34].

Наконец, пятый маршрут – от Кельвасского казачьего поста через с. Разей, Дэманский пост, с. Лянгян, с. Арзана, с. Зейва, вниз по Карасу к Асландузскому броду на реке Аракс – был пройден с 5 по 13 ноября 1889 года. «Едва ли описанное направление может иметь серьёзное военное или торговое значение, – резюмировал Л.К. Артамонов, – но пройденный путь пересекает южную часть персидской Мугани, благодаря чему мне удалось познакомиться с некоторыми племенами шахсевен в самом центре их кочевий»[35]. Л.К. Артамонов обратил внимание на Муганскую степь, отметив, что она доступна для прохода «произвольно больших сил», а лучшее время года для этого – с половины октября до половины декабря, когда спадает жара и появляется подножный корм[36].

Таким образом, работа Л.К. Артамонова стала первым наброском нового плана по обороне русской границы в Закавказье со стороны Персии. Полевая поездка 1889 года должна была уточнить его выводы на местности, а поездка в Северный Азербайджан дала свежий материал относительно внешнего или передового театра возможных боевых действий.

В дальнейшем штабом Кавказского военного округа на их основе была развёрнута планомерная работа по изучению Кавказско-персидского театра с целью подготовки его к войне и планированию операций[37].

Примечания

[1] РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 38.611. Л. 19.

[2] *Артамонов Л.К.* Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. I.

[3] Там же.

[4] *Масальский Н.Ф.* Письма русского из Персии. СПб.: Тип. штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1844. Ч. 1. С. 234.

[5] *Артамонов Л.К.* Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. С. II.

[6] Там же.

[7] Там же. С. III. При этом капитан отмечал, что «самое трудное дело в Персии – собрать сколько-нибудь достоверные статистические данные» (Там же. С. 25).

[8] Там же. С. 85–86.

[9] Там же. С. 37.

[10] Там же. С. 60, 62.

[11] Там же. С. 81.

[12] Там же. С. 82.

[13] Там же. С. 64–65.

[14] Там же. С. 67–68.

[15] Там же. С. 78.

[16] Там же. С. 83.

[17] Там же. С. 79-80.

[18] Там же. С. 80.

[19] Там же. С. 199. Об истории шахсевен см.:*Tapper R.* Frontier Nomads of Iran: A Political and Social History of the Shahsevan. Cambridge University Press, 1997. 456 p.

[20] *Артамонов Л.К.* Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. С. 446.

[21] Там же. С. 448.

[22] Там же. С. 450.

[23] В 1884 г. [http://www.iranicaonline.org/articles/shahsevan]. С русской стороны закрытие произошло из-за грабежей, которыми они занимались при перекочёвках, и по просьбе персидского правительства. В 1883 г. Россией было выработано положение о перекочёвках, по которому на время пребывания в России шахсевены освобождались от власти персидских чиновников и сборщиков податей. Это не устроило пер-

сидскую сторону, и шах попросил закрыть границу для шахсевенов [Там же. С. 198].

[24] *Артамонов Л.К.* Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. С. 456.

[25] Там же. С. 454. Могли выставить около 12 000 всадников.

[26] Там же. С. 455.

[27] Там же. С. 47-48.

[28] Там же. С. 69.

[29] Там же. С. 180.

[30] Там же. С. 195.

[31] Там же. С. 203.

[32] Там же. С. 307.

[33] Там же. С. 380.

[34] Там же. С. 397.

[35] Там же. С. 436.

[36] Там же. С. 456.

[37] *Белявский.* Отчёт главного руководителя полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа на Карсском театре военных действий в 1900 году. Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного округа, 1901; *Белявский.* Отчёт главного руководителя полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в Чечне, Дагестане и на Лезгинской линии в 1902 году. Тифлис: Штаб Кавк. воен. окр., 1903; *Корсун Н.Г.* Военный обзор Персидского передового театра (Азербайджан, Гилян и Мазендаран). Краткие описания обрекогносцированных путей этого района. 1909. Сост. в Развед. отд-нии Штаба Кавк. воен. округа Ген. штаба кап. Корсун. Тифлис, 1909; Материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1890 году. Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. окр., 1891; Материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1890 году. Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. окр., 1891; Материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1895 году. Тифлис: Тип. Штаба Кавказского военного окр., 1897. Ч. 1–3; Обзор Кавказско-персидского театра военных действий. Составлен при Штабе Кавказского военного округа. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899; *Озаровский И.* Записка об обороне Закавказья против Персии. Тифлис: Тип. Отд. Ген. Штаба Окр. Штаба Кавк. воен. окр., 1890; Отчёт о полевой поездке офицеров Генерального штаба, произведённой в 1889 году в приграничной с Персией полосе Закавказья, с целью исследования её и определения наилучшего способа действий в случае столкновения с названным государством. [Б. м.], [1889]; Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1889 году. Тифлис: Штаб Кавказского воен. окр., 1890; Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1889 году. Тифлис: Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1890; Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1892 году. Тифлис: Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1894; Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1896 году: (Исследование Эриванского театра военных действий). Тифлис: Тип. канц. главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1897; Отчёт и материалы о полевой поездке офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа на Приморском театре военных действий в 1899 году. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1900; Отчёт и материалы полевой поездки офицеров Генерального штаба Кавказского военного округа в 1900 году. Тифлис, 1901; Отчёт о полевой поездке офицеров Генерального Штаба Кавказского военного округа 1904 года на Кубанско-Черноморском театре и в Ленкоранском уезде Бакинской губернии. Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. округа, 1905; *Туманский А.Г.* Очерк района Эрзерумского и Битлисского вилайетов, прилегающего к левому флангу нашей операционной линии – к Эрзеруму и маршрутные описания. Отчёт о полевой поездке 1903 г. Тифлис: Типография окружного штаба Кавказского военного округа, 1909.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-35-48

Б.В. Норик

ДНЕВНИК ПОЛКОВНИКА В.А. КОСАГОВСКОГО

Окончание

6 сентября. У Садр-Азама переговоры относительно того, чтобы мне сделаться генерал-инспектором кавалерии в Персии. Идея смелая и опасная: если она удастся и начальство в России одобрит её, я взгроможусь на недосягаемый пьедестал и будущее моё обеспечено; но если замыслы мои рушатся, подобно тому, как они рушились у Домантовича, я пострадаю больше его. Никто как Бог! <…>

7 сентября. Всю ночь обдумывал рапорт от 8 сентября № 151 Наибу-эс-Сальтанэ относительно приобретения права инспектировать все персидские иррегулярные конницы. Утром поехал к Мартирос-хану, а от него – к Аббас-Кули-хану Ихтимат-Низаму. Не застав его дома, поехал к нему во дворец Наиба-эс-Сальтанэ, который в страшном припадке подагры лежит в Камраниэ. Ихтимат-Низам уже 30 лет непрерывно служит у Наиба-эс-Сальтанэ. Капризный деспот оскорблял несчастного подданного и день и ночь. К вящему своему несчастью, этот подданный имел несчастье не только окончить курс наук во Франции, но ещё быть там инженерным офицером и читать во Франции лекции. Что же за эти 30 лет перекипело в душе бедного Ихтимат-Низама, который имеет ещё несчастье видеть бывших казачков и поварёнков, возведённых в *сардаров* – а он ещё только прошлого года добился до *эмир-тумана*?!

Симпатии его ко мне выражаются совершенно ясно. Его также уважает Садр-Азам, а последнее время и скептический Бюцов. Ихтимат-Низам, так же, как и Мартирос-хан, – потомок богатого и знатного амената, вывезенного из Тифлиса в Исфаган. Но деды Ихтимат-Низама приняли мусульманство, тогда как деды Мартирос-хана сохранили армяно-григорианское вероисповедание (л. 160).

Я подготовил на словах Ихтимат-Низама, после чего, вернувшись домой, весь день и почти всю ночь писал и обрабатывал свой рапорт № 151, а также готовил почту.

9 сентября. К полудню всё кончил и поехал в Камрание к Наибу-эс-Сальтанэ. Проехав лагерь, коляска Мартирос-хана сломалась. Долго мы бились, но ничего не могли сделать. Наконец, сев на ординарческих лошадей, мы верхом уехали в Камраниэ, а коляску кое-как стащили в лагерь.

Вместо трёх часов мы приехали в Камраниэ в шесть часов пополудни. Наиб-эс-Сальтанэ сильно беспокоился, что я не еду, и не знал, чем объяснить причину моей неисправности. Он очень болен – лежит на полу на тюфяке в сильнейшем припадке подагры и пароксизме лихорадки. Около него, поджав ноги по-верблюжьи, сидел Садр-Азам. Наиб-эс-Сальтанэ не мог даже говорить, и потому я, молча подав рапорт, тихо удалился. Садр-Азам дружески пожал мне руку. Выйдя от Наиба-эс-Сальтанэ, я с час проболтал с Ихтимат-Низамом в ожидании выхода Садр-Азама. Когда Садр-Азам, проходя мимо меня, остановился, я не сказал ему ни слова. Но когда он сел в карету и выехал в густую аллею, серхенг Аббас-Кули-хан, сын Неджеф-Кули-хана, догнал его и незаметно подал ему копию с (л. 160об.) моего рапорта Наибу-эс-Сальтанэ. Садр-Азам опустил конверт в свой необъятный карман и сказал: «Завтра в полдень приезжай за ответом».

Ихтимат-Низам приказал запрячь нам коляску Наиба-эс-Сальтанэ. Мы со страшным *ташахузом*[1] въехали в Русскую Миссию: хотя было уже темно, но весть о том, что полковник приехал в карете Наиба-эс-Сальтанэ, мгновенно облетела всю русскую колонию. Я отправился к Посланнику и сообщил ему в нескольких словах относительно всего того, что произошло за эти дни. Высказать всецело свою мысль сделаться генерал-инспектором всей Персидской кавалерии я, конечно, остерёгся, зная, что возбуждённый против

меня старик мог бы весьма легко подумать, что мною руководят не преданность и любовь к России, а единственно честолюбивые замыслы[2].

Не знаю, быть может, я и ошибаюсь, но мне сдаётся, что эти последние дни Посланник ко мне значительно мягче и внимательнее: быть может, моё откровенное резкое объяснение, наконец, встряхнуло его, и он понял, что мною руководит одно чувство долга, а моими помощниками, к несчастью, одни эгоистические и корыстные стремления (л. 161об.). <…>

Заведывающий обучением персидской кавалерии
8 сентября 1895 г.
№ 151
Его Высочеству Наибу-эс-Сальтанэ
(копия послана Садр-Азаму)

Рапорт

Полное содержание Персидской казачьей ЕВ Шаха бригады обходится Правительству около ста тысяч *туманов* ежегодно. Но большая часть этих денег уходит на содержание офицеров, пенсионеров-*мухаджиров*, вольнонаёмных, музыкантского хора, батареи, русских инструкторов, казарм, лагеря и проч. И только меньшая часть бюджета идёт на содержание собственно конных казаков. А между тем на тот же стотысячный бюджет бригады Персидское правительство, не прибавляя ни единого *шая* и не вводя решительно никаких новых реформ и порядков ни по администрации, ни по бюджету, ни по довольствию, ни вообще по всему прочему устройству Военного министерства, могло бы иметь в несколько раз большее количество конницы, обученной по-казачьи, так как в настоящее время Персидская казачья бригада настолько хорошо обучена, что уже сама может дать из своей среды персидских офицеров и *векилей*-инструкторов, которые, под руководством и управлением полковника, могут обучать иррегулярную конницу по тому же образцу, по которому в настоящее время обучена и Казачья бригада (л. 167).

В Персии числится несколько десятков тысяч иррегулярной конницы, на содержание которой Персидское правительство уже отпускает ежегодно определённое количество денег. Конница эта живет по *кишлагам* (зимовкам) и *яйлогам* (летовкам) и должна являться на службу по первому востребованию ЕВ Шаха. Но в таких случаях она является совершенно необученною кавалерийской службе и почти ничем не отличается от простых крестьян, посаженных на коней.

А между тем, большинство этой конницы состоит из прекрасного кавалерийского материала, из которого можно было бы избрать, обучить и подготовить хорошую конницу по казачьему образцу, и притом почти без всяких новых расходов для казны. Для этого Персидскому правительству стоит только:

1. В самых местах расположения конниц (в их *кишлагах* или *яйлогах*) ежегодно назначать строевые конные занятия в течение 4-6 недель.

2. Занятия эти должны быть назначаемы по очереди в различных племенах с таким расчётом, чтобы полковник мог поочередно обучать конницу, выставляемую по мере сил и возможности каждым из племён.

3. Согласно расписания, утверждаемого ЕВ Шахом, для того чтобы для обучения конницы не вызывать её в Тегеран и не вводить ни конницу, ни Правительство в излишние расходы и затруднения, полковник сам прибывает в назначенное время на место сбора в сопровождении 5-6 персидских офицеров и 10-12 *векилей*, избираемых полковником из числа самых лучших и способных в Казачьей (л. 167об.) ЕВ Шаха бригаде и занимается обучением строевой конной службе в местах постоянного жительства конниц.

4. Все экстраординарные расходы (прогон, вьючные катеры, суточные и проч.) на путешествие полковника и состоящих при нём персидских инструкторов должны производиться из годового бюджета Казачьей бригады, которая взамен того будет содержать постоянно налицо несколько меньшее число казаков.

5. Во время 4-6-недельного сбора конница получает *джире* из своего бюджета.

6. Что же касается до фуражного довольствия, то в тех местах, где обучение будет производиться на месте постоянного жительства кочевников (их *кишлагах* или *яйлогах*), им, ввиду того что обучение их будет производиться на их родине, где у каждого из них имеется своё хозяйство и где они и без того должны были бы кормить своих лошадей, им, быть может, и не понадобится отпускать фуражных.

7. Обмундирования во время обучения конниц на родине также не потребуется, так как оно нисколько не влияет на успешность строевой конной подготовки кочевников на месте. На время же сборов конницы в Тегеране для смотров ЕВ Шаха, для совместного их обучения, а также на случай командировок по повелению ЕВ Шаха Казачья бригада мало-помалу может постепенно заготовить и держать в своем цейхгаузе наготове, без особых отпусков из казны, запас казачьего обмундирования, которое бригада и может в случаях надобности временно выдавать иррегулярным конницам. Снаряжение же и вооружение для них имеется в изобилии в тегеранских арсеналах (л. 168).

8. Полковник не касается ни внутреннего управления племён, ни их хозяйства, ни, тем более, бюджета, заведуя одним строевым обучением в течение 4-6-недельного сбора. Полковник требует только, чтобы во время этих сборов лошадей кормили настолько хорошо, чтобы они могли свободно переносить усиленные строевые занятия.

9. Начальники племён, губернаторы или *сардары*, которым подчиняются иррегулярные конницы, продолжают оставаться такими же точно начальниками, какими были и до сих пор: их конницы поступают в ведение полковника только на время кавалерийского сбора, и притом они безусловно подчиняются полковнику только в строевом и дисциплинарном отношениях.

Во всё время сбора начальник местной конницы принимает все приказания непосредственно от полковника и всецело отвечает за всякие беспорядки и нарушения дисциплины.

По окончании кавалерийского сбора и роспуска конницы по домам после отъезда полковника конница снова всецело поступает в ведение своих постоянных начальников.

10. Получив повеление ЕВ Шаха, начальник племени обязан к назначенному сроку собрать подведомственных ему всадников. Вся ответственность за своевременное прибытие всадников на сборный пункт, а равно и все заботы по продовольствию и размещению людей и лошадей, а также всякое содействие полковнику и состоящим при нём казачьим инструкторам всецело лежат на обязанности начальника племени и местного губернатора.

11. Когда конницы нескольких племён будут совершенно подготовлены и обучены, от ЕВ Шаха будет зависеть потребовать обученные части на смотр.

По прибытии конниц в Тегеран полковнику потребуется всякий раз 1½-2 недели, чтобы съездить и спаять в одно стройное целое все прибывшие части и представить их в окончательном виде ЕВ Шаху.

12. Конницы для совместного обучения и затем смотра ЕВ Шаха могут быть собираемы не в одном только Тегеране, но также и в других пунктах, если это окажется более удобным или желательным ЕВ Шаху, как, например, во время путешествий ЕВ Шаха и проч. (л. 168об.). <…>

Заведывающий обучением персидской кавалерией

8 сентября 1895 г.

№ 20

Г. Тегеран

Копия представлена г. Посланнику

Секретно

Начальнику отделения Генерального штаба Штаба Кавказского военного округа

Рапорт

На последнем «саляме» (параде) в летней резиденции Сааб-Крание ЕВ Шах, впервые принимая представителей войск в тронной зале, обратился ко мне и сказал, что, будучи в высшей степени доволен состоянием бригады, желает увеличить не только число казаков, но также удвоить и число конных пу-

шек и зарядных ящиков с полным боевым комплектом снарядов (теперь в Персии стальных конных дальнобойных пушек 4, к ним зарядных ящиков 8). Предполагая всё это приобрести **из России**, ЕВ Шах выразил желание, чтобы я возможно скорее представил ЕВ все необходимые сведения относительно того, к кому именно следует обратиться, а также относительно порядка заказа, способа доставки и примерной стоимости всей батареи.

Тотчас после «саляма» я обо всём доложил г. Посланнику, и Его Превосходительство пожелал иметь копию с моего рапорта Вашему Превосходительству относительно того, как мне поступить в данном случае.

При сём считаю долгом присовокупить, что в 1884 году ЕВ Шах впервые выразил полковнику Чарковскому желание приобрести дальнобойную стальную конную батарею с соответственным числом зарядных ящиков и полным (л. 170) комплектом боевых снарядов. По донесении полковника Чарковского в Штаб Кавказского военного округа желаемые ЕВ Шахом пушки, зарядные ящики и боевые снаряды к ним были подарены и присланы в Тегеран Его Величеством в Бозе почившим Императором Александром III[3]. Военный министр Его Высочество Наиб-эс-Сальтанэ от имени ЕВ Шаха уже три раза спрашивал меня, написал ли я в Россию насчёт пушек (л. 170об). <…>

8 октября. Воскресение. Освящение храма, во время которого телефонное сообщение Наибу-эс-Сальтанэ о том, что завтра он смотрит войска на Майдан Машк, а затем послезавтра Шах возвращается в город и – смотр у ворот Даушан-Тепе. <…>

9 октября. Утром – приказания командирам частей, в 2 ч. на Майдан Машке – столкновение с Сардар-Акрамом Шуджа-эс-Сальтанэ: сначала послал Мартирос-хана. Он не решился сказать *сардару*, тогда я сам – резкий ответ *сардара*. Тогда я послал Мартирос-хана к Наибу-эс-Сальтанэ сказать, что, если пехоту оставлять задом к нам – совершенно уведу бригаду с плаца. Наиб-эс-Сальтанэ послал Ардель-баши очистить нам место, сказав, что тем временем он будет смотреть полицию – неуместное замечание адъютант-баши, что ведь это всего на два раза (л. 180). /Пехоту стали стягивать так медленно, что когда показался Наиб-эс-Сальтанэ, стянули всего один только полк, и пехота *сардара* продолжала торчать перед нами. Мой маневр при приближении Наиба-эс-Сальтанэ: «Бригада пиш!» Наиб-эс-Сальтанэ растерялся. «Дастэ-дастэ бе чап гярд-роу!.. Музыканчиан – салям». Наше торжество; церемониал, замечание Сушкову по поводу не вынутия шашки и незаезжания на церемониал. Объяснения Сушкова с Рафаловичем и затем Рафаловича со мною (л. 179об.)/

10 октября. В 12 ч. бригада собралась на Майдан Машке – слева по три повёл к воротам Даушан-Тепе. Выступом сделал замечание Сушкову насчёт заездов и вынимания шашек. Долго не могли найти для бригады места – Наиб-эс-Сальтанэ сам не знал, где что. Шах объехал всех, потом бригаду, подъехал ко мне, спросил о здоровье.

Масса войск – демонстрация против турок. Разговоры о главнокомандующих Керманшахским отрядом: Амир-хан Сардар, Сардар-Акрам Шуджа-эс-Сальтанэ и Векиль-эд-Доулэ. Церемониал для всех войск – казаки отлично прошли. Впереди гвардейский эскадрон проводил Шаха до дворца. Собравшись на Майдане, я поблагодарил бригаду и ещё раз напомнил русским офицерам, чтобы заезжали. Сушков накинулся на Рафаловича, упрекая в отсутствии товарищества – начало разлада. <…>

15 октября. С утра до ночи эти дни военная агентура, запущенная за 1½ года. Сегодня у обедни – пришёл к причастию. Завтрак у Щеглова с Аман-Олла-мирзою, которого принимали как настоящего принца.

16 октября. Задал Сушкову и Рафаловичу работу – описание лошадей, верблюдов, ослов, коров, катеров и прочих вьючных животных Персии – каждому самостоятельно. Орановскому – описать артиллерию и ручное оружие Персии (л. 184).

<…>

19 октября. Узнав, что казаки потихоньку сбывают лучших лошадей гулямам, сделал выводку и переклеймил 78 самых лучших лошадей из всей бригады – теперь никто уже не попользуется. <…>

25 октября. День для меня памятный. В казарме Максус был смотр полка Максус Векиля-эд-Доулэ, *сардар-афхама*. Накануне я получил приглашение от *сардара* к 1½ пополудни. Мы с Мартирос-ханом опоздали на ¼ часа. Когда я вошёл, на дворе казармы на эстраду, на которой стоял сам Шах, то заметил, что Шах нетерпеливо оглядывался во все стороны – оказалось, что он искал глазами меня. Когда он меня увидел, то тотчас же успокоился и подозвал к себе Садр-Азама, которому что-то сказал на ухо, и затем взошёл в палатку. Увидев, что Садр-Азам и Наиб-эс-Сальтанэ остались вне палатки, я подошёл к ним. Садр-Азам, Наиб-эс-Сальтанэ и оба младших сына Шаха сидели в один ряд. Едва я приблизился, как Садр-Азам сказал что-то на ухо Наибу-эс-Сальтанэ и вытащил из бездонного бокового кармана какую-то бумагу, а Наиб-эс-Сальтанэ сказал мне по-французски: «Поздравляю Вас с наградой: Его Величество Шах пожаловал Вам орден Льва и Солнца 1ой степени с зелёною лентою», – подал мне руку, а Садр-Азам в то же время подал мне шахский *фирман* (рескрипт) с его собственноручной надписью «сахи», т.е. «быть по сему» (л. 185).

Фирман был вручён публично и крайне торжественно. Особенно передёрнуло английского военного агента подполковника Пико и прочих военных агентов. Затем мне принесли стул, и я сел между Наибом-эс-Сальтанэ и младшим сыном Шаха. Пико лопался от досады.

Было проделано двухстороннее тактическое учение, весьма недурно. Особенно хорошо собирались после учения по сигналу сбор в двухвзводную колонну к своим командирам. После учения дружеский разговор с Векилем-эд-Доулэ, который боялся, что я помешаю ему отлить пушки по образцу коротких. Я его успокоил, что мне самому прямой интерес получить ещё одну конную батарею под свою команду, и он успокоился. Когда мы выходили из казарм, караул бил мне салямы и держал на караул.

Вечером у Щеглова. Садр-Азам, Эмин-эд-Доулэ (его родной брат), Ихтимат-эс-Сальтанэ (министр печати), Мушир-уль-Мульк (министр иностранных дел), Эмин-Хальвет (посредник между Наибом-эс-Сальтанэ, Садр-Азамом и Шахом) и Мамалек (адъютант Садр-Азама). Из русских, кроме миссийских, только я один.

Садр-Азам, а затем Мушир-уль-Мульк громогласно поздравили меня с шахской милостью. Штриттер не удержался и сказал Лермонтову: «Каково? Слыхали? Полковник получил зелёную ленту!» «Что-о-о-о? – прошипел Лермонтов, – да не может быть! Неужели правда?» «Да-с, истинная правда», – сказал я насмешливо (л. 185об.).

Порядком-таки все урезали /^{х}и я пешком вернулся домой <…> (л. 185об.)/

27 октября. Был у Щеглова, который, повидимому, хочет забрать в свои руки полковника и сделать из него что-то вроде своего вахмистра. Я не показал виду, но решил быть настороже и в случае надобности дать ему блестящий отпор.

28 октября. Все эти дни переписывал и обрабатывал сведения по военной агентуре. Обработал I^{ую} главу сведений о вооружённых силах Персии. Переписав к 6-ти часам вечера, черновую тетрадь послал для прочтения Щеглову – пусть не думает, что я что-либо скрываю от него.

Шах осматривал арсенал – я опять немного опоздал, но Шах, едва меня увидел, остановился и, обратившись ко мне, спрашивал о здоровье и говорил любезности – необыкновенное благоволение и расположение.

Секретно

Заведывающий обучением Персидской кавалерии

28го октября 1895 года

№ 21

Тегеран (Персия)

Начальнику Отдела Генерального штаба Штаба Кавказского военного округа

Рапорт

Представляю Вашему Превосходительству дополнительные сведения о вооружённых силах Персии, глава I: «I. Состав и пополнение сухопутных сил».

Со следующей почтой мною будут представлены Вашему Превосходительству до-

полнительные сведения к II главе статьи Персия: «II. Устройство военного управления», подвергшейся наибольшим изменениям и дополнениям.

Общую обработку и сводку всех вновь собранных мною сведений о вооружённых силах Персии предполагаю окончить в течение нынешнего года. Помимо того что в течение всего прошлого года я был всецело поглощён устройством *мухаджирского* вопроса и проведением в бригаде нового положения от 24 мая 1895 года, работа по военной агентуре замедлилась ещё и потому, что некоторые из служащих в военном министерстве получили новые назначения и выехали из Тегерана. Лица же, их заместившие, ещё не приобрели достаточного ко мне доверия.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство не отказать приказать выслать мне по одному экземпляру всех выпусков «Материалов по Азии», дабы я мог, перечитав в течение нынешней зимы всё касающееся Персии, всестороннее ознакомиться с порученным мне делом и, в свою очередь, дополнить и исправить то, что окажется мне под силу.

Приложение к № 21 от 28го октября[4] 1895 года: «I. Состав и пополнение сухопутных сил Персии» (л. 208).

29 октября. Сегодня на учении Сушков снова подъехал ко мне с рапортом, не обнажая шашки. Мало того, когда я пропускал мимо себя бригаду церемониальным маршем, Сушков не только не обнажил шашки, но даже не потрудился заехать, а, направив бригаду и скомандовав первому взводу, сам отъехал в сторону и по-штатски подъехал ко мне, помахивая плетью.

Наконец, это меня взорвало, и я решился сделать ему форменный выговор по службе: ведь не виноват же я, в самом деле, что в 38 лет командую бригадой в чине полковника, а Сушков в 48 лет дослужился всего только до чина есаула и сам вымолил у меня позволения приехать в Персию и служить под моим начальством!!!

Надо, наконец, положить этому конец: или пусть подчинится мне, как того требует дисциплина, или пусть подаёт отчисление и уходит отсюда, если не может переварить, что полковник на 10 лет моложе подчинённого ему есаула! (л. 194об.).

30 октября. Понедельник. Пригласил к себе Сушкова, Рафаловича и Орановского и выяснил Сушкову, что мне очень тяжело третий раз напоминать ему, что мне, как начальнику, следует рапортовать с обнажённым оружием, что Наибу-эс-Сальтанэ на церемониальном марше, так же, как и мне, если я стою за старшего начальника, следует (л. 194) салютовать, что нельзя курить и поворачиваться задом к знамёнам, не только русским, но и иностранным, и что им следует отдавать установленную честь.

Сушков вспылил и ответил, что армии здесь нет и что это лишь оперетка. На это я возразил, что, если он сам напросился обучать эту армию, то ему лучше уже молчать. Что же касается до отдачи чести и залпов русскими офицерами, то Сушков заявил, что «если бы и Наиб-эс-Сальтанэ, и сам Шах не были болванами», они давным-давно попросили бы нас сами этого не делать, а всякое отдание чести предоставить персидским командирам. На это я был вынужден ответить, что, значит, и я такой же болван, если до сих пор требую отдания этой чести со стороны русских. Сушков смешался…

Затем я продолжал: «Неужели же тебе в самом деле трудно отдавать мне установленную уставом честь?» После этих слов Сушков окончательно рассвирепел и начал ссылаться на уставы. Я подал ему все уставы, и Сушков на каждом шагу оскандаливался и доказывал своё незнакомство с уставами. Рассвирепев окончательно, Сушков выпалил: «Впрочем, моя отставка давно уже написана. Если ты можешь терпеть меня до весны, это устроит мои домашние дела. В противном же случае я готов подать её хоть сейчас». Я потребовал было сказать, что законное замечание начальника не есть ещё повод к выходу в отставку, но, видя, что Сушков бледен и трясётся от злобы, счёл лучшим молчать. Вечером я получил от Сушкова прошение об отставке и рапорт (л. 194об.).

31 октября. Сменная езда во дворе казарм. Едва я завидел Сушкова, как выразил

своё сильнейшее удивление по поводу поданного им рапорта. «Ведь ты говорил вчера, что тебе необходимо остаться для поправления твоих денежных дел по крайней мере до весны?», – спросил я. Но Сушков на это запальчиво начал скороговоркой выпаливать, что «решение его бесповоротно» и что он просит не задерживать его отставки. Несколько раз я начинал с ним этот разговор, но всякий раз получал одни и те же раздражительные ответы. Потеряв (л. 193об.) терпение, я замолчал и уехал домой, пригласив с собою Рафаловича, которому выяснил, что я решительно ничего не имею против того, чтобы Сушков оставался в Персии впредь до устройства его дел до весны, но что его запальчивость и дикое упрямство вынуждают меня быть с ним осторожным и более не навязываться с различными льготами и предложениями, которых он **не хочет** понимать и принимать. Не знаю, как в душе, но на словах Рафалович вполне согласен со мною и говорит, что на все убеждения его и Орановского Сушков отвечает одними лишь язвительными фразами, что, дескать, они против него не потому, что он, Сушков, не прав, но потому, что они оба боятся лишиться теперешнего места и потому подлизываются ко мне, как к их теперешнему начальнику. Я отлично понял, что Сушков подметил слабую струну Орановского и всеми своими силами напирает на неё. Но, полагаю, это ненадолго – Орановский скоро сам поймёт, что он не более как манекен в руках Сушкова. Что же касается до Рафаловича, то он уже и без меня сам это понял и, по-видимому, уже теперь отшатнулся от Сушкова, памятуя пословицу, что «своя рубашка ближе к телу» (л. 193об.–194). <…>

5 ноября. <…> В 4 часа с Мартирос-ханом у Садр-Азама. Спрашивал его мнения насчёт поступления на службу к Бостельману, на вновь строящуюся дорогу от Решта до Казвина, офицеров вверенной мне Казачьей ЕВ Шаха бригады. Я был очень откровенен и прямо сказал Садр-Азаму, что доверяю больше ему, чем Щеглову, который своей заносчивостью и самомнением отталкивает от себя всех и каждого. «Помня завет Посланника Е.К. Бюцова, я всегда говорю Вашей Светлости всю правду», – заключил я свою речь. Садр-Азам был очень доволен и ответил: «Всегда говорите мне всё, что только имеете, и Вы никогда не ошибётесь во мне – посланник Бюцов совершенно прав» (л. 201).

Затем Садр-Азам перешёл насчёт войны Англии с Турцией, предлог – избиение армян в Малой Азии[5]. Я высказал мнение, что едва ли Англия решится на подобный рискованный шаг. Садр-Азам вполне со мною согласился. При этом он спросил, что я лично намерен делать в случае войны. «Мне война – хлеб», – ответил я. «Почему?», – удивился Садр-Азам. «Да потому, что у меня нет ни жены, ни детей, и потому смерть мне не страшна. Но зато на войне я могу много и выиграть». Садр-Азам не мог не согласиться с верностью моего взгляда. Относительно же зачисления казачьих офицеров на Бостельмановскую дорогу сказал, что, не переговорив с Шахом, ответа дать не может.

<…> Как относится ко мне Садр-Азам, весьма характерен следующий случай. Бывший губернатор Малаера (воспитывавшийся в Париже д-р медицины, сын выкрещённого жида, которого Фетх-Али-шах употреблял в жопу) Мирза-Али-Наги-хан Вали не хотел отдавать должных им денег нашему *мир-пянджу* Неджеф-Кули-хану Цициани. Исчерпав все средства – и угрозы, и просьбы, и хитрости – последний обратился ко мне и упросил меня написать по этому поводу письмо Садр-Азаму. Я, признаться, написал это письмо единственно с целью отвязаться от назойливого Неджеф-Кули-хана и был почти убеждён, что оно не произведёт никакого действия на Правителя Персии. Но оказалось совсем противное. Садр-Азам потребовал к себе бывшего губернатора и, суя ему в нос моё письмо, сказал: «Ты понимаешь, до чего ты довёл себя: русского полковника вынудил написать мне это письмо?!» Губернатор начал было оправдываться, но Садр-Азам повторил: «Понимаешь, это пишет русский полковник? Сейчас же отдай». Губернатор начало было клясться и божиться, что у него нет ни гроша, но что он через месяц отдаст всё (л. 202). Тогда Садр-Азам уже запальчиво возразил: «В третий и последний

раз повторяю – это пишет не какой-нибудь перс, который и сам надувает, а потому и его можно надувать, это пишет русский полковник, которому ты должен уплатить немедленно!»

Выходя от Садр-Азама, губернатор начал просить Неджеф-Кули-хана, чтобы он упросил русского полковника, т.е. меня, дать ему отсрочку на 4 месяца и справиться, когда я могу принять его у себя. Неджеф-Кули-хан передал мне просьбу губернатора, которому я поручил ответить, что рад видеть его каждый день до полудня, но что отсрочки не могу дать больше ни одного дня, так как он уже и без того тянет три года. Да и, кроме того, раз Садр-Азам категорически приказал заплатить русскому полковнику **немедленно**, какие же тут ещё могут быть разговоры?

Конное учение – сменная езда. На Майдан-Машк приехал Наиб-эс-Сальтанэ, и Сушкову, как он ни жался, пришлось-таки на церемониальном марше сделать заезд с обнажённой шашкой. Боже, как это было ему трудно и с каким страдальческим выражением он не то салютовал, не то мух отгонял (л. 202об.).

8 ноября. Мартирос-хан в отчаянии: ему кто-то сообщил, что Шах не хочет произвести его в Эмир-Туманы. Мне также это крайне неприятно, ибо это сильно на него повлияло: он повесил нос и сильно утратил свою энергию, хотя старается этого не показать. Но я всё-таки не теряю ещё окончательно надежды и употреблю все свои усилия, чтобы выхлопотать Мартирос-хану Эмир-Туманство – он, безусловно, этого заслуживает. <…>

12 ноября. Снимался у Севрюгина. После обеда делал визиты с Орановским, который сознался, что Батюшков страшно сконфужен и никак не ожидал ни моего любезного приёма, ни такого скандального для себя оборота, ни такой гнусности поведения со стороны Сушкова. Со своей же стороны, Орановский признался, что, если бы ему не удалось ехать в отпуск, он все равно принуждён был бы искать себе другую квартиру, так как находит дальнейшее совместное сожительство с Сушковым для себя невыносимым. Кроме того, по словам Орановского, вся Миссия «будирует» на Сушкова.

Значит, цель моя достигнута: я разбил своих противников на два лагеря, враждебных между собой, и **тогда уже** открыто встал на сторону противников Сушкова, парализовав все его козни, направленные против меня. Спасибо *capmuny* Гейзлеру, что вовремя предупредил меня: если бы не он, я никогда не предполагал бы, что за мстительная личность Сушков, и, будучи беспечнее и доверчивее, мог бы попасться впросак. Ну, а теперь победа, вероятно, окажется на моей стороне (л. 205об.).

Секретно

Заведывающий обучением Персидской кавалерии

14го ноября 1895 года

№ 22

г. Тегеран (Персия)

Начальнику Отдела Генерального штаба Штаба Кавказского военного округа

Рапорт

I

В дополнение к рапорту моему от 28го октября 1895 года № 21 представляю Вашему Превосходительству дополнительные сведения о вооружённых силах Персии, глава II: «Устройство военного управления», кроме «Интендантского и артиллерийского отделов», которые не могли быть окончены одновременно с прочими отделами главы IIой, так как, помимо того, что их пришлось составлять заново, добывание сведений в этой отрасли встретило некоторые затруднения. Вслед за достаточной обработкой обоих вышеупомянутых отделов они будут представлены Вашему Превосходительству.

II

К 9му ноября 1895 года дефицит Казачьей ЕВ Шаха бригады уменьшился до 5834 *туманов*. Если с 9го марта 1896 года Персидское правительство выполнит взятые на себя обязательства по отношению к Казачьей бригаде (на что есть полное основание наде-

яться), то и весь остальной дефицит бригады будет погашен не позже 9го июня 1896 года.

Приложение к № 22 от 14го ноября 1895 года: «II. Устройство военного управления в Персии».

Генерального штаба

Полковник Косаговский (л. 207).

15 ноября. Вечером пришёл Орановский. У него сильно попорчено правое легкое, и доктор Мюллер гонит его немедленно из Тегерана на поправку. Я, на свой страх, отпустил его до Ноуруза (9го марта), то есть на целых 4 месяца, разрешил ему за время отпуска полное содержание вместо полагающегося половинного – рассчитываю его не в размере 10 000 франков, как это установлено по новому контракту от 6го июня 1895 года, а по прежнему, в размере 12 000 франков и т.д., и т.д. Кроме того, я был с ним ласков, как с родным, и только и делал, что усовещивал его и убеждал выйти из-под пагубного гнёта Сушкова. Но бедному бесхарактерному мальчику это было, видимо, не под силу, и потому он и на меня дулся, как мышь на крупу. Но теперь, когда, наконец, он сознал всю справедливость и великодушие моего поведения, образ действий Сушкова сам собою обрисовался ему в ещё более мрачных красках, и единственным исходом для Орановского в данном случае явилось, это – уехать в более или менее продолжительный отпуск, что зависело единственно от меня и к чему я, со своей стороны, дал ему все средства. В конце концов, Орановский, по-видимому, всё понял и, прощаясь, просил меня простить его за все его ошибки и мальчишеские выходки (л. 206). <…>

Наконец, сегодня я послал генералу Зеленому отставку Сушкова с надписью: «С моей стороны препятствий к увольнению есаула Сушкова в отставку **не имеется**» (л. 205об.)./[6]

18 ноября. Здесь каждое лыко в строку, и Посланник, благодаря тому, что из лютеранства перешел в Православие всего только в 1893 г., «est plus royal que le roi» или, по-персидски, «миска горячее щей»[7]. Второй год я здесь и не говел, о чём уже было немало толков. Во избежание дальнейших неприятностей я решил отговеть теперь, в Рождественском посту, так как в Великом опять не будет времени. Отец Архимандрит[8] согласился для меня лично служить всю эту неделю, и я отговел вместе с бригадными урядниками. Сегодня (суббота) мы все приобщились. <…>

21 ноября. Введение во Храм Пресвятой Богородицы. По этому поводу вчера я отдал следующее приказание: 1) Все русские офицеры и урядники освобождаются от службы; 2) Персидским же чинам – сменная езда в казармах; 3) Есаула Рафаловича, буде это его не затруднит, прошу явиться на учение, на котором я имею кое-что ему передать и с которого мы проедем прямо в церковь; 4) Дежурному лично приказал **не давать знать** никому из русских о завтрашнем учении.

<…> Мне доложили, что на Майдан-Машк явился Наиб-эс-Сальтанэ. Я немедленно же поехал к Наибу-эс-Сальтанэ и доложил ему, что казаки учатся внутри казарм. Объехав все войска, Наиб-эс-Сальтанэ снова переспросил меня, где казаки? Дело в том, что ему ужасно страшно, как бы мы совершенно не вышли из-под его власти, которая теперь, по положению от 24го мая 1895 года, совершенно номинальна. И вот, всякий раз, как на Майдан-Машк нет казаков, Наиб-эс-Сальтанэ кажется, что они уже никогда больше сюда не придут и уже больше знать не хотят его, военного министра (л. 209об.).

Поэтому Наиб-эс-Сальтанэ не вытерпел и сказал: «А может, всё-таки посмотреть казаков?» Я с полной готовностью проводил его в казармы, где есаул Рафалович показал ещё не известную ему манежную езду. В силу особой благоприятной случайности делали необычайно чисто и согласно, так что действительно было очень хорошо, и Наиб-эс-Сальтанэ, при всём нерасположении ко мне, должен был, равно как и его свита, сознаться, что обучение идёт в высшей степени успешно, а главное, что, если казаков нет на Майдан-Машк, то это ещё не значит, что казаки ничего не делают.

Этот небольшой случай, наверное, ещё больше обозлил Сушкова, который, пожалуй, склонен думать, что всё это было подстроено **заранее**, и что я сегодня умышлен-

но устранил его от дел. Эта же мысль, одновременно со мною, пришла в голову и Рафаловичу – значит, в данном случае я не ошибаюсь.

С Майдан-Машк Наиб-эс-Сальтанэ проехал в швейцарский магазин Гесаза, где набрал себе всевозможных вещей – это ежегодная дань, которою Наиб-эс-Сальтанэ, в качестве губернатора города Тегерана, облагает все магазины. Замечательнее всего при этом то, что, выбирая вещи, он весьма тщательно справляется о ценах, но платить в данных случаях не полагается и все эти вопросы делаются лишь «в силу персидской вежливости и для отвода глаз могущих случиться при этом европейцев» (л. 210).

Сегодня утром Садр-Азам прислал за Мартирос-ханом и сказал ему, что докладывал Шаху, и что Шах сказал, что ничего не имеет против производства Мартирос-хана в Эмир-Туманы, **если** против этого ничего не имеет Наиб-эс-Сальтанэ. Поэтому, если полковник согласен, пусть он попросит Наиба-эс-Сальтанэ написать ему, Садр-Азаму, два слова, и он снова представит их Шаху как письменное доказательство, без которого с таким прохвостом, как Наиб-эс-Сальтанэ, нельзя делать никаких дел.

Я с полной готовностью немедленно же поехал к Наибу-эс-Сальтанэ, который оказался у Шаха. Я пошёл к Шаху, который смотрел новый ремонт лошадей для полевой артиллерии, приведённый из Керманшаха: все рослые лошади от 4 до 6 лет по замечательно дешёвой цене не свыше 30-ти *туманов*. Едва увидел меня Шах, как спросил, что я делаю. Я ответил, что работаю с бригадой. Теперь в Тегеране свирепствует инфлуэнция, а потому Шах спросил, много ли у меня больных. Я ответил, что не больше обыкновенного – двое. Наиб-эс-Сальтанэ рассказывал Шаху, что сегодня он видел «новое» учение казаков, которое очень ему понравилось и которое **он (?) имеет в виду** ему показать. Шах, видимо, был доволен. <…> (л. 210об.).

После учения поехал к Наибу-эс-Сальтанэ, который, согласно нового Положения, принял меня в «хальвете». Я пристал к нему и после долгих просьб, наконец, убедил его написать Садр-Азаму письмо, что, дескать, он, Наиб-эс-Сальтанэ, находит Мартирос-хана достойным производства в Эмир-Туманы. Едва письмо было написано, Наиб-эс-Сальтанэ сказал, что отошлёт это письмо сам Садр-Азаму, но я, зная, с кем имею дело, твёрдо заявил, что Садр-Азам сам лично поручил мне передать ему это письмо. Наиб-эс-Сальтанэ хитро улыбнулся и передал мне письмо. Я тоже хитро улыбнулся и мгновенно запрятал его за пазуху.

23 ноября. Вчера и сегодня с утра до ночи привожу в порядок фуражные отходные листы, перевранные урядниками Шляховым и Выродовым.

24 ноября. В полдень отдал приказ через дежурного, что завтра по случаю проливного дождя никаких занятий не будет – кстати, рассчитывал привести в окончательный порядок фуражную отчётность. Но человек предполагает, а Бог располагает: в 4 часа пополудни принесли от Наиба-эс-Сальтанэ «ордр-де-жур»[9] – «назавтра всем собраться в 8 часов утра на Майдан Машк; Наиб-эс-Сальтанэ даст приказания относительно смотра, назначенного на вторник 28 ноября». Немедленно же собрал всех командиров и сделал все необходимые распоряжения. А дождь весь день и всю ночь лил как из ведра (л. 211).

Нарядил нарочных за отпускными в Иштаард, Арабабад, Бабасальман и прочие ближние к Тегерану селения. Ночью им было выдано всё вооружение и снаряжение, а на рассвете они уже выехали.

25 ноября. Всю ночь страшный ливень. На Майдан Машк собралась одна только бригада – *сарбазы* сочли неудобным собираться по грязи, и ни один не явился. Ещё не рассветало, когда я послал верхом урядника Выродова к Мартирос-хану, чтобы тот поехал спросить Наиба-эс-Сальтанэ, будет ли он на Майдане или не приедет по случаю ливня. Ответ от Наиба-эс-Сальтанэ я получил ровно в 8 ч., то есть когда бригада уже собралась на Майдане, что он на Майдан не приедет! Выходит, что *сарбазы* по-своему были правы! Наиб-эс-Сальтанэ через бригадного адъютанта Искандер-хана, *серхенга*, передал, что сегодня к нему по поводу пред-

стоящего смотра собрались на военный совет – *сардары* в 9 ч. утра, а русский полковник, то есть я, в 10½ ч. утра. Я сразу понял, что Наиб-эс-Сальтанэ рассчитывал, что я явлюсь в ту самую минуту, когда он мне назначит, *сардары* же его, наверное, опоздают часа на полтора. И действительно, предположения мои оправдались: (л. 211об.) когда в 10 ч. 20 минут я с Мартирос-ханом ехал к Наибу-эс-С<альтанэ>, *сардары*, не спеша, ещё только собирались. В 11 ч. явился Наиб-эс-Сальтанэ. Долго толковали и, наконец, было решено представляться Шаху на Майдан Машке: причём сначала произведёт учение пехота, затем пешая артиллерия и, наконец, Казачья бригада.

Вечером я пригласил к себе Сушкова и Рафаловича и объяснил им, что предстоит им делать на смотру, назначив на завтра репетицию. <…>

27 ноября. Завтра смотр Шаха, а потому сегодня опять репетиция. <…> Садр-Азам зачем-то потребовал к себе во дворец Шаха Мар-(л. 212)-тирос-хана. По желанию последнего я поехал с ним вместе. Оказалось, что Садр-Азам сообщил мне о решении Шаха оставить казачью сотню в Астрабаде до Ноу-руза. Желал знать, на чём я порешил с Наибом-эс-Сальтанэ относительно посылки казачьих офицеров к Бостельману. Об *эмиртуманстве* Мартирос-хана Садр-Азам не обмолвился ни единым словом. И только когда мы уже уходили, сказал, Мартирос-хану: «Письма Наиба-эс-Сальтанэ у меня в кармане – сегодня я постараюсь доложить о тебе Шаху». Между прочим, я сказал Садр-Азаму, что, докладывая Наибу-эс-Сальтанэ, сказал, будто Бостельман обратился предварительно в Русскую Миссию, которая обратилась к Садр-Азаму, и тогда только Садр-Азам сообщил мне об этом для доклада Наибу-эс-Сальтанэ. Садр-Азам остался очень доволен подобным оборотом дела, приданным мною. Вообще, здесь, в Персии, мало ещё быть только солдатом – надо быть немножко и дипломатом, то есть, по-солдатски говоря, двуличным и уметь лавировать между Сциллой и Харибдой (л. 212об.).

28 ноября[10]. Всю ночь и всё утро я волновался, придут ли вовремя отпускные. В 11½ часов утра, приехав на Майдан, я с удовольствием увидел, что там собралось 302 конных казака. Казаков оказалось так много, что они не могли установиться по одной стороне (узкой) Майдана и, после некоторых передвижений, пришлось музыкантов, 1$^{\underline{\text{ый}}}$ дивизион и батарею поставить вдоль узкого фаса (спиною Юсуф-Абадских ворот), а 1$^{\underline{\text{ый}}}$ дивизион – вдоль длинного фаса (спиною к казачьим казармам)[11].

В 12¾ ч. явился Наиб-эс-Сальтанэ. В эту самую минуту явилось из отпуска ещё 8 иштаардцев, что, в общем, составило 310 конных казаков. Не надо забывать, что у нас ещё сотня в Астрабаде и человек до 50-ти в командировках по различным городам!

Шах приехал в 1 ч. пополудни. Проезжая по фронту бригады, он спросил у меня: «А казаки будут учиться?» Я сказал по-персидски: «После пехоты, Ваше Величество». Шах засмеялся и спросил меня: «Вы уже говорите по-персидски?» Вместо меня ответил Садр-Азам, ехавший тут же: «Немного понимает. Но полковник очень много работает для бригады, и ему нет времени изучать также и персидский язык. Очень дельный начальник». Наиб-эс-Сальтанэ, в свою очередь, прибавил: (л. 214) «Очень умный и способный начальник конницы». Уже не знаю, насколько искренно это было сказано?!

Шах взошёл на вышку артиллерийских казарм, бригада прижалась к стене, а пехота начала учение. Сначала 1$^{\underline{\text{ый}}}$ полк против 6$^{\underline{\text{го}}}$; 4 орудия посредине между целью, на одной высоте со стрелками. В некоторых местах цель была реже, в других – гуще. Более сгущённые части от времени до времени приподнимались и, стоя, стреляли частью перед собою, частью вверх, стремясь производить залпы, которые у них, безусловно, не выходили. Стрелки сидели все на корточках, никогда не ложатся, иногда стреляют сидя, иногда вставая, частью перед собою, частью вверх. Цели не указываются, а потому каждый избирает цель по собственному вкусу, обыкновенно выцеливая кого-нибудь из европейцев (*френги*) или кого-нибудь из своих нелюбимых начальников. Стрельбу начала сначала пехота, потом уже артиллерия, стре-

мившаяся к залпам, которые у неё никак не выходят. Артиллерия с начала до конца учения оставалась на одной и той же позиции. Резервы пехоты не стеснялись становиться в затылок артиллерии. Перебежку сразу половиною всей линии цепи. Во время перебежек лежащая половина не поддерживала перебегающих и иногда совершенно умолкала. О применении к местности нет и речи – и притом, всегда на корточках (л. 214об.).

До штыкового удара не доводят из боязни несчастных случаев. Изображая атаку, кричат «ура». На маневрах иногда разгорячаются до того, что вкладывают в дуло ружья песок и камушки (см. 1894 г., 1–6 декабря)[12]. При сближении для атаки артиллерия учащает стрельбу и жарит по своим до самого отбоя.

Сбор – единственно хорошая вещь, производится в колонну по своим офицерам, которые выбегают на место сбора и, поднимая высоко над головою шашки, обозначают собою места своих частей. Не стрельба, а трескотня. Усиление цепи – с обоих флангов. Резервы перед атакой стреляли в интервалы недурно.

Окончив учение и отойдя на прежнее место, *сарбазы*, поодиночке, продолжали постреливать прямо из фронта. Мало того. Когда уже всё окончилось и Шах сел в карету, рассыпавшиеся по всему плацу *сарбазы* начали столь дружно выпускать оставшиеся у них в ружьях заряды, что остававшийся ещё на плацу Наиб-эс-Сальтанэ в первую минуту испугался. Это расстреливание «залишних» патронов, как их называли *сарбазы*, продолжалось целый час (л. 223). Мало того, идя толпами домой по главным улицам города, по пути продолжали на улицах стрелять, целя, преимущественно, в массы собак, наполняющих улицы, или в голубей.

Ещё не сходя с плаца, почти все офицеры отдали свои сабли своим *сарбазам-нукерам* (денщикам) или частным лицам и своим детям, явившимся на смотр. На следующее учение все эти лица снова принесут эти сабли на плац, где уже и наденут их снова на себя их владельцы.

Когда отучились 1 и 6ой полки, вышли 2 и 5, а затем 3 и 4 – все проделали решительно одно и то же. Шаху надоело, и он насилу дождался конца.

Пешая артиллерия – бессмысленно и безобразно: выстроилась вся в одну линию и справа в одно орудие начала стрелять. Потом взяла на задки, встала ближе к Шаху и снова вся линия проделала то же самое. Несмотря на то, что почти все эти передвижения делались шагом и лишь иногда собачьею рысью, одного из артиллеристов умудрились переехать орудием – разумеется, раздавили.

Замечательнее всего то, что лошадей этой артиллерии Наиб-эс-Сальтанэ приказал **накануне** переменить, заменив более сытыми и лучшими. Начальник артиллерии принц (дядя Амман-Олла-мирзы) накануне со слезами на глазах (л. 223об.) жаловался[13] мне на это, говоря голосом, полным отчаяния: «Вот, сами видите, что “они” со мною делают. Ну как я теперь покажу свою артиллерию, запряжённую лошадьми, которые не знают ни пушек, ни новых людей, а мои люди не знают этих лошадей?!» И он был совершенно прав.

Возвращаясь со смотра, *сарбазы* по 2-3-4 ружья несли, некоторые волокли прямо за дуло, а товарищи их спешили торговать на базарах[14]. Было также несколько нанятых для пополнения рядов. Штыки и штыковские ножи, заржавевшие от неопрятного содержания, сбивали с дула прямо камнем или прикладом другого ружья. Шли расстёгнутые, толкая офицеров, но вместе с тем часто отдавая честь русским офицерам – частью из уважения, частью из личного страха, а вообще, имея какую-нибудь просьбу, или желающие получить деньги, отданные на процент казаков, или родственника казаков, или находящиеся в услужении у различных европейцев (л. 219).

После смотра многие из *сарбазов*, отдав свои ружья товарищам, рассыпались по Майдану, собирая в особые торбы кало лошадей, оставшееся от казаков и артиллерии. Они сушат это кало и затем продают.

Горная артиллерия на катерах – не стреляла? Церемониальным маршем: впереди офицеры, выделывающие всевозможные выкрутасы, частью по австрийскому уставу,

частью собственного изобретения. *Сарбазы* идут, имея ружья на погоне через левое плечо. Шаг полный, очень хороший, но равнение плохо, головы вертят во все стороны и идут или совсем мужиками, или чрезмерно тянутся. Гвардия Наиба-эс-Сальтанэ ходит хорошо. Начальствующие лица на отдание чести и салюты своих подчинённых никогда не отвечают. *Сарбазы* и офицеры иногда честь отдают по-военному, иногда же по-персидски, хватаясь за живот. Лицам гражданским в большинстве случаев военные отдают поклоны и прижимают руки к груди и голове по-гражданski, отвешивая поклоны в пояс (л. 219об.).

Собирать *сарбазов* начинают по барабанам за 4-5 часов до начала смотра, но это всё-таки не помогает: уже Наиб-эс-Сальтанэ на плацу, а они всё тянутся-тянутся, прибывая поодиночке и группами по 2-4 человека. Бегают взад и вперёд по плацу – то за ружьём, то за саблей своего офицера, то позвать кого-нибудь, причём из фронта раздаются возгласы: «Да ну, скорее, чего ты там, такой-сякой». *Сарбаз* же в это время отгрызается на весь плац.

Посылают верхом охлюпкой переменить какую-нибудь заупрямившуюся артиллерийскую лошадь – *сарбаз* лупит галопом, махая ногами и локтями, прямо через войсковые части. И всякий считает долгом уступить ему дорогу. Возвращение производится тем же порядком, нередко, когда Шах уже на плацу. Тогда *сарбаз* только не кричит и во фронтах тихо.

Если какая-нибудь часть или 15-20 человек из неё желают заявить о чём-нибудь Наибу-эс-Сальтанэ, то, если это против *сардара* или командира полка, они благоразумно скрываются заблаговременно. Но если они сами заинтересованы, то докладывают Наибу-эс-Сальтанэ, который сначала притворяется ничего не понимающим, затем тонко даёт по-(л. 220)-нять, что подобные вещи даром не делаются. /[x]*Сардар*, если на лошади, прикладывается к самому уху Наиба-эс-Сальтанэ, а если пешком, то берется за стремя и приподнимается на цыпочки, а Наиб-эс-Сальтанэ нагибается к нему, и оба шепчутся, иногда довольно долго. Вся свита в это время почтительно удаляется и ожидает окончания переговоров./

Наиб-эс-Сальтанэ несколько раз собирает и распускает свои густейшие брови, наконец, подъезжает к выстроившейся кучке *сарбазов*. По команде старшего, а чаще и без всякой команды, *сарбазы* берут на караул. Затем, устав держать, по инициативе кого-нибудь из них закидывают за левое плечо на погонном ремне ружья и затем, сначала нерешительно, по одиночке, затем все смелее и смелее и, наконец, уже все <в> один голос галдят о своих нуждах. При этом в волнении и страхе за исход своего заявления они забывают про фронт и, если объяснение короткое, то изображают из себя волнистую линию, обращаясь каждый лицом к Наибу-эс-Сальтанэ, если же объяснение длинное и горячее, сбиваются в кучу и окружают Наиба-эс-Сальтанэ. Если объяснение приятно Наибу-эс-Сальтанэ, он тут же даёт ответ. Чаще он стесняется присутствия толпы, а в особенности иностранцев, и приказывает жалобщикам явиться во дворец. Если, наконец, жалоба ему неприятна или *сардар* ничего не даёт, потому что уже и без того дал, или потому что жалоба безусловно справедлива, или потому что денег нет, или, чаще, не доверяя Наибу-эс-Сальтанэ и обещав заплатить, когда Наиб-эс-Сальтанэ решит дело в пользу *сардара*, Наиб-эс-Сальтанэ разражается ругательствами «педер-сухтэ», «зян кяхбя», а иногда даже ещё прямо-таки приказывает схватить и бить жалобщиков или заключить их в темницу (л. 220об.).

Иногда безобразие доходит до того, что недовольные идут прямо к Садр-Азаму, привязывая, по словам самого Садр-Азама, себя к колесам его коляски, а иногда к самому Шаху (Раджаб-Али, несмотря на то, что казак, в большой мечети пал к ногам Шаха – подробно всю историю Раджаб-Али и все его фузульства, возможные только в Персии).

При этом решения всякий раз зависят единственно от личных корыстных целей вершителей судеб. Насколько в данном случае Персия пала низко в нравственном отношении и что в Персии за правительство, чрезвычайно ясно можно судить по послед-

ней выходке временщика Векиля-эд-Доулэ, выходке, в которой яркими живыми красками обрисовались и Векиль-эд-Доулэ, и Наиб-эс-Сальтанэ, и излюбленный европейцами низкий и коварный Эмир-Низам, бывший хамаданский (а раньше тавризский и курдистанский), ныне аракский генерал-губернатор, и сам Шах, а также выясняется, откуда в Персии берутся знаменитые разбойники – их создаёт само правительство и его ставленники (л. 222). <…>

29 ноября. Ходил в лазарет – обжоги сильные, но я не подавал виду и ободрял. Исследовал причину взрыва лафета. Рассказал Рафаловичу про впечатление, произведённое на персов безучастием русского доктора Вендта, стоявшего вдобавок с русским поверенным в делах. Рафалович рассказал про отказ Вендта исследовать молоко для больного ребёнка и про то, что он лечит только принадлежащих к Миссии – Рафалович это телефон.

<…> (л. 221).

30 ноября. Бригаде отдых до 5 декабря.

Примечания

[1] *Ташаххус* (تشخص) – «с помпой, торжественно» (букв. «надменность; достоинство»).

[2] Ср. 6 сентября.

[3] Зачёркнуто *(и привезены в Тегеран командою из 12-ти артиллерийских урядников под начальством артиллерии капитана Кублицкого)*.

[4] В тексте указано число «21» – несомненно, описка, спровоцированная предшествующим номером Рапорта.

[5] См., например: *Лунева Ю.В.* Ближневосточный кризис 1895–1897 гг. и планы раздела Османской империи // Вопросы истории. 2011, № 9. С. 117-131.

[6] Между л. 205 и 206 вложена карточка личной библиотеки Косаговского *Paulus Cassel. Aus dem Lande des Sonnenaufgangs. Japanische Lagen aus originaler Mittheilung niedergeschrieben und gedeutet. Berlin. Wilhelm Issleib (Gustav Schuhr), 1885*. В левом нижнем углу расположен шифр *Chwolson 1487*. В правом нижнем углу – *1/8° verte*. На обороте карточки *Voran geht eine Untersuchung uber "Das Zicklein" aus der judischen Passahliturgie – und nachfolgt ein Sendschreiben an das Berliner Tageblatt: "Zur Naturgeschichte der Chuzpe"*.

[7] كاسه داغتر از آش – «святее Папы Римского; бóльший католик, чем сам Папа». Во французском варианте – «больше король, чем сам король».

[8] Судя по всему, имеется в виду архимандрит Харлампий, служивший настоятелем посольской церкви в Тегеране с 1891 по 1895 год (см.: *Александр (Заркешев), игумен*. Русская Православная Церковь в Персии – Иране (1597-2001). СПб., 2002. С. 74).

[9] Ordre du jour (франц.) – распорядок дня.

[10] В правой колонке *28 ноября (лист I) 1895 г.*

[11] Схема расстановки войск приводится в правой колонке л. 214об.

[12] В правой колонке карандашом *Тактика Инан-лу и Курт-беглю (целиком из дневника)*.

[13] В правой колонке *28 ноября (лист I)*.

[14] Так, Мисль-Рустем пишет: «В Персии торгуют почти все, начиная с "сартипа" (генерала) до "сарбаза" (солдата), и это там не кажется странным. На улице вы зачастую увидите солдата в мундире, с погонами, в коротких штанах и не в форменной шапке, сидящим у стены на корточках перед грязной тряпкой, на которой валяются медные деньги, – это уличный меняла серебра на медь и обратно; или вы увидите такого же солдата, торгующего на "ишаке" (осле) варёной свёклой (любимое кушанье бедняков)» (Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 22).

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-49-57

А.Ш. Кадырбаев

АНТИОСМАНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ВАНЕ В 1915 ГОДУ

События в Восточной Анатолии, наглядным олицетворением которых стало восстание в 1915 году армянского населения в городе Ван и его округе под руководством национальной революционной организации Дашнакцутюн, обратились в трагедию для мусульманского населения этого региона. Причем не только турок, но и курдов-мусульман, поскольку они являлись тогда и являются и поныне самым многочисленным населением Восточной Анатолии. В условиях разгоравшихся боевых действий между российской и османской армиями на землях обитания этих народов боевые революционные организации армянских национальных движений Дашнакцутюн и Гнчак поголовно вырезали мусульманское население целых селений, вели диверсионную партизанскую войну против османских войск в прифронтовой полосе.

Погромы мусульман представляли собой часть стратегии армянских революционеров-дашнаков, призванной спровоцировать османское правительство на репрессии, а мусульманское население на бесчинства в отношении армян, которые привлекли бы внимание христианского мира – стран Запада и России и привели бы к их интервенции. Желание вызвать такую интервенцию, свойственное ряду лидеров Дашнакцутюна, документировано и подтверждается многими современниками, очевидцами тех событий. Например, западный миссионер С. Хэмлин сообщает, что члены подпольной армянской организации Гнчак, близкой к Дашнакцутюн, призывали использовать сочувствие к страданиям армян, чтобы спровоцировать интервенцию. Для этого они «изыскивали возможность убивать турок и курдов, поджигали их деревни… в расчёте на то, что разъярённые мусульмане восстанут и обрушатся на беззащитных армян и устроят такую варварскую резню, что Россия войдёт на территорию страны во имя человечества и христианской цивилизации и вступит во владение»[1]. О подобных планах армянских революционеров свидетельствуют американский исследователь Д. Хепворт[2], британский корреспондент Э. Пирс[3]. Наблюдения британского консула в Эрзуруме Р. Грейвза о том, что «дух враждебности и расовой ненависти вызван в прежде дружелюбном турецком обществе, и он может однажды, если будет спровоцирован, вылиться в репрессии и зверства»[4], оказались пророческими. К сожалению, именно так и случилось.

Поводом для репрессивных действий османских властей против армян послужило восстание весной 1915 года армянского населения в регионе, прилегающем к озеру Ван, когда армянские повстанцы истребляли курдов-мусульман. Ещё в донесении османских командиров от 29 ноября 1914 года говорилось: «Из показаний двух арестованных шпионов становится понятным, что в Ване и его окрестностях в любое время можно ожидать восстания»[5]. Согласно точке зрения турецких авторов, это восстание началось в марте 1915 года. «Мятеж вскоре принял форму межобщинной войны. Вооружённые армянские банды атаковали курдские поселения. Курды мстили, нападая на армянские деревни. Жестокая резня продолжалась с обеих сторон»[6].

20 апреля армянские повстанцы в Ване под командованием лидера дашнаков Арама Манукяна перешли в наступление. 24 апреля османский губернатор Вана рапортовал, что четыре тысячи армянских мятежников открыли огонь по постам полиции, сожгли дотла мусульманские дома и засели в армянском квартале. К ним присоединились 15 тысяч армянских беженцев из деревень. Заняв круговую оборону, несмотря на перебои с продовольствием, повстанцы сумели продержаться несколько недель. Борьба шла жестокая. «Никто никого не щадил и не требовал пощады, – писал османский офицер

Р. де Ногалес, – христианин или мусульманин, попавший в руки врагу, мог считать себя мертвецом»[7].

К началу четвёртой недели осады боеприпасы у армян иссякали, турки подтянули тяжёлую артиллерию, потери повстанцев были велики. Восставших спасла наступавшая на Ван российская армия. Под натиском русских войск османский гарнизон был вынужден отступить, и 20 мая формирования российских армян, а позже, 17 августа – и российские войска вошли в Ван.

После отступления османских войск все главные здания города Ван были подожжены повстанцами. Месть туркам в Ване со стороны армянских боевиков выразилась в «ночи необузданного буйства, вакханалии»[8]. «Невозможно даже приблизительно описать размах пожара, – написал в своём дневнике секретарь армянского комитета обороны О. Мухитарян, откровенно любуясь трагедией Вана. – Только кисть гения смогла запечатлеть на холсте багровые облака, поднимавшиеся от горящих турецких военных и административных зданий, густой дым от десятка или более логовищ их тирании, не имевшей себе равных». «Пожары и мародёрства», по его словам, продолжались несколько дней: «Никакая власть не могла остановить неуправляемую мстительность, которая овладела армянами Вана»[9].

После отхода турецких войск, как сообщает американский миссионер доктор К. Ашер, армяне стали обыскивать город. «Повстанцы жгли и убивали; дух мародёрства овладел ими, изгнав все прочие мысли»[10]. Американская миссия, которая раньше дала убежище пяти тысячам армянских беженцев, теперь приютила тысячу мусульманских женщин и детей. «Эти беглецы, – писала Э. Ашер в своём письме, – все были бы убиты, если бы мы не открыли для них двери»[11]. Годами позже немецкая миссионерка заметила, что три дня армянской мести, которые она пережила в Ване, невозможно забыть: «Образ абсолютно беззащитных турецких женщин, оставленных на милость победителей, относится к самым грустным воспоминаниям того времени»[12]. Отступавшие турки убивали армянских пленных, включая раненых, и теперь армяне «брали реванш». Согласно турецкой «Красной книге» 1916 года, повстанцы сожгли живьём 24 больных турецких солдата, остававшихся в военном госпитале[13].

По воспоминаниям К. Ашера, армянский мальчик вошёл в турецкий военный госпиталь и убил несколько остававшихся там пациентов[14]. Другой свидетель пишет, что повстанцы пришли в госпиталь за своими ранеными «и, не найдя их, так обозлились, что убили несколько турецких раненых и подожгли здание»[15]. Швейцарский миссионер Кейзер заключил (довольно мягко выражаясь), что армяне в Ване «действовали не в соответствии с Женевской конвенцией и ещё менее – в соответствии с заветами Иисуса Христа»[16].

Турецкая сторона также обвиняла армянских боевиков в зверствах. Великий визирь Османской империи Саид Халим сказал послу США Г. Моргентау в 1915 году, что армянские мятежники убили в Ване 120 тысяч турок[17]. Другие турецкие источники сообщают: «В одном случае мусульман из деревни к северу от Вана пригнали в селение Зеве, где почти все три тысячи жителей были убиты»[18]. «Армяне срывали кожу с мужчин, кастрировали их, насиловали и сажали на кол женщин… женщины и девочки бросались в реки, чтобы скрыться от мучителей»[19].

22 апреля 1915 года османский губернатор Сиваса доложил в МВД, что армянские повстанцы располагают в этом регионе до 30 тысяч боевиков, 15 тысяч из которых примкнули к русской армии[20]. Американский посол в Османской империи Моргентау сообщил 25 мая в Вашингтон, что оценивает число армянских повстанцев не «менее чем в 10 тысяч, но, скорее всего, 25 тысяч ближе к истине»[21].

Османы, пишет английский свидетель этих событий Джастин Маккарти, «были вынуждены отозвать с фронта целые дивизии для борьбы с повстанцами»[22]. 15 мая 1915 года консул Австро-Венгрии в Трапезунде передавал своему правительству о масштабном армянском восстании в Ване, хотя и допускал, что эти сообщения могут быть «преувеличенными»[23]. Немецкий военный Ф. Гу-

зе, начальник штаба 3-й османской армии, ставший очевидцем событий 1915 года в Восточной Анатолии, также настаивал, что деятельность армянских революционеров носила характер «спланированного мероприятия», а не была непосредственной реакцией на притеснения османских властей. «Серьёзность и размах армянского восстания, – писал он, – до сих пор не признаны и не оценены»[24].

Опубликованы свидетельства мусульманских жителей районов вокруг Вана, Битлиса и Муша, таким образом описывавших происходящее: «Я из деревни Голлю. Армяне подняли восстание после того, как (турецкая. – *Авт.*) армия из Вана отступила к Эрзеруму (Эрзурум. – *Авт*). Наши отцы и матери были убиты армянами. Мой отец, жандарм, был среди этих убитых. Жители деревень Моллкасим, Амик, Сихайне, Голлю, Хидир, Куртсатан и Кепрюкой также были убиты. Часть наших соседей спряталась в Зеве и была убита позже… Армяне жестоко мучили всех, кого им удавалось схватить. Они разрезали животы беременным женщинам и поднимали неродившихся детей на штыки. Они разграбили и сожгли все мусульманские деревни, убивая мужчин и женщин, стариков и молодых»[25]. 19 августа 1915 года австрийский посол в Османской империи писал о «массовых убийствах турок»[26] армянами.

Массовые убийства мусульман армянскими боевиками признают сами армянские авторы, например, Г. Широян в своих мемуарах, опубликованных в 1954 году, вспоминает участь города Битлис: «Победители – русские войска вместе с армянскими добровольцами – убили всех турок, которых нашли, и разрушили каждый дом, который смогли… Когда-то прекрасный город Битлис… лежал в руинах и был охвачен огнём»[27]. Священник А. Хартунян рассказывал, что перед тем как восстать против власти османов, армяне из деревни Фундежак около города Мараша «избавились от 60 турок, живших в деревне…»[28]. Американский работник по оказанию помощи пострадавшим С. Керр, опираясь на другой армянский источник, подтверждает эти убийства[29].

Слово «избавились», выбранное А. Хартуняном для описания убийств мусульман, характерно для армянской историографии, в которой, по свидетельствам западных авторов, «убийство мусульманами христиан – это жуткое беспочвенное зверство, тогда как убийство мусульман христианами понятно и простительно»[30].

В подготовке восстания армян свою роль сыграли и российские власти, о чем свидетельствует телеграмма советника III Политического отдела, направленная послу России в Стамбуле М.Н. Гирсу: «По соглашению с верховным главнокомандующим и наместником кавказским признано своевременным подготовить восстание армян, айсоров и курдов на случай войны с Турцией. Банды будут формироваться под наблюдением наших консулов в Азербайджане (Иранском. – *Авт.*) и начальников наших отрядов там, в полной тайне от персидской администрации. Подготовлены винтовки, которые, однако, будут выданы лишь в нужный момент. Есть и кредит на субсидии. К активным действиям банды будут допущены не иначе, как с нашего разрешения…»[31].

Интересна характеристика российскими властями формируемых армянских, ассирийских и курдских отрядов, которые они иначе как «банды» не называют, что позволяет высказать предположение о наличии в их составе заметного числа уголовных элементов. При этом, как видно из вышеприведённого текста, российские власти и формируемые ими «банды» совершенно не считались с суверенитетом Персии. Сведения приведённого российского источника о планах поставки оружия армянским революционным организациям подтверждают события в черноморском городе Трапезунде (ныне Трабзон) в январе 1914 года, когда местные армяне сообщили австрийскому консулу в этом городе, что русские поставляют оружие армянским революционерам. Тогда в ходе обысков в марте 1914 года османская полиция обнаружила большое количество винтовок, что привело к арестам в армянской общине Трапезунда[32].

Немецкий вице-консул в Самсуне Кукхоф полагал, что «фактически армянские

заговорщики прекрасно организованы по всей Анатолии и находятся в постоянном контакте с заграничными державами. Во всех городах мятежники имеют большие запасы оружия, боеприпасов и бомб»[33]. В сентябре 1914 года, через месяц после начала всеобщей мобилизации, османское правительство отдало приказ властям в провинциях держать деятельность армянских организаций под контролем и изымать у них незаконно хранимое оружие. Приказ привел к широкомасштабным обыскам; некоторые губернаторы сообщили, что обнаружили огромные склады оружия и взрывчатых веществ, в основном российского производства[34].

О том, что турецкие армяне собирали оружие, в частности в Ване, «возможно и для вооружённого восстания» против османских властей, сообщал немецкий консул в Эрзуруме Шойбнер-Рихтер[35]. В мае 1915 года в вилайете Мамурет-уль-Азиз в городах Харпут (ныне Элязыг) и Мезрех османские власти стали производить систематические обыски на предмет наличия оружия в принадлежавших армянам магазинах и домах. Согласно турецкой «Красной книге», вышедшей в 1916 году, было обнаружено более пяти тысяч винтовок и револьверов и большое количество динамита. Многие турецкие армяне из Мамурет-уль-Азиза пополнили добровольческие батальоны, воевавшие на стороне России[36].

Датская миссионерка М. Якобсен отметила в дневнике 6 июня, что власти нашли несколько зарытых бомб, и многие армяне арестованы в связи с этим: «Грустно, что так много невинных людей пострадает от безответственности революционеров. К сожалению, она встречается очень часто, особенно у молодых людей»[37].

Американский консул Л. Дэвис сообщал, что его соотечественник, миссионер доктор Г. Аткинсон «нашёл несколько револьверов и большое количество патронов среди личных вещей армянского мальчика, который служил у него в госпитале, но не так давно был арестован и попал в тюрьму»[38].

Вооружение российскими властями армянских отрядов сказалось на ситуации не только в Анатолии, но и на российском Кавказе, в частности, на отношениях армян с его народами: «С началом войны царское правительство сразу же сформулировало свои требования, сводившиеся к осуществлению “исторических” задач, то есть к захвату проливов с Константинополем (Стамбулом. – *Авт.*) и Турецкой Армении. Царское правительство обратило серьёзное внимание на изучение отмеченных выше зон, особенно Турецкой Армении с её сложными национально-политическими условиями. (…) Русское командование рассчитывало опереться на армян и айсор при вторжении Кавказской армии в пределы Турции. (…) Глубокое вторжение русских в (Турецкую. – *Авт.*) Армению, помимо военно-политического значения, указывавшего на зону заинтересованности царской России в доле “наследства” Оттоманской Турции, угрожало основной области этого государства – Анатолии – и сооружавшейся немцами Багдадской железной дороге, имевшей большое стратегическое значение для операций германо-турок на Ближнем Востоке. Вместе с тем, это вторжение приближало русских к мосульской нефти. Кроме того, глубокое проникновение русских в пределы Турции обеспечивало вообще пределы Закавказья и оккупированные русскими северо-западные области Персии от вторжения турок и, в частности, Бакинский нефтеносный район и марганцевые залежи в Чиатуре. (…) Как сообщало министерство внутренних дел, в начале войны… армянское население было почти поголовно вооружено новейшим оружием, причем это вооружение продолжалось усиленным темпом даже тогда, когда всякая опасность вторжения (турок. – *Авт.*) в пределы Закавказья миновала. По сообщению министерства внутренних дел России, армянские дружины имели свой особый главный штаб, причём в последний корреспонденция адресовалась: “Тифлис, главный армянский штаб, Хатисову (городскому голове)”. Вместе с тем, организация этих дружин и особое покровительство (российских властей. – *Авт.*), им оказывавшееся, породили обострённые отношения между армянами и другими народностями Кавказа»[39].

В январе 1916 года русская армия вместе с армянскими добровольцами, шедшими в её авангарде, захватила город Диярбакыр в Турецком Курдистане. «Мусульмане, которым не удалось бежать, – вспоминает американская миссионерка Г. Кнапп, – были убиты»[40]. Похожие свидетельства можно найти в опубликованных материалах из турецких архивов. Согласно турецкому историку С. Соньелю, «партия Дашнакцутюн несёт основную ответственность за это, так как она часто была главной движущей силой погромов»[41].

Были в это время эксцессы по отношению к мусульманскому населению и со стороны российских войск, покидавших фронт в 1917 году под воздействием революционной пропаганды, что привело к полному падению дисциплины в их рядах, хотя и здесь не обошлось без провокаций со стороны дашнаков: «Из телеграммы № 36273 командующего Кавказской армией от 5 октября 1917 г. Комкор (командир корпуса) 5 от 22 сентября за № 02864 доносит, что в районе Эллеу произошло избиение турок солдатами и матросами, по-видимому, подстрекаемыми армянами на почве национальной нетерпимости. Грабежи, разбои и убийства продолжают совершаться и теперь… Де Витт»[42]. Но такое поведение русских войск, если и не являлось исключительным случаем, то всё же не было частым явлением по сравнению с действиями армянских отрядов.

В целом, русские военные, во всяком случае, до падения к 1917 году дисциплины в их рядах, были, в определённой степени, сдерживающим и даже карающим фактором для армянских погромщиков, что признавалось и вызывало чувство благодарности даже у их османского противника, о чём свидетельствует приводимый ниже документ: «Письмо командующего турецкими армиями Кавказского фронта Ферика Вехиб-Ахмеда главнокомандующему русскими войсками Кавказского фронта генералу Пржевальскому М.А.: Ваше Высокопревосходительство! Приношу мою благодарность от всего сердца за категорический приказ, данный надлежащим ответственным постам о защите оттоманских подданных-мусульман в занятых русскими войсками известных провинциях против жестокостей армян, и за обещание принимать действительные и строгие меры против могущих возникнуть всякого рода неуместных поступков… Считаю, к сожалению, нужным и полезным также довести до Вашего Высокопревосходительства нижеследующие части сведений, которые я мог получить. Злодеяния армян, в особенности после ухода штаба русского корпуса из Эрзинджана, перейдя границу единичных вторжений в жилища и убийства в уединённых местах, начали принимать более широкие размеры в виде открытых нападений на селения, общего изнасилования женщин, избиения всего мужского населения и предания селений огню. Между прочим, селение Зекких, находящееся в восемнадцати километрах на юго-восток от Эрзинджана, 12 января 1334 г. (по мусульманскому летоисчислению, т.е. 1918 г. – *Авт.*) было обречено [на] эту несчастную участь. С неделю тому назад на мусульманское селение Коска, находящееся в трёх километрах от Ардасы, тоже было сделано нападение армянской шайкой в тридцать человек, и здесь разыгралась та же заставляющая обливаться кровью человеческое сердце драма, после чего селение было также сожжено… В ожидании ускорения принятия ограничительных мер прошу принять уверение в самом давнем искреннем к Вашему Высокопревосходительству уважении. Командующий армиями Кавказского фронта Ферик-Вехиб-Мехмед. Получено в Тифлисе 1 (14) февраля 1918 г.»[43].

Командование российских войск Кавказского фронта предпринимало меры по обузданию дашнакских погромов: «Телеграмма. Карс. В полевой штаб Кавказской армии 12-45 д I. Принята 31/ 1 1915 г. № 25/3 Принял Скатов /Подпись/ Генерал Николаев доносит о бывшем случае стрельбы армянских добровольцев по нашим войскам, не пропускавшим армян с награбленным имуществом. Кроме того, были неоднократные случаи среди армянских же добровольцев разбоев и грабежей. Чтобы с самого начала положить предел подобным преступлениям, мною предписано генералу Николаеву учредить в

Ване полевой суд… Армяне подлежат обвинению, влекущему за собой наказания, указанные в 279 статье 22 книги. Приговор вступает в законную силу немедленно по объявлении его на суде и не позже суток приводится в исполнение по распоряжению начальника, сформировавшего суд. Справка приказа Верховного Главнокомандующего, объявленного в приказание войскам Кавказского военного округа 4 мая номер 158. Номер 6325. Генерал Огановский»[44].

Ситуация для мусульман осложнялась тем, что в ряде областей Восточной Анатолии, оккупированных российскими войсками в ходе боевых действий против турок, во власти были армяне. Ещё при взятии Вана русскими войсками в 1915 году ликующие армяне вручили русскому генералу ключи от города. Российские военные власти в ответ назначили главу армянского комитета обороны А. Манукяна губернатором региона. В Ванской области в руках дашнаков была не только гражданская и военная администрация, но и контрразведка: «Письмо начальника штаба оккупированных территорий (написанное на бланке начштаба Генерал-Комиссара Турецкой Армении и прочих областей Турции, занятых по праву войны). Февраль 1918 г. Помощнику Генерал-Комиссара Турецкой Армении. Как усматривается из прилагаемой при сём переписки, комиссаром Ванской области Амбарцумяном ослаблена деятельность Ванской контрразведки вследствие сделанного им распоряжения о призыве в войска всех турецких армян призывного возраста, служащих в Ванском контрразведывательном пункте. Принимая во внимание, что контрразведка в Ванском районе должна обслуживать главным образом армянские части, я полагал бы необходимым установить между комиссаром Амбарцумяном и контрразведкой такие отношения, при которых деятельность контрразведки не страдала бы от призыва людей в войска. Ввиду изложенного, прошу Вашего распоряжения о преподании надлежащих указаний комиссару Ванской области. Приложение: переписка на 4-х листах. Начальник Штаба Генерал-Майор и. д. Секретаря Штаба Капитан»[45]. Поэтому вполне понятно, что мусульманское – курдское и турецкое – население Ванской области стало заложником данной ситуации и оказалось на острие террора дашнаков, в полной мере задействовавших для этого властный ресурс, который они получили в этом регионе Восточной Анатолии, оккупированном русскими войсками. Тем более, к этому времени, т.е. к 1918 году, после двух революций в России командование российского Кавказского фронта было дезорганизовано и не могло противодействовать их деятельности.

Пока неясен точный масштаб жертв среди турецкого и курдского населения от погромных действий армянских боевых формирований, но счёт их, по минимуму, шёл на сотни тысяч человек. Согласно материалам армянской печати за 1916 год, в частности, на страницах издания «Мшак» уполномоченный союза городов на Кавказском фронте А. Атанасян приводит данные о потерях курдского мусульманского населения во время Первой мировой войны: «Полученные мною и проверенные сведения доказывают, что… курды имели огромные потери. Все пространство, от Ванского озера на юг и на запад, района Битлис-Буш, затем через Хныс, Буланык, Патноц, Маназкерт, Ала-Даги вместе с Алашкертом, до района Басена и Байазид-Диадина, где до войны жило более 800 000 курдов, – в настоящее время совершенно опустело. Сотни курдских деревень разрушены и опустошены. Выселение, отступление совершалось у них при весьма неблагоприятных условиях: во время отступления всякого рода эпидемические болезни в буквальном смысле слова уничтожили целые курдские племена и районы… Из 20 селений… в Хошабе Бахрибеке, – в которых жило более 12 000 курдов, в течение первых 6-7 месяцев войны от болезней умерло 8 000… В семьях, в которых до войны было 20-30 душ, теперь не насчитаешь и 3-4 человека. Всюду то же самое… Всё скотоводство, на котором зиждется сила курдов, погибло – от огня, голода, реквизиции… во время войны курды потеряли всё… Остатки курдов в Восточном Курдистане и районе Диярбекира, число которых не превышает 250.000… Интересны сведения о количестве

потерь у курдов, непосредственно участвовавших в войне. Число одних убитых курдов превышает 40 000 человек, а раненых вдвое больше. Целые курдские племена были истреблены в течение нескольких месяцев войны холерой, брюшным и сыпным тифом. Сотни курдских трупов лежали в их деревнях… курды потеряли три четверти своего общего числа»[46].

Однако в СМИ западных стран – Великобритании, Франции, США, Италии, Греции, а также России, составлявших военно-политический блок Антанту и находившихся в состоянии войны с османами, – в силу политических предпочтений чаще всего обращалось внимание на репрессивные действия по отношению к армянам. При этом лишь иногда сообщая международной общественности об аналогичных акциях армянских боевых организаций в отношении мирного мусульманского населения, подтверждая сведения о преступлениях дашнакских боевиков. Так, в докладе двух американских офицеров Э. Найлза и А. Сазерленда, которые побывали в Восточной Анатолии летом 1919 года для определения потребности в гуманитарной помощи, отмечалось, что на территории между Битлисом и Трапезундом «армяне совершали в отношении турок все те преступления и злодейства, которые турки совершали в отношении армян в других местах. Поначалу мы не верили рассказам, но единогласные свидетельства, упорство, с которым нам твердили о произошедших злодеяниях, очевидная ненависть свидетелей к армянам и, наконец, повсеместные вещественные доказательства убедили нас в истинности следующих фактов: во-первых, армяне массово и с изощрённой жестокостью убивали мусульман, и, во-вторых, армяне ответственны за большую часть разрушений в городах и селениях»[47].

Американская военная миссия в Армении во главе с генералом Д. Хаббардом докладывала, что «жестокость возмездия армян, безусловно, может соперничать с жестокостью турок в своей бесчеловечности»[48]. Террор обосновывался идеологией дашнаков, ставящей под сомнение не только государственность турок, но и само существование турецкого народа. Как свидетельствует статья, опубликованная ещё в 1912 году в печатном органе Дашнакцутюн «Орион»: «Пусть знают турецкие государственные деятели, вершители судеб Турции, что ни турок, ни турецкое государство отныне не имеют никакой ценности для армян…»[49]. По мнению идеолога дашнаков А. Аракеляна: «Приговор истории неумолим: Турция не в стоянии жить как самостоятельный, независимый орган; она должна погибнуть, распасться, и на её обломках должны возвыситься новые государства, которые начнут независимую, свободную и цивилизованную жизнь. Турция должна быть разделена на части – этого требуют неумолимая история и логика»[50], – такой приговор вынес турецкой государственности и турецкому народу Дашнакцутюн, многие годы безуспешно пытаясь привести его в исполнение.

Примечания

[1] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1893. Washington, DC: GPO, 1894. P. 1416.

[2] *Herwoth G.H.* Through Armenia on Horseback. London: Isbister, 1898. P. 341.

[3] *Pears E.* Forty Years in Constantinople: The Recollections of Sir Edwin Pears, 1873–1875. London: Herbert Jenkins, 1916. P. 155.

[4] British Documents on Ottoman Armenians. 4 vols. / edit. B.N. Simsir. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 1972, Vol. 3. P. 251.

[5] Documents on Ottoman Armenians. 2 vols. Ankara: Directorate General of Press and Information, 1982-1983. Vol. 1. P. 23.

[6] *McCarthy J., McCarthy C.* Turks and Armenians: A Manual on the Armenian Question. Washington, D.C.: Assembly of Turkish American Associations, 1989. P. 49.

[7] *Nogales R., de.* Four Years beneath the Crescent / trans. M. Lee. New York: Charles Scribner's, 1926. P. 70.

[8] *Gossoian H.* The Epic Story of the Self-Defense of Armenians in the Historic City of Van / transl. S.S. Tarpinian. S.L.: Raven Publishers, 1980. P. 58.

[9] *Mukhitarian O.* An Account of the Glorious Struggle of Van-Vasbouragan / transl. S.S. Tarpinian. S.L.: Raven Publishers. P. 116-117.

[10] *Ussner C.D., Knapp G.H.* An American Physician in Turkey: A Narrative of Adventures in Peace and War. Boston: Houghton Mifflin, 1917. P. 285.

[11] *Barrows J.O.* In the Land of Ararat: A Sketch of the Life of Mrs. Elizabeth Freemen Barrows Ussher. New York: Fleming H. Revelle, 1916. P. 145.

[12] *Ehrhold K.* Flüch in die Heimat: Aus dem Kriegserlebnis deutscher Missionsschwestern in der asiatischen Türkei. Dresden: C. Lüdwig Ungelenk, 1937. S. 15.

[13] Aspirations et agissements révolutionnaires des comites arméniens avant et après la proclamation de la Constitution Ottomane. Constantinople, 1917. P. 394.

[14] *Ussner C.D., Knapp G.H.* An American Physician in Turkey. P. 284.

[15] Great Britain Parliament. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire. 1990. P. 70.

[16] *Kieser H.-L.* Der verpasste Friede: Mission, Ethnie und Staat in der Ostprovinzen der Türkey, 1839-1938. Zürich: Chronos, 2000. S. 451.

[17] *Morgenthau H.* Ambassador Morgenthau`s Story. Garden City, NY: Doubleday, 1918; Ann Arbor, MI: Gomidas Institute, 2000. P. 238.

[18] *McCarthy J., McCarthy C.* Turks and Armenians: A Manual on the Armenian Question. P. 49.

[19] Armenian Atrocities and Terrorism: Testimonies of Witnesses. Washington, D.C.: Assembly of Turkish American Associations, 1997. P. 51.

[20] Documents on Ottoman Armenians. Vol. 2. P. 80.

[21] *Леви, Гюнтер.* Армянский вопрос в Османской империи: мифы и реальность. М., 2016. С. 95, 286. Documents on Ottoman Armenians. Vol.2. P. 80.

[22] *McCarthy J.* The Ottoman Turks: An Introductory History to 1923. London: Longman, 1997. P. 364.

[23] Österreich-Armenien, 1872–1936: Faksimilesammlung diplomatischer Aktenstucke. 12 Bde. / hg. A. Ohandjanian. 2. rev. Aufl. Wien: Ohandjanian Selbstverlag, 1995. Bd. 6. S. 4563.

[24] *Guse F.* Der Armenieraufstand 1915 und seine Folgen // Wissen und Wehr. 1925. Nr. 6. S. 614.

[25] Armenian Atrocities and Terrorism: Testimonies of Witnesses. P. 51.

[26] Österreich-Armenien, 1872–1936: Faksimilesammlung diplomatischer Aktenstucke. Bd. 6. S. 4562.

[27] *Shiroyan H.* Smiling through the Tears. Flushing, NY, 1954. P. 186.

[28] *Hartunian A.H.* Neither to Laugh Nor to Weep: A Memoir of the Armenian Genocide / transl. V. Hartunian. Boston: Beacon Press, 1968. P. 58.

[29] *Kerr S.E.* The Lions of Marash: Personal Experiences with American Near East Relief, 1919-1922. Albany: State University of New York Press, 1973. P. 19.

[30] *Dyer G.* Turkish «Falsifiers» and Armenian «Deceivers». London, 1972. P. 105.

[31] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2100. Оп. 1. Д. 517. Л. 29. Телеграмма советника III Политического отдела, направленная послу в Стамбуле Гирсу М.Н. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Серия 3. Т. 6, ч. 1. М.-Л., 1935. С. 121.

[32] *Леви, Гюнтер*. Армянский вопрос в Османской империи. С. 96.

[33] Österreich-Armenien, 1872–1936: Faksimilesammlung diplomatischer Aktenstucke. Bd. 6. S. 4300-4338.

[34] Documents on Ottoman Armenians. Vol. 2. P. 80.

[35] *Pasdermadjian G.[Garo A.]* Bank Ottoman: Memoirs of Armen Garo / transl. H.T. Partizian. Detroit, MI: Armen Topouzian, 1990. P. 23.

[36] *Sonyel S.R.* The Ottoman Armenians: Victims of Great Power Diplomacy. L.: K. Rustem and Brothers, 1987. P. 305.

[37] *Jacobsen M.* Diaries of a Danish Missionary: Harpoot, 1907–1919 / transl. K. Vind. Princeton, NJ: Gomidas Institute, 2001. P. 67.

[38] *Davis L.* The Slaughterhouse Province: An American Diplomat`s Report on the Armenian Genocide, 1915-1917 / ed. S.K. Blair. New Rochelle, NY: Aristide D. Caratzas, 1989. P. 195-196.

[39] *Арутюнов С.С., Хатисов А.И.* Записка об армянском вопросе и армянских дружинах // Историко-филологический журнал. 1991. № 2. С. 205-209.

[40] *Ussner C.D., Knapp G.H.* An American Physician in Turkey. P. 285.

[41] *Sonyel S.R.* The Ottoman Armenians: Victims of Great Power Diplomacy. P. 305.

[42] РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 51. Л. 42–42об.

[43] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 42-43.

[44] РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 982. Л. 3–5. Телеграмма генерала Огановского в полевой штаб Кавказской армии о военном положении в Карсе.

[45] РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 20. Л. 52–52об. Письмо начальника штаба оккупированных территорий (написанное на бланке начштаба генерал-комиссара Турецкой Армении и прочих об-

ластей Турции, занятых по праву войны). Февраль 1918 г. Помощнику Генерал-Комиссара Турецкой Армении.

[46] Потери курдов в настоящую войну // Армянский вестник. 1916, 13 ноября. № 42. С. 15.

[47] Americans Investigating Anatolia. The 1919 Field Notes of Emory Niles and Arthur Sutherland) // The Journal of Turkish Studies, 34/2 (2010). New York. P. 129-134.

[48] *McCarthy* J.et al. The Armenian Rebellion at Van. University of Utah Press, 2006. P. 24.

[49] *Карамян К.Н.* Положение западных армян, «Армянский вопрос» и международная дипломатия в последней четверти XIX века и начале XX века. Ереван, 1972. С. 81.

[50] Центральный государственный архив Нахичеванской АССР. Ф. 314. Л. 6.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-58-65

В.В. Синиченко

ВОЕННЫЕ ПОСТАВКИ В РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ ИЗ СТРАН ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Описывая военные поставки в Россию из стран Тихоокеанского региона в годы Первой мировой войны, прежде всего нужно выделить Японию.

В Японии производило многомиллионные закупки не только Военное министерство России (Япония продала и поставила в Российскую империю в общей сложности не менее 635 тыс. винтовок и карабинов, более 1000 орудий разных калибров, миллионы снарядов, сотни тысяч пудов пороха, сотни тысяч пар обуви, а также иного интендантского и санитарного имущества), но и гражданские власти империи. Они приобретали для российских фабрик и заводов тысячи тонн серы, камфары, латуни, меди, миллионы аршин сукна, кожи. Как пишет д.и.н., замдиректора ИРИ РАН Д. Павлов: «В отличие от других зарубежных поставщиков, японцы выполняли русские заказы строго в срок и с высоким качеством»[1].

Конечно, не все историки хвалят японское военное снаряжение. Так, один из современных исследователей пишет: «Наряду с новыми артсистемами царское правительство скупало за большие деньги за границей заведомую рухлядь типа 155-мм и 120-мм французских пушек образца 1878 года, 20-см, 24-см и 28-см японские гаубицы, 15-см и 24-см японские пушки. Причем японские орудия были столь стары и находились в таком ужасном состоянии, что все их отправили в крепости. Впрочем, и там от них проку было мало. Исключение составляли несколько 20-см японских гаубиц, которые безуспешно пытались использовать на фронте. Зато Россия только Англии и Японии за военные поставки уплатила 505,3 тонн золота»[2].

На самом деле, как исключительно восторженная, так и критическая оценка роли японской помощи России в годы Первой мировой войны – это не научный подход.

Реальное состояние дел в военном снабжении России из-за рубежа и выявление роли в росте военного потенциала русской армии закупок вооружений, обороннозначимых материалов и товаров (в годы войны на сумму свыше 400 млн иен) в Японии позволяет выявить переписка представителей МИДа и Военного министерства России, отложившаяся в фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Как свидетельствуют материалы АВПРИ, первый крупный заказ был размещён российским правительством в Токио уже в октябре 1914 года.

Руководитель военной миссии России в Японии генерал В.К. Самойлов заказал у частных фирм Японии 800 000 пар сапог.

Контракт должен был быть выполнен в течение полугода, но, в нарушение срока контрактов, японскими коммерческими организациями было недопоставлено 348 000 пар. Поэтому они в качестве неустойки пообещали сверх нормы выполнить поставки 230 000 пар сапог, из них 70 000 хромовых[3].

Не выполнялись вовремя и поставки сукна. Так, 5 августа 1915 года в донесениях военного агента в Токио сообщалось, что для Главного интендантского управления отправлено 5008 аршин сукна по контракту с фирмой «Мицуй». Ранее 6586 аршин сукна были приняты, а 8406 аршин сукна были русскими интендантами забракованы[4].

Военный агент России в Японии генерал-майор В.К. Самойлов 8 августа 1915 года докладывал, что только фирма «Окура» недопоставила русской армии 111 988 пар сапог[5].

Однако постепенно ситуация исправлялась.

Уже 13 августа 1915 года военный агент России в Токио докладывал, что фирма

«Мицуй» поставила в Россию 400 000 подсумков[6].

29 августа 1915 года В.К. Самойлов доносил, что русские приёмщики в Японии принимают в среднем в месяц свыше 500 000 ярдов сукна, 300 000 подсумок, 100 000 пар сапог, кроме других приёмок. Находясь в постоянных разъездах между Токио – Осака и Кореей, при самой напряжённой работе, они вполне справляются с делами и с начала года уже приняли один миллион аршин сукна, 190 000 пар сапог, 350 000 подсумок, кроме сёдел и других предметов снабжения. 10% сапог по-прежнему были ниже заявленного качества. Поэтому их приёмщики не приняли, и японские власти обещали усилить контроль над исполнением заказа[7].

13 ноября 1915 года военный агент сообщал, что закончен контракт с фирмой «Окура» на поставку 600 000 пар сапог русского типа по цене 9 иен 50 сен за пару. Все сапоги доставлены во Владивосток[8].

Впоследствии из Японии поступило – за 1916 год и вплоть до февральской революции 1917 года – для армии России защитное сукно – 770 000 пудов; серошинельное сукно – 2 760 000 пудов; а также сапоги – 1 млн пар, 15 000 сёдел для кавалерии, 1 млн патронных подсумок на общую сумму в 20 195 868 руб.[9]

Если посмотреть на место Японии в общем объёме заказов Российской империи, то осенью 1914 года они были распределены по следующим странам:

Англия – 115 млн руб.

Япония – 44 млн руб.

США – 31,5 млн руб.

Франция – 6 млн руб.

Швеция – 0,5 млн руб.[10].

Таким образом, Япония заняла второе место по объёму военных поставок в Россию вооружения, военного снаряжения и стратегических товаров уже в начале войны.

В первом квартале 1915 года военное министерство России заказало в Японии товаров ещё на сумму более 32 млн руб. При этом весьма успешно развивалось сотрудничество военного министерства России с военным министерством Японии.

В августе 1914 года Россия обратилась к Японии с предложением выкупить у Японии русские винтовки, которые достались ей в качестве трофеев войны 1904–1905 годов. Япония продала 35 тысяч винтовок и карабинов.

21 октября 1914 года был подписан контракт на покупку 200 000 винтовок Арисака и 25 млн патронов. Кроме того, военное ведомство России заказало 216 полевых орудий с зарядными ящиками и боевыми комплектами. Этот заказ был выполнен в срок – к августу 1915 года[11].

В марте 1915 года российское правительство обратились к японскому правительству с просьбой уступить из своих запасов 300 000 винтовок с патронами к ним, приняв от России соответственно заказ на изготовление винтовок и патронов для пополнения запаса.

Но так как ранее на японских оружейных заводах разместили заказ на винтовки представители Великобритании, японская сторона отказала в выполнении заказа, сославшись на невозможность одновременно поставить оружие в две страны.

Российские дипломатические службы настаивали на выполнении именно русского заказа и писали 2 апреля 1915 года, что винтовки «…японские спешно нужны нам, чтобы вооружить ими отдельно действующую кавказскую армию, а находящиеся на её вооружении русские винтовки обратить на вооружение частей, формируемых для австро-германского фронта. Благоволите, – извещал посол в Лондоне, – спешно ознакомить лорда Китченера с вышеизложенным и просить его, не согласится ли он, чтобы наша просьба о немедленной уступке японских винтовок и патронов к ним была удовлетворена в первую очередь. Английская же армия получила бы винтовки и патроны к ним по мере их изготовления японскими арсеналами. При медленности производства оружия нашими заводами наше военное ведомство придаёт этому вопросу первостепенное значение», – гласила срочная депеша МИДа России[12].

10 апреля 1915 года МИД России уведомлял посланника в Токио, что ему надо обра-

титься к министру иностранных дел Японии с просьбой о предоставлении русской стороне 300 000 японских винтовок. «Ради этого, – говорилось в депеше, – мы согласны взять на себя расходы по расширению японских арсеналов. Англия согласилась дать нам первенство на 300 000 винтовок из японского запаса и отложить (их) покупку»[13].

9 мая 1915 года посланник в Токио информировал министра: «Маршал Ямагата прислал мне генерала Танака доверительно сообщить, что 7 мая во дворце состоялось совещание пяти фельдмаршалов и военного министра, на котором было решено немедленно нам выдать из военных запасов японской армии 100 000 винтовок с патронами. Решение это одобрено императором. Официальный ответ будет после одобрения решения парламентом»[14].

В сообщении № 169 от 12 мая 1915 года российский посланник в Токио писал в Петроград: «Никата, один из участников фирмы "Таихэ и Кумаи", заезжал доверительно ко мне и сказал, что отпускаемые нам сто тысяч ружей и 20 млн патронов будут проданы через эту фирму и могут быть отправлены партиями в течение месяца или шести недель. Условия продажи ещё не известны»[15].

25 мая 1915 года Япония официально известила МИД о готовности поставить России 100 тысяч винтовок и 20 млн патронов в течение месяца.

В конце лета 1915 года был заключён контракт на поставку ещё 200 тысяч японских винтовок нового образца и 84 млн патронов.

В августе 1915 года также были получены следующие сообщения по линии Военного министерства.

В ответ на запрос начальника инженерного снабжения Западного фронта генерал-майора Вербицкого о цене грелок японской армии он отметил, что с доставкой во Владивосток за одну тысячу грелок цена составит по ручным грелкам – 63 иены. С грелками будут предоставлены 67 пакетов угольных патронов к ним по 10 штук в каждом по цене 18 иен.

Кроме того, японская армия была готова предоставить ножные грелки по цене 149 иен за 1000 грелок и 87 пакетов угольных патронов к каждой тысяче грелок по цене 44 иены.

При немедленном заказе, по мнению военного агента, грелки можно было получить через три месяца – 3 млн ручных грелок и 6 млн пакетов патронов к ним и 300 000 ножных грелок и 600 000 патронов к ним. Кроме того, на японском рынке можно было скупить грелки разных образцов, но дороже, особенно с наступлением холодов. Угольный порошок для патронов получался из древесного угля, обёртка патронов была из обыкновенной японской бумаги[16].

Результатом этой переписки были поставки 1915–1916 гг. в Россию для нужд армии японских ручных грелок с угольным патроном – 1,3 млн и японских ножных грелок – 600 000 штук[17].

13 августа 1915 года В.К. Самойлов докладывал, что заключил контракт с фирмой «Окура» на поставку в течение восьми месяцев, начиная с ноября 1915 года, двадцати пяти тонн сурьмы каждый месяц, всего 200 тонн общей стоимостью 282 000 иен, из которых половина, 141 000 иен, должна быть уплачена в недельный срок в Лондоне под гарантию «Иокогама спейс банк», остальные средства – в недельный срок после каждой отправки по предоставлению грузовых документов. Приемка сурьмы должна была осуществляться военным агентом в Японии.

Фирма «Окура» обещала сдать сто тонн сурьмы с опережением графика – в течение двух месяцев, затем предлагала ещё 200 тонн со сдачей в течение трёх месяцев, уже по увеличенной цене – 1400 иен за тонну. Также фирма «Окура» предлагала, кроме купленных у неё 400 тонн свинца, ещё 48 тонн на тех же условиях[18].

21 августа 1915 года российский посланник в Токио сообщил, что японская фирма предложила продать «…триста русских, двести пятьдесят японских винтовок с патронами, одиннадцать японских пулемётов»[19].

Ещё одна японская фирма, действовавшая в Мукдене (Маньчжурия), предложила русских патронов 678 000 штук по цене 7 иен за 1000, винтовок русских – 710 по

30 иен за штуку, винтовок японских – 11 500 по цене 30 иен за штуку[20].

Список предметов военно-технического имущества, предполагаемого к заказу в Японии 31 августа 1915 года, составлял:

– 19 800 телефонных аппаратов фирмы «Окура»

– 50 тонн алюминия

– 1 300 000 ручных грелок и 6 500 000 патронов к ним

– 6000 самокатов[21]

– 30 моторных лодок[22].

В.К. Самойлов в донесении от 4 сентября 1915 г. информировал военное министерство, что японцы, учитывая бедственное положение русской армии, решили в течение месяца отправить в Россию дополнительно 10 млн снаряжённых ружейных патронов и 20 000 ружей[23].

Речь шла о японских винтовках системы «Арисаки» 30 года Мейдзи (1898 г.). С каждой винтовкой шли 30 медных обойм под 30 патронов в каждой.

Кроме винтовок, было решено продать России старые пулемёты. Цена пулемёта составляла 1100 японских иен, а патрона к ним – 6 иен за сотню. Пулемёты, впрочем, отмечал военный агент, были «изрядно подержанные»[24].

Кроме того, японцы были готовы поставить 10-см пушки (105 мм) образца 38 года (1905 г.).

«Новые артиллерийские системы японских типов, – отмечал Самойлов, – правительство Японии поставлять не захотело. Можно было заказать в Японии по российским чертежам орудия малых и средних калибров с изготовлением и поставкой их в Россию по истечении 6 месяцев после заказа»[25].

5 сентября 1915 года В.К. Самойлов информировал Главное артиллерийское управление Военного министерства России, что заключил с фирмой «Окура» контракт на поставку 150 000 ружей, которые должны были изготовить при получении из Англии «стали разной» 270 000 кг на сумму 426 000 иен. Британцы обещали доставку сырья в течение 6 месяцев. Для изготовления патронов они обещали доставить 400 тонн цинка по 1300 иен за тонну и 448 тонн свинца по 280 иен за тонну, всего на сумму 885 667 иен, считая при том 5237 иен за провоз материалов от арсеналов до парохода[26].

Японцы передали России до конца 1915 года 10 000 пехотных и 10 000 кавалерийских винтовок, затем в начале следующего года – ещё 10 000 пехотных. Патронов без пороха, кроме уступленных России уже англичанами, – 10 млн, ещё 7 млн из числа ранее заказанных англичанами, при условии, что британское правительство согласится на эту переуступку[27].

В донесении от 6 октября 1915 года полковника Подтягина – ревизора, посетившего военную миссию в Токио, говорилось об условиях контракта на отправку в Россию 12 гаубиц и 120 полевых пушек образца 31 года (т.е. японские 75-мм полевые и горные пушки «Арисака» 1898 года, Тип 31), 122-мм гаубицы «Круппа» (также доставлены из Японии. – *Авт.*). С орудиями следовало 300 шрапнельных зарядных ящиков по цене 1008 иен, 20 батарейных повозок ценой 639 иен, 450 комплектов амуниции ценой 774 иены, 450 сёдел кавалерийских – ценой 107 иен.

Общий счёт, выставленный России за поставку артиллерии и связанной с ней амуниции, составил сумму 1 133 910 иен. Цена включала доставку во Владивосток без морского страхования. Сдача артиллерии в Японии военному агенту была запланирована до конца января 1916 года. Половина общего счёта должна была быть оплачена не позднее трёх недель по подписании контракта, остальное – по предъявлении коносамента (договора о погрузке груза на суда для отправки во Владивосток). Платежи должны были быть осуществлены японской валютой в Японии. Контракт должен был быть подписан в ближайшее время уполномоченным на то военным агентом[28].

Но это не удовлетворило все потребности Главного артиллерийского управления. В телеграмме начальника ГАУ генерала А.А. Маниковского от 7 сентября 1915 года военному агенту в Токио было приказано заказать у японского правительства:

«2 млн линейных трёхдюймовых патронов и 3 млн корпусов патронов и гильз.

200 000 винтовок системы 38 года Мейдзи (винтовка Арисака. – *Авт.*) с 1000 патронов на винтовку.

5000 пулемётов.

500 орудий 37-40-мм с боевым комплектом по 10–15 тысяч снарядов на орудие.

Орудия среднего и тяжёлого калибров по 1000 снарядов на орудие, а именно 100 – 122-мм гаубиц, 100 – 152-мм полевых гаубиц, 100 – 152-180-мм пушек, 20 – 203-мм гаубиц, 10 – 305-мм гаубиц.

600 электрических прожекторов 60-90 см калибра.

4 млн пудов колючей проволоки.

20 000 телефонных аппаратов с батареями и запасными частями и полной принадлежностью.

120 000 вёрст провода.

Несколько десятков тысяч пудов жидкого хлора»[29].

В своём ответе 15 октября 1915 года относительно предложенных заказов военный агент в Токио сообщал: «Трёхдюймовые снаряды в готовом виде сдавать (японские казённые заводы. – *Авт.*) не берутся, предлагают готовить следующее количество отдельных частей патронов в следующие сроки: первые 2 млн шрапнелей с февраля 1916 по август 1917 года, три млн по ноябрь 1917 года.

Артиллерийские трубки дистанционные – 2 млн поставки с сентября 1916 по апрель 1917 года и 1 млн дистанционных трубок латунных японского образца с апреля по август 1917 года. Готовы также изготовить капсюльные втулки русского и японского образца. Порох 600 000 боевых зарядов поставить с сентября 1916 по апрель 1917 года, 900 000 боевых зарядов с апреля по декабрь 1917 года. Гильзы для снарядов обещали поставить в то же время.

200 000 винтовок обещают поставить в Россию с июня по сентябрь 1917 года и 200 млн патронов к ним с января по сентябрь 1917 года.

На пулемёты принять заказ на казённых заводах японское военное министерство отказалось, по малокалиберным пушкам осуществлять поставки также отказалось.

По гаубицам согласны производить для России только до 180-мм орудия. 203-мм (8-дюймовых) и 305-мм (12-дюймовых) изготовить не берутся, предлагают отпустить нам (из японского арсенала. – *Авт.*) пять 203-мм гаубиц. Из них три бывших под Циндао (германская крепость в Китае, взята штурмом японской армией и флотом в ноябре 1914 г.) и требующих ремонта, а также два новых орудия. По прожекторам не готовы сразу дать ответ, колючую проволоку, телефоны, хлор поставят в требуемом количестве»[30].

Тем временем заболевшего генерала Самойлова заменил в Токио военный агент в Китае Морель.

В октябре 1915 года стало известно, что Токио предлагает поставлять полевые переносные аппараты японского казённого образца в числе 20 000 по 75 иен за аппарат. Эта цена включала в себя и перевоз, и сдачу товара во Владивостоке. Кроме этого, были предложены японские полевые телефонные провода в количестве 13 500 вёрст. Поставки должны были растянуться на восемь месяцев, а цена составляла 35 иен за полверсты телефонного провода, также включая его доставку во Владивосток.

Контракт предусматривал по требованию японской стороны уплату половины контрактовой цены при подписании контракта под гарантии банка, остальное при осмотре каждой партии. Телефонный провод должен был состоять из семи стальных проволок, окружающих одну медную, покрытую оловом с изоляцией из вулканизированной резины, обёрнутой слоем изолирующей бумаги, плотно обтянутой ниткой, пропитанной предохраняющим составом. Диаметр кабеля – 2,8 мм, его длина – полверсты (около 500 м). На каждом конце провода должны были быть приспособления для соединения[31].

По сообщению военного агента из Токио от 1 ноября 1915 года, фирма «Тисаки» брала на себя обязательства доставить в Россию следующие предметы в килограммах по цене за 1 кг: «Карболовая кислота 14 000 по 10 иен; хлорагидрат 150 по 19 иен; кодеин 10 кг по 514 иен; сулема 1000 кг по 9 иен; каломель 1000 кг по 9 иен; металлическая ртуть 1137 по 6 иен; бромистый калий 2560 по 19 иен; анисовое масло 150 по 4 иены; са-

лол 1500 по 49 иен; уротропин 100 по 6 иен; лимонная кислота 6000 по 3 иены; окись ртути – 10 кг по 12 иен; дубильнокислый альбумин 2 кг по 13 иен; камфора 1880 кг по 1 иене; коффкин 300 кг по 53 иены; формалин 9670 кг по 1 иене; йод 2750 кг по 17 094 иены; бромистый калий 2560 кг по 14 058 иен; бертолиевую соль 1800 кг по 2 иены; 6000 кг йодистого калия по 16 055; хлористого калия 475 кг по 77 иен»[32].

В сообщении военного агента от 10 ноября 1915 года говорилось, что из 84 млн патронов, которые обязалось поставить в Россию японское военное министерство, до конца года будет отпущено всего 20 млн, из которых 10 млн, обещанных генералом Ока из числа готовых, в сентябре-ноябре 1915 года уже отправлены во Владивосток. 10 млн патронов были отправлены из Японии на пароходах «Тула» – 2 100 тыс. 21 сентября, «Ява» – три млн 13 октября, «Томск» – 2 100 тыс. 19 октября, «Колыма» – 1,5 млн 23 октября, «Тула» – 1 300 тыс. 2 ноября[33].

30 декабря 1915 года военный агент из Токио уведомлял, что по текущим контрактам поставлено для России заводом «Митани» – 481 тонна латуни; «Сумитомо» – 133 тонны латуни. Военным министерством Японии поставлено в Россию 62 000 гранат, 298 000 шрапнелей, 480 000 гильз, 10 000 винтовок «Арисака» и 10 млн патронов к ним, 85 000 снарядов, 8400 шрапнелей для полевой трехдюймовой пушки, 8773 пудов пороха бездымного, 900 тонн меди, 200 тонн цинка, 3052 пуда сурьмы[34].

Более скромными были поставки военного снаряжения из Китая. Вместе с тем Китай становился главной страной, поставлявшей в Россию трудовые ресурсы.

31 августа 1915 года в секретной телеграмме посланника в Пекине В.Н. Крупенского говорилось, что есть возможность набрать до 1000 железнодорожных и механических мастеровых в Тяньцзине, до 2000 рабочих по металлу в Шанхае и значительное число чернорабочих в этих пунктах и Чифу. Кроме того, рабочих-китайцев для российских заводов может предоставить также Гонконг, где имелось немало заводов и мастерских, сокративших из-за войны производство[35].

В депеше от 21 августа 1915 года посланник в Пекине писал, что прибывший из Шанхая компаньон предпринимателя Побержанского некто А.С. Леонов, ссылаясь на трудности покупки у китайцев маузеровских ружей при предложенном Фейнштейном способе уплаты денег через русско-английский банк, не имевший своего представителя в Шанхае, предлагал совместно с Побержанским следующие условия означенной покупки: первая очередь, состоящая из 8000 винтовок и 4 млн патронов, вторая и третья очереди, по 16 000 винтовок и по 8 млн патронов, принимались и погружались на корабли в Шанхае и отправлялись оттуда во Владивосток. Цена их до фрахта составляла бы 136 шиллингов за винтовку с 150 патронами.

Оплата производилась А.С. Леонову после приёмки оружия на пароходе в Шанхае и передачи его приёмщикам морского страхового полиса[36].

А.С. Леонов предлагал также военному министерству России поставить 2000 револьверов Браунинг с 200 000 патронов (по цене 132 шиллинга за револьвер с сотней патронов) и 400 000 патронов к этим револьверам с доставкой оружия во Владивосток. Кроме того, он обещал вывезти из Китая в Россию медь в сплаве со свинцом в количестве 110 тонн, а также 50 000 полушубков форменных по цене два с половиной доллара за экземпляр.

Приёмка меди, полушубков и папах предполагалась в Пекине. Уплата денег осуществлялась казной при предъявлении документов о приёмке и отправке товара. Также А.С. Леонов предлагал литые колёса для разного типа повозок[37].

Торговый дом «Гомбоев и К» в Пекине предложил российской казне в августе 1915 года 500 тонн антимонита (от лат. Antimonium «сурьма») или стибни́т – минерал химического состава Sb_2S_3 (сульфид сурьмы) по цене 990 долларов за тонну. Сурьму надо было принимать в Ханькоу с уплатой там же цены по предъявлении документов о погрузке. Кроме того, «Гомбоев и К» предложил медь в сплаве со свинцом не менее 70% по цене 9 руб. за пуд. Приём меди надо было осуществлять в Пекине с уплатой там же покупной цены[38].

6 сентября 1915 года в Санкт-Петербург из Бангкока поступило предложение о поставках повозок, ящиков, колёс, мостов, деревянных и металлических изделий. Однако 12 сентября 1915 года российские военные власти уведомили военного агента в Пекине Мореля, что обозное имущество не нужно. Все подобные вещи обещал изготовить непосредственно в России «Земгор»[39].

17 сентября 1915 года помощник военного министра России сообщал военному агенту в Пекине, что 4-й политический отдел МИД России передал в Главное управление Генерального штаба переписку консула в Ханькоу по вопросу военных поставок в Россию разных предметов французскими торговыми домами в Индокитае[40].

Так, работающий в Ханькоу французский гражданский инженер Альфред Госсэн предложил поставить в Россию из французского Индокитая (Вьетнам, Лаос, Кампучия) цемент. Российский внештатный консул в Хайфэне Юстович поддержал это предложение. Поэтому военному агенту рекомендовалось выяснить условия сделки и заключить контракт[41].

Военно-промышленный комитет на заседании 7 октября 1915 года отметил доставку в Россию 1000 тонн свинца, прибывшего из Сиднея во Владивосток 16 мая 1915 года на пароходе «Санки албан».

Свинец был распределён следующим образом:

– 450 тонн отгружено товариществу Кольчугина в Москве;

– 100 тонн – акционерному обществу «Гергард и Гей», отправившему его на свой тульский чугуноплавильный комбинат;

– 300 тонн передано Петроградскому механическому и литейному заводу;

– 150 тонн – товариществу «Ушков и К» в Новгороде[42].

28 сентября 1915 года Военно-промышленный комитет отмечал, что 30 тонн меди из Мельбурна находятся на складе во Владивостоке, и надо отправить цветной металл на завод в Петроград, в Пущино[43].

Военный агент в Пекине 2 ноября 1915 года писал военному министру: «Французский военный агент сообщил мне нижеследующее – французское правительство, намереваясь использовать Сайгонский морской арсенал в целях изготовления снарядов, командировало туда главного инженера брестского арсенала Бертрана, специализировавшегося в вопросах о приспособлении фабрик и заводов к выделке боевых припасов. По заключению названного Бертрана, сайгонский арсенал в два месяца может быть приспособлен к изготовлению корпусов 75-мм снарядов, до 30 000 в месяц. Ввиду большего удобства использования сайгонского арсенала Россией, чем Францией, французское правительство дало принципиальное согласие на изготовление на этом арсенале наших трёхдюймовых (76-мм) шрапнелей.

По заключению того же Бертрана, английские механические заводы в Гонконге и Сингапуре также могут быть приспособлены к изготовлению упомянутых шрапнелей и, кроме того, к окончательной отделке снарядов более крупного калибра, изготовляемого для нас Японией. По поводу возможности осуществления этого предложения английский военный агент высказал мнение, что в техническом отношении оно представляется осуществимым, о чём им будет доложено английскому послу и о результате сообщено мне»[44].

В телеграмме посланника в Пекине от 18 ноября 1915 года говорилось, что поступило предложение на поставку в Россию 100 000 винтовок Маузер образца 1888 г. с 250 патронами на винтовку по цене 37 таэлей за винтовку и пять таэлей за 100 патронов. При этом окончательная оплата должна была осуществляться через «Индокитайский банк» в Пекине при условии приёмки груза во Владивостоке. 90% суммы вносилось на депозит банка до начала операции и 10% – после прибытия винтовок во Владивосток. Винтовки отправляло китайское правительство со своего Тяньцзинского арсенала[45].

Военный агент в Китае подполковник Блонский 1 декабря 1915 года сообщал, что может отправить в Россию 132 тонны металлического лома в слитках по цене 202 фунта стерлингов за тонну со сдачей в Гонконге для перевозки во Владивосток. Кроме того, через непродолжительное время он мог направить в Россию ещё 500 тонн на тех же условиях.

Военный агент отмечал, что железная руда в Китае быстро скупается японцами и необходимо дать ответ китайским предпринимателям, приемлемы ли их условия[46].

Торговый дом Панова в Ханькоу 4 декабря 1915 года уведомлял российского посланника в Пекине, что в настоящее время может отгрузить в Россию 6500 тонн цинковой и свинцовой руды, а также приобрести в Ханькоу 1200 тонн цинковой и 1800 тонн свинцовой руды. Ту и другую по цене 12 фунтов стерлингов и 10 шиллингов за тонну продать российской казне со сдачей в Ханькоу. Кроме того, представитель торгового дома Панова уведомлял российских дипломатов, что его фирмой на рудниках в провинции Хунань добыто ещё 8000 тонн цинковой и 12 000 тонн свинцовой руды[47].

Итак, как свидетельствуют архивные документы, в годы Первой мировой войны основным поставщиком вооружения и материалов из Азиатско-Тихоокеанского региона в Россию была Япония.

В целом мы можем констатировать, что поставки в Россию дали серьёзный толчок развитию военной промышленности Японии.

Во вторую очередь поставки в Россию производились из Китая, французского Индокитая и британского доминиона – Австралии. Эти страны поставляли в Россию прежде всего стратегическое сырье и в меньшей степени вооружение.

Примечания

[1] Япония в годы Первой мировой войны. Оборонительный союз с Россией // Российское историческое общество. 15 января 2019. Режим доступа: https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/ yaponiya-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny-oboronitel-nyj-soyuz-s-rossiej.html (время обращения 23.10.2021).

[2] Трагедия русской тяжелой артиллерии. С чем отечественная армия воевала в Первую мировую войну [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 05.04.2019. Режим доступа: https://nvo.ng.ru/history/2019-04-05/12_1040_tragedy.html (время обращения 22.10.2021)

[3] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. МИД Канцелярия. Война. Д. 73. Заказы Дальний Восток. Л. 13.

[4] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Телеграммы из Японии. Л. 1.

[5] Там же. Л. 9.

[6] Там же. Л. 11.

[7] Там же. Л. 41.

[8] Там же. Л. 201.

[9] РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 157.

[10] РГВИА. Ф. 369. Оп. 10. Д. 2. Л. 4–6.

[11] АВПРИ. Ф. МИД Канцелярия. Война. Д. 73. Заказы Дальний Восток. Л. 1.

[12] АВПРИ. Ф. МИД Канцелярия. Война. Оп. 473. Д. 64. Заказы Англия. Л. 19.

[13] АВПРИ. Ф. МИД Канцелярия. Война. Д. 73. Заказы Дальний Восток. Л. 21.

[14] Там же. Л. 28.

[15] Там же. Л. 30.

[16] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Телеграммы из Японии. Л. 24.

[17] РГВИА. Ф. 369. Оп. 11. Д. 1. Л. 82–83.

[18] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Телеграммы из Японии. Л. 28.

[19] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 84. Телеграммы из Китая. Л. 6.

[20] Там же. Л. 7.

[21] РГВИА. Ф. 369. Оп.1. Д. 85. Заграничные заказы. Л. 4.

[22] Там же. Л. 5.

[23] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Телеграммы из Японии. Л. 2.

[24] Там же. Л. 3.

[25] Там же. Л. 4.

[26] Там же. Л. 47.

[27] Там же. Л. 52.

[28] Там же. Л. 67.

[29] Там же. Л. 79.

[30] Там же. Л. 190.

[31] Там же. Л. 108.

[32] Там же. Л. 115.

[33] Там же. Л. 132.

[34] Там же. Л. 275.

[35] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 84. Телеграммы из Китая. Л. 4.

[36] Там же. Л. 12.

[37] Там же. Л. 13.

[38] Там же. Л. 14.

[39] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 78. Л. 120.

[40] Там же. Л. 118.

[41] Там же. Л. 119.

[42] Там же. Л. 195.

[43] Там же. Л. 197.

[44] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 79. Телеграммы из Японии. Л. 117.

[45] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 84. Телеграммы из Китая. Л. 20.

[46] Там же. Л. 24.

[47] Там же. Л. 28.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-66-70

Ю.Н. Тихонов

СОВЕТСКО-АФГАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ИЗ-ЗА БУХАРЫ. 1921 г.

История международных отношений в Центральной Азии в период Гражданской войны и басмаческого движения в Средней Азии в нашей стране долгое время изучалась без учёта попыток Хорезмской народной советской республики (ХНСР) и Бухарской народной советской республики (БНСР) наладить дипломатические отношения с соседними странами, прежде всего с Афганистаном. Особенно большие надежды на сотрудничество с этим государством возлагало руководство БНСР, стремившееся ослабить советский контроль над Бухарой. В свою очередь, афганский эмир Аманулла-хан[1] имел большие планы по расширению своего влияния на среднеазиатские ханства и Туркестан. Советско-афганские противоречия из-за Бухары являются не только важной частью региональной дипломатической истории, но и составной частью «Большой игры» на Среднем Востоке.

28 февраля 1921 года в Москве был подписан первый «Договор о дружбе» между Советской Россией и Афганистаном. Однако после его заключения наступил длительный период его ратификации афганским правительством, в котором имелись влиятельные противники курса на установление дружественных отношений с большевиками. К началу августа 1921 года договор ещё не был обсуждён и одобрен эмирским советом или Лоя джиргой[2], что свидетельствовало об острой политической борьбе, развернувшейся вокруг него[3].

Одним из главных козырей противников ратификации «Договора о дружбе» был «бухарский вопрос». Бутафорская «революция» 1920 года в Бухаре, осуществлённая при прямой поддержке частей Красной Армии, означала для Амануллы-хана крах его планов превратить Бухарский эмират в фактического вассала Афганистана. Долгое время в Кабуле не могли с этим смириться, требуя от советского правительства соблюдения независимости БНСР и одновременно принимая все явные и тайные меры для укрепления афганского влияния на её руководство. В этой ситуации весной-летом 1921 года переговоры о заключении нового афгано-бухарского договора были использованы афганским правительством для оказания давления на советских партнёров.

Публикуемое ниже письмо заведующего представительством НКИД в Ташкенте Владимира Моисеевича Цукермана[44] советскому полпреду в Бухаре Константину Константиновичу Юреневу[55] проливает свет на многие хитросплетения советско-афганских отношений и сложную внутреннюю обстановку в БСНР в августе. Предельно сжато и часто без дипломатических формулировок Цукерман сообщил в нём о попытках афганского правительства с помощью переговоров с бухарцами реанимировать «военную программу» с целью ослабления позиций Красной Армии в приграничных с Афганистаном районах. Он не мог не затронуть и наиболее злободневные на тот момент вопросы политической ситуации в Бухаре.

Из откровений главы ташкентского представительства НКИД особенно ценным, на наш взгляд, является признание того факта, что с целью свержения бухарского эмира большевики пошли на союз с крупной буржуазией, а не крестьянством и рабочим классом, как того требовали марксистские идеологические установки…

Текст документа публикуется с учётом требований современной орфографии. Очевидные опечатки исправлены без комментариев. В квадратных скобках приводятся пропущенные слова.

В.М. Цукерман – К.К. Юреневу[6]
3.VIII.1921 г.

Уважаемый товарищ,

Итак, афганским правительством развернута широкая программа возвращения Буха-

ры в исламистское лоно афганской государственности. До сих пор нам не известно, ратифицирован ли наш договор с Афганистаном, вероятнее всего, нет. В этом случае афганские требования в бухарском вопросе, формулированные афганским проектом договора, по существу направлены против русско-афганского договора и выдвинуты, главным образом, сейчас, как аргумент против подписания, и весь смысл афгано-бухарских переговоров сводится к нажиму на Сурица в Кабуле. Афганцы понимают неприемлемость некоторых военных пунктов и выдвинули их с определённой целью срыва нашего соглашения. Неувод русских войск [из Бухары] – это основной аргумент в руках Абдул Хади Хана[7] и Махмуда Тарзи[8], сейчас настойчиво интерпретируется, как противоречие с провозглашённой нами независимостью Бухары, и очевидно на этих военных пунктах афганцы будут играть в Кабуле. Кабул интересуется афгано-бухарским договором, поскольку сопротивление в некоторых пунктах бухарцев обнаружит зависимость последних от России, а это и требуется доказать. Бухарские поправки к афганскому проекту[9] будут использованы в кабульской полемике по поводу русско-афганского договора, и в частности его статьи восьмой[10]. Таким образом, основной редакцией явится афганская, и потому по поводу Вашей …[11] разрешите только несколько слов. Введение и статья первая требует редакционной поправки. Статью третью, мне кажется, следует исключить ввиду самоочевидности устанавлиемого ею положения. Из статьи четвёртой следует исключить «таможенную практику», так как в своей таможенной политике Бухара, в силу статьи шестой союзного договора[12], связана подчинением бухарской границы единому таможенному аппарату РСФСР. Статью десятую лучше формулировать в том смысле, что договаривающиеся государства с подписанием договора вступают между собой в правильные дипломатические и консульские сношения. Как я уже писал, считал бы необходимым включение конкретной статьи о взаимном установлении консульских учреждений. Статья пятая даёт основания бухарскому требованию на учреждение своих консульств в Кандагаре и Газни, то есть там, где, вероятнее всего, мы не будем иметь своих агентов[13]. Гопнер[14] скептически отнёсся к моей мысли об афгано-бухарской консульской конвенции, по которой удалось бы нам себя компенсировать в вопросе о Кандагаре и Газни. Товарищ Чичерин[15] ещё ничего не сообщил по этому поводу, а эта конкретная статья экономически может быть бухарцами направлена и против нас, ввиду московского соглашения о торговых сношения Бухары со среднеазиатскими рынками. Поэтому с этой конкретной статьёй нужно быть осторожней. В дальнейшем ориентироваться придётся на афганскую редакцию, но всё же Бухара должна будет послать и свою редакцию. Жду от Вас сведений насчёт афганского проекта.

Разрешите немного о бухарских делах. Последний министерский кризис в Бухаре серьёзен только своей симптоматичностью развала, царящего в правительстве страны, положение которой требует сильного правительства национальной обороны. Накануне первого курултая[16], в момент обострения гражданской войны в Восточной Бухаре, где усиливается клерикальная и эмирская контрреволюция, словом в Бухаре, где советская власть не распространяется дальше городских стен, правительственные группы играются в кризис, швыряются отставками и говорят о разногласиях. Ведь нельзя же серьёзно говорить о разногласиях по вопросу о форме экономических сношений с Западом, когда это вопрос экономического соглашения, кстати, уже разрешённый в Москве, ибо здесь в случае действительно серьёзных разногласий неминуем был бы глубокий кризис с уходом из правительства несогласной группы. Также нельзя назвать разногласиями споры насчет ёмкости советского аппарата. Нужно прекратить эту игру и прямо сказать, какого парламентского стиля эта игра. Конечно, сейчас нельзя говорить о коренных изменениях в правительстве, когда единственно кристаллизованной общественной силой в стране является крупная торговая буржуазия, спекулирующая своей формальной принадлежностью к коммунистической партии. Конечно, их некем заменить, и более

того – сейчас даже при наличии других общественных сил пришлось бы ввиду общей конъюнктуры, и специально русско-афганской, остаться при данной правительственной комбинации, но сейчас что-то следует сделать. Вы уже ориентировались в бухарских делах, и Вам легче нащупать фактическую обстановку и рациональные методы вмешательства. Здесь это трудно – за последнее время были развиты несколько точек зрения по бухарскому вопросу, и все они как бы ложатся вне реальной линии бухарской истории. Было бы чрезвычайно важно получить от Вас соображения насчёт возможности внесения поправок в правительственную ситуацию. **Не думаете ли Вы, что дипломатическая дружба сразу с двумя группами[17] в сущности означает отказ от русского влияния и обрекает русское посольство на позиции чистого пацифизма**? Словом, как-то вмешаться в эту преступную склоку следует, но как – Вам виднее, и здесь Вы авторитетнее.

Не считали бы Вы целесообразным формальный нажим в **форме специального запроса Исполкома Коминтерна** насчёт характера и происхождения разногласий в единственном коммунистическом мусульманском правительстве на Среднем Востоке? Есть все основания заинтересоваться тактическими или принципиальными расхождениями правящей коммунистической партии Бухары. Это дало бы ясность в постановке вопроса о расхождениях, о кризисе и так далее. Это заставило бы вождей, за которыми массы не идут – массы ещё не вылупились из оболочки патриархальных отношений и клерикальной психологии – вспомнить об обязательствах, налагаемых дисциплиной коммунистической партии, и вместе с тем это стимулировало бы партийную общественность, какая она там ни есть, решительней взяться за ликвидацию внутрипартийной склоки. Только в интересах ясности вопроса о власти был бы запрос Коминтерна. Я не думаю, чтобы победа одной из групп дала бы отрицательный результат усиления левой кучки. Практически, такая победа означала бы эмансипацию нашего посольства от одной из групп в пользу другой на основе её кооперации с другими общественными элементами. Я не ставлю сейчас вопрос о том, в какую сторону нужно направить наше размежевание – для этого нужно больше знать общественную дифференциацию Бухары. Но, так или иначе, этот процесс отмежевания, вероятно, уже сейчас можно было бы наметить. Бояться компрометирующего эффекта такой линии не следует, ибо настоящее положение, при котором действительно реальной силой в стране является русская «оккупационная» армия, достаточно «компрометирующе»[18].

От нас требуется активность, осуществляющая русское влияние в пользу действительно национально-демократического правительства – против правительства грызущих друг друга купцов. Поскольку для мусульман и всех «заинтересованных» иностранцев[19] факт нахождения русских войск на территории Бухары рассматривается, как вторжение русских войск в исламскую страну, – постольку не вредны никакие фактические нажимы на внутреннюю политику Бухары. Их отрицательное значение слабее первого факта, и потому лучше установить ясность в русско-бухарских и внутрибухарских отношениях, хотя бы это сопровождалось формальным вмешательством.

К сожалению, время не позволяет мне коснуться и военного вопроса. Постараюсь это сделать в следующий раз. Ждем от Вас освещения предсъездовской кампании. Позвольте и мне выразить Вам соболезнование – на Вас сразу упали две вещи: малярия и курултай.

С коммунистическим приветом

Цукерман

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 122. Оп. 2. Д. 67. Л. 160–165. Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

Примечания

[1] Аманулла-хан (1892–1960) – эмир (с 1926 г. король) Афганистана в 1919–1929 гг. Провозгласил независимость своей страны от Англии. За-

ключил с Советской Россией договор о дружбе. Провёл ряд прогрессивных реформ, которые вызвали сопротивление как реакционных сил, так и простого населения, которое страдало от налогового гнёта. В условиях нараставшего кризиса в стране пытался удержаться у власти при военной помощи СССР. В январе 1929 г. был вынужден отречься от престола из-за мощного восстания в стране. Эмигрировал в Италию. В течение многих лет активно стремился с помощью иностранных держав вернуть себе власть в Афганистане. Осознав своё поражение в борьбе с династией Яхья-хель, в 1949 г. официально примирился с афганским королем Захир-шахом. Умер 26 апреля 1960 г. в Швейцарии.

[2] Лоя Джирга (Большая джирга) – собрание самых влиятельных в государстве людей, включая представителей племенной верхушки и лидеров мусульманского духовенства, в Афганистане. Созывалась для решения наиболее важных вопросов внутренней и внешней политики.

[3] О политической обстановке летом 1921 г. в Кабуле см. подробнее: *Хейфец А.Н.* Советская дипломатия и народы Востока. 1921–1927. М., 1968; *Теплинский Л.Б.* История советско-афганских отношений. М., 1988; *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М., 1998; *Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век. М., 2004.

[4] Цукерман Владимир Моисеевич (1891–1937) – советский дипломат. С 1919 г. сотрудник полпредства в Бухарском ханстве. С августа 1920 г. – исполняющий обязанности полпреда в Бухаре. В 1921–1922 гг. – зав. Отделом внешних сношений НКИД в Ташкенте. 1922-1931 гг. – зав. Отделом Среднего Востока НКИД. До 1937 г. – зав. Первого Восточного отдела НКИД. Репрессирован.

[5] Юренев Константин Константинович (наст. фамилия Кротовский) (1888–1938) – советский военный деятель и дипломат. Член ВКП(б) с 1917 г. 1917 г. – член Исполкома Петросовета и Петроградского ВРК. 1919 г. – член коллегии Наркомата по военным делам Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии, председатель Всероссийского бюро военных комиссаров. В 1919–1920 гг. – член РВС Восточного и Западного фронтов. 1921 г. – полпред в Бухаре. В 1922–1937 гг. полпред СССР в Латвии (1922–1923), в Чехословакии (1923–1924), Италии (1924–1925), в Иране (1925–1927), Австрии (1927–1933), Японии (1933–1937) и Германии (1937). Репрессирован.

[6] В верхней части документа секретарём представительства НКИД в Средней Азии (Отдела внешних сношений) Раскиным написано карандашом «2 копии. 4.VIII. Раскин», «В дело. 16. VIII. Раскин», имеется прямоугольный штамп для входящих секретных документов. По правому полю для рассылки сделана рукописная пометка «т. Томскому». М.П. Томский (наст. фам. Ефремов) (1880–1936) в 1921 г. был председателем Туркомиссии ВЦИК и СНК.

[7] Хади, Абдул (Абдул Хади Дави) (1894–1982) – афганский дипломат и государственный деятель. 1919 г. – член афганской делегации на мирных переговорах в Равалпинди; помощник министра иностранных дел по вопросам отношений с Индией. 1920 г. – участник конференции в Массури, затем был назначен консулом в Кушку, а вскоре и афганским послом в Бухару. 1922–1924 гг. – посол в Англии. С 1924 г. был министром торговли. В гражданской войне 1928–1929 гг. поддержал Амануллу-хана и вместе с ним покинул Афганистан. В 1929 г. после прихода к власти Надир-шаха вернулся на родину. 1931 г. – посол в Германии. 1933–1946 гг. – отбывал тюремное заключение в Кабуле. С 1949 г. – начальник королевского секретариата Захир-шаха. В 1959–1966 гг. – афганский посол в Египте и Индонезии. 1966-1973 гг. – сенатор и президент сената.

[8] Тарзи, Махмуд (1866–1935) – афганский министр иностранных дел в 1919–1921 и 1924–1927 гг. С 1922 г. – посол во Франции. Идеолог младоафганского движения. Тесть Амануллы-хана. В 1929 г. эмигрировал из Афганистана вместе с Амануллой.

[9] Документ не публикуется.

[10] Статья 8 советско-афганского «Договора о дружбе» 1921 г. гласила: «Высокие договаривающиеся стороны соглашаются на действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая форма правления там ни существовала бы согласно желанию их народов». Советская сторона изображала волей народа «революцию» 1920 г., а афганское правительство сочувствовало басмаческому движению. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 553.

[11] В документе пропущена фраза.

[12] Союзный договор между РСФСР и БНСР был заключён 4 марта 1921 г. Текст договора см.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. М., 1924. Вып. 1 (Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1924 г.). С. 42-46.

[13] Статья 5 «Договора о дружбе» 1921 г. предусматривала открытие в Афганистане советских консульств в городах Герате, Меймене, Мазар-и-Шарифе, Кандагаре и Газни. Хотя договор был подписан афганскими представителями в Москве, руководство НКИД, включая Цукермана, понимало, что Аманулла-хан не разрешит РСФСР иметь свои представительства в приграничных с Британской Индией провинциях Афганистана. По иронии судьбы именно в тот день, когда Цукерман написал своё письмо, афганский эмир в Пагмане убедил полпредов Я.З. Сурица и Ф.Ф. Раскольникова отказаться от открытия консульств в Южном Афганистане. Цукерман предлагал в качестве компенсации Советской России открыть в Газни и Кандагаре консульства БНСР, которые можно было использовать для антибританской деятельности.

[14] Гопнер Давид Юльевич (1884–1925) – в 1920–1921 гг. уполномоченный НКИД в Туркестане. В ноябре-декабре 1921 г. – советник советского полпредства в Иране. По причине плохого здоровья был уволен из НКИД. В 1924–1925 гг. – заместитель наркома юстиции и прокурор Туркменской ССР.

[15] Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – советский государственный деятель и дипломат. Участвовал в подписании Брестского мира в 1918 г. и «восточных договоров» 1921 г. с Ираном, Афганистаном и Турцией. В 1918–1930 гг. был наркомом иностранных дел РСФСР и СССР. Участник Первого конгресса Коминтерна. Однако благодаря его противодействию многие авантюры Коминтерна в странах Востока были свернуты. 1922 г. – возглавлял советскую делегацию на Генуэзской конференции. 1925–1930 гг. – член ЦК ВКП (б). Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 г. на пенсии.

[16] Курултай – общее собрание, съезд у тюркских народов. В данном случае речь идёт о Втором Всебухарском съезде (курултае) советов, прошедшем 18–23 сентября 1921 г. Цукерман допустил в письме ошибку – Первый курултай в Бухаре прошёл в начале октября 1920 г. // История Узбекской ССР. Т. 3. М., 1967. С. 286.

[17] В бухарской компартии имелось три фракции: «левые», требовавшие «бухарского октября»; «центристы», выступавшие за умеренные реформы, а также «правые», хотевшие фактически сохранения старых порядков в БНСР. Последняя группировка действовала тайно, поэтому Юренев поддерживал контакты с левыми и центристами. Из этих двух группировок советский полпред тесно сотрудничал с представителями центристов.

[18] Пребывание частей Красной Армии в БСНР было узаконено особым соглашением между РСФСР и БНСР уже в ноябре 1920 г., но этот и другие дипломатические документы не меняли сути дела. О чём и пишет Цукерман.

[19] Видимо, речь идёт об афганцах.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-71-75

А.В. Рягузова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИЙСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В РОССИИ В 1921 ГОДУ

В отечественной историографии изучению деятельности Коминтерна (КИ, III Интернационал) в странах Центральной Азии всегда уделялось особое внимание[1]. «Восточное направление» политики КИ было связано с подготовкой и организацией революции на Востоке. По этой причине Коминтерн направил в Ташкент индийского националиста Манабендра Натх Роя[2] для создания «революционной базы» в Туркестане. Рой сумел объединить вокруг себя часть индийских эмигрантов, занимался пропагандой и агитацией, но его методы работы не удовлетворили многих индийских революционеров в Туркестане и Бухаре, в частности, членов Индийской революционной ассоциации. В связи с этим Рой фактически провалил поручение КИ.

Однако главной причиной свёртывания деятельности КИ в Ташкенте стало советско-английское торговое соглашение 1921 года, при заключении которого Советская Россия была вынуждены взять на себя обязательства прекратить свою антибританскую деятельность на подступах к Азии.

Публикуемый ниже документ относится к периоду ликвидации «индусской работы» в Ташкенте. В телеграммах своему заместителю Абани Мукерджи[3] Рой разъясняет дальнейшие направления работы и просит написать Г.И. Сафарову[4], чтобы план работы не утверждали до его приезда.

В тексте документов очевидные опечатки исправлены без комментариев. В квадратных скобках раскрыты сокращения и приводятся пропущенные слова. Телеграммы Роя опубликованы в соответствии с современными нормами орфографии.

Документ № 1
Телеграмма М.Н. Роя. 24.04.[1921 года]

Туркомиссия
Сафарову копия
Петерсу копия
Индревком Мукерджи

Я [Манабендра Натх Рой] выеду [в] Ташкент 28, чтобы согласно решения Малого Бюро изменить форму и переменить место индусской работы. Туркбюро[5] Коминтерна продолжает своё существование с Рудзутаком[6] [в] качестве председателя, ему предоставлено право вести всю работу бюро и, если нужно, перевести её [в] другое место. Новый Индревком не будет создан до III конгресса [КИ]. Абдур Раб[7] и Ачария[8] остаются здесь ждать окончательного решения. Мукерджи сообщает мне, что вы просили у него определённый план индработы. [С] самого начала я имел определённый план и работал согласно его. Мукерджи сообщит вам основные линии. Но я прошу не принимать решительных действий до моего приезда. В Ташкенте мы вынуждены были работать [с] сомнительными людьми, и возможно, что были сделаны ошибки. Теперь, когда необходимость [в] чистке признана, мы надеемся достигнуть более существенных результатов. Мухаммед Али[9] достоин всякого доверия, я прошу при доказательстве обратного исходить не из лишних предубеждений, но из фактов. Икбал[10] заведомый националист, я имею достаточные доказательства его связи с видными вождями в Индии. Заявление, что его группа приехала в Туркестан, чтобы шпионить для афганского правительства, не может быть доказано. Суриц[11] дал им паспорта [и] рекомендательные

письма даже к Ленину. Благодаря [этому], чтобы окончательно укрепить положение, Гольдберг[12] выехал 14-го [марта?]. Он сообщит о положении. Гопнер[13] будет отозван нами из Ташкента[14]. Раскольников[15], который хорошо ко мне [относится], будет вместо Сурица.

Документ № 2
Ответная телеграмма М.Н. Роя А. Мукерджи

Ответ

Мне нужно сделать здесь ещё много для того, чтобы в корне изгнать хаос [в] Туркестане. Я должен был выехать сегодня, но это было невозможно. В следующий четверг выезжаю непременно. Но тем временем я пошлю телеграмму Сафарову и Петерсу[16], чтобы ничего не было решено до моего приезда. Конечно, пошлю Вам. Я приеду с правами достаточными. Поговорите с Раскольниковым, который выехал 16-го [марта?]. Я обрисовал ему положение перед его отъездом, мы могли на него рассчитывать, я знаю, что Вы не…[17] приятном положении, но здесь необходимо сделать определённую работу. Я скоро приеду, помогу Вам. Все ваши телеграммы получены, …действия были приняты, должны действовать осторожно[18].

1) с нашим делом покончено, Абдур Раб обратно не едет, подробности в письме. 2) не выводите таких серьёзных обвинений в… когда у вас нет доказательств. 3) телеграмма Штейнхардта[19] получена и использована. 4) не посылайте никого в Афганистан, пока я не приеду и им не дам знать. 5) не посылайте предполагаемой телеграммы Ленину и исполкому по поводу Абдур Раба и его панисламизма[20], лучше не обращайтесь прямо к кому бы то ни было тут. 6) не уезжайте из Ташкента, пока не получите инструкцию отсюда. Я скоро приеду, дело решается в нашу пользу. Нужно иметь терпение, так наших парней мы скоро отправим обратно, включая Абдул… Сафаров возвращается завтра, он очень много нам помог, о Гопнере позаботился. Спокойной ночи[21].

Пусть читают внимательно инструкции, только что переданы по аппарату, пусть не волнуются. …пусть не верит Шульману[22]. Симину[23] обязательно пусть подождет инструкций от меня. Всё обстоит благополучно, скоро приеду, ещё раз спокойной ночи[24].

Документ № 3
Телеграмма М.Н. Роя А. Мукерджи. 13.04.[1921?]

13.IV

1) Я хочу знать подробности о Абдул Рабе и Ачарии.

2) Также о Берлинской комиссии[25] и Чатто[26].

3) Когда ты приедешь, скажи определённо.

4) Сафаров, Петерс и Рудзутак очень внимательны к нам, но они не примут никаких решений, пока ты приедешь или они получат директивы от Исполкома Коминтерна.

5) Как дела с Туркбюро Коминтерна?

6) Наш авиационный [класс] был по приказу тов. Склянского[27] отнят от нас, это был ответ на твою просьбу ему за 5 февраля. Как это будет дальше. Знаешь ли ты о Раскольникове?

7) Постарайся получить у т. …разрешение, чтобы Гопнер передал нам фотографические принадлежности. Если ты не пришлёшь разрешение до приезда Раскольникова, будет поздно.

8) т. Раскольникова моя хорошая знакомая, постарайся её увидеть и поговори с ней о нашей работе.

9) Также которого ты спросил, Розенберг[28] не ездил. Петерс не дал, пришли ему телеграмму. Я пошлю с Раскольниковым, это необходимо.

10) Если ты не приедешь скоро, я поеду в Москву. Я смогу многое сделать до приезда из Берлина других.

11) Мы все согласны с тобою, никаких коммунистов с Абдур Раба и Ачарии.

12) Послать ли Абдус-суван[29] забрать курьера или послать русского курьера [к] будущей неделе, узнай по телефону, узнай, приехала ли докто[р] …[30]?

13) Будет Индусский съезд или конференция[31].

14) В Туркомиссии Рудзутак, Петерс, Сафаров, Тыраскулов, если ты не выедешь в будущую неделю, я уеду в Москву.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 3. Л. 4а–13об. Подлинник. Автограф. Карандашные пометки.

Документ № 4
Телеграмма В.И. Ленину и Г.Е. Зиновьеву. [Не ранее 11 марта 1921 года]

Срочно вне всякой очереди.
Телеграмма.
Москва
Интернационал Малое Бюро.
Коп. Тов. Ленину и Зиновьеву[32]

11 марта 1921 года состоялось заседание для выяснения существующих между индусами разногласий в присутствии товарищей Петерс, Штейнхардт, Цеткина. Коммунистической группы (Мукуруджи[33], Рой, Магомед Али) противостояла группа Абдураба[34] и Ачарии, называющая себя Индусской Революционной ассоциацией. Обе стороны выставляли как существенные, так и личные обвинения. Группа Абдураба утверждала, что стоит на социалистической почве и обвиняла противную группу в ошибочной политике, заключающейся в коммунистической пропаганде, которая в настоящее время является ещё бесцельной. Нужно использовать в значительной степени также и национализм. В остальном же выставили личные обвинения против группы Мукараджи[35] и Роя сводящееся к тому, что эта группа ничего не делает для индусских эмигрантов в Ташкенте и тому подобное. Группа Мукараджи и Роя опровергала эти обвинения при помощи фактов. Им удалось доказать, не впадая в противоречие, что среди её последователей имеется до 75 процентов националистов. Сто десять человек в Ташкенте находятся на её стороне, причём почти все из них националисты, в то время как группа Абдураба насчитывает только одиннадцать последователей. Программа группы Мукараджи в точности соответствует директивам II конгресса Третьего Интернационала. То впечатление, которое мы вынесли из разговоров как с заинтересованными, так и незаинтересованными лицами (инструктора Индийской военной школы), а также от того что мы узнали из тайных источников (представителя ООЧК[36]), сводится к тому что группа Абдураба является по меньшей мере весьма подозрительной в ведении тайной панисламистской пропаганды. Нам удалось узнать, что состоялся тайный митинг группы Абдураба. Факт отрицания этой группой митинга усиливает нас в нашем подозрении. Панисламистская пропаганда является большой опасностью, в этой стране которой необходимо энергично противодействовать. Карл Штейнгард. Доктор Цеткин[37].

Туркбюро Коминтерна.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 1. Л. 14. Подлинник. Машинописный текст. Без подписи.

Примечания

[1] См. подробнее: *Гиленсен В.* Туркестанское бюро Коминтерна (осень 1920 – осень 1921 г.) // Восток. 1999. № 1; *Девяткина Т.Ф., Егорова М.Н., Мельников* А.М. Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. М., 1978; *Персиц М.А.* Революционеры Индии в Стране Советов: У истоков индийского коммунистического движения (1918-1921) / АН СССР. Ин-т междунар. рабоче-

го движения. М., 1973; *Райков А.В.* Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905–1930 гг. М., 1979; *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина: Битва за Центральную Азию. М.: ЭКСМО; Яуза, 2008; *Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С.* История Индии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2010.

[2] Рой Манабендра Натх (Мартин, Роберто Аллен, Вильягарсиа, Роберт Аллен-Рой, Робертс, Мануэль Мендес) (1889–1954) – индийский революционер. В 1920 г. по мандату компартии Мексики направлен вместе с Е. Трент-Рой делегатом на II конгресс Коминтерна (КИ). В Москве встречался с В.И. Лениным, по предложению которого подготовил тезисы по национальному и колониальному вопросам, обсуждавшимся на II конгрессе КИ. Входил в комиссию II конгресса по национальному и колониальным вопросам как представитель Мексики (Роберто Аллен) и Индии (Манабендра Натх Рой). С 1921 г. член Исполкома КИ (ИККИ) от Индии. Делегат III–VI конгрессов КИ (в работе VI конгресса «из-за болезни» участия не принимал), XIV съезда ВКП(б). 1920–1921 гг. – представитель ИККИ в Ташкенте для работы в странах Востока. В Ташкенте основал компартию Индии. В 1923 г. по поручению КИ участвовал в подготовке германской революции. С 1924 г. член Президиума ИККИ от Индии. В 1926–1927 гг. – член Дальневосточного секретариата ИККИ. См.: *Алаев Л.Б.* Историография истории Индии. М., 2013. С. 149-152.

[3] Мукерджи Абани (1891–1937) – индолог-политолог и экономист. С 1920 г. член РКП(б). В 1920–1921 гг. работал в Коминтерне; в 1922-1924 гг. на подпольной работе в Индии. Вернувшись в СССР, учился в ИКП (1925–1929). С 1930 г. член президиума ВНАВ; с 1932 г. заместитель председателя Ассоциации марксистов-востоковедов. 28 октября 1937 г. ВК ВС СССР приговорён по обвинению в шпионаже к ВМН. Расстрелян и похоронен на полигоне НКВД «Коммунарка» 28 октября 1937 г. Реабилитирован ВК ВС СССР 26 мая 1956 г.

[4] Сафаров Георгий Иванович (1891–1942) – коммунист, советский государственный и партийный деятель. С лета 1920 г. член Туркбюро ЦК РКП(б). В марте 1921 г. содокладчик И. Сталина на X съезде РКП(б) по национальному вопросу. В 1922-1924 гг. член исполкома Коминтерна, заведующий Восточным отделом, секретарь Исполкома Коминтерна. Затем в Ленинградском обкоме партии, редактор «Ленинградской правды». Расстрелян 27 июля 1942 г. См.: *Сафаров Г.И.* Колониальная революция. М., 1921.

[5] Речь идёт о Туркестанском (Ближневосточном, Ташкентском) бюро Коминтерна, решение о создании которого было принято в Москве 5 июня 1920 г. Реально это Бюро стало работать с начала октября 1920 г., т. е. с момента начала деятельности Роя в Ташкенте. В полном составе руководство Туркбюро собралось лишь с ноября 1920 г.

[6] Рудзутак Ян Эрнестович (1887–1938) – в 1920–1921 гг. член Туркестанской комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР, в 1920 г. председатель Совнаркома Туркестанской Советской республики, в 1921 председатель Туркестанского бюро ЦК РКП(б).

[7] Абдур Раб Барг (Абдур Рауф) – индийский националист. Член германской миссии Нидермайера – Хентига в Афганистане в 1915 г. В 1919 г. прибыл в Кабул с Я.З. Сурицем. При советской помощи создал Индийскую революционную ассоциацию в Кабуле. Вскоре был выслан Аманулой в советский Туркестан. М.Н. Рой фактически ликвидировал деятельность этой организации в Ташкенте. В годы Второй мировой войны был афганским торговым атташе в Берлине, где поддерживал тайные связи с аманулистами.

[8] Мандаям Партхасарати Тирумал Ачарья (1887–1954) - индийский националист, коммунист и анархист, был среди членов-учредителей Коммунистической партии Индии (ташкентская группа).

[9] Али Мухаммед (Хуши Мухаммед, Абдус Салям) (1894–1937) – индийский коммунист. В 1920–1922 гг. резидент Коминтерна в Кабуле.

[10] Икбал Али Шах (1894–1969) – индийско-афганский автор и дипломат.

[11] Суриц Яков Захарович (1882–1952) – участник социал-демократического движения в России, советский дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол.

[12] Гольдберг Николай Максимович (1891–1961) – в конце 1920 г. перешел на работу в Туркбюро КИ: курировал компартии Бухары и Индии. В июле-октябре 1920 г. работал переводчиком в ИККИ. С октября 1920 г. по сентябрь 1922 г. – один из руководителей сотрудников Туркбюро КИ: зав. Информационным отделом.

[13] Гопнер Давид Юльевич (1884–1925) – в 1920-1921 гг. уполномоченный НКИД в Туркестане. Пользовался большим доверием Г.В. Чичерина. В ноябре-декабре 1921 г. был советником советского

полпредства в Иране. По причине плохого здоровья был уволен из НКИД. В 1924–1925 гг. – заместитель наркома юстиции и прокурор Туркменской ССР.

[14] Видимо, М.Н. Рой пишет от имени Туркбюро.

[15] Раскольников Фёдор Фёдорович (настоящая фамилия Ильин) (1892–1939) – советский военный и государственный деятель, дипломат. В 1921–1923 гг. – полномочный представитель (полпред) РСФСР (с 1922 года – полпред СССР) в Афганистане.

[16] Петерс Яков Христофорович (1886–1938) – российский революционер латвийского происхождения, один из создателей и первых руководителей ВЧК. В 1920–1922 гг. член Туркестанского бюро ЦК РКП(б), полномочный представитель ВЧК в Туркестане и начальник Ташкентской ЧК.

[17] Здесь и далее неразборчивые слова в телеграммах заменены многоточием.

[18] Надпись на английском неразборчиво, подпись Роя.

[19] Штейнгард (Штейнхардт) Карл (1875–1963) – деятель австрийского коммунистического движения. Представитель КПА на втором и третьем Конгрессах Коминтерна в Москве (1920-1921) и член его Исполнительного комитета в 1921–1922. В сентябре 1920 г. в качестве делегата Коминтерна принял участие в Конгрессе народов Востока в Баку, а в начале 1921 – в делегации Коминтерна в Туркестан.

[20] Понятие европейского происхождения, которое в последней четверти XIX – начале XX века означало различные движения за объединение мусульман вне зависимости от их социальной и национальной принадлежности во всемирном халифате с целью отстаивать политическую независимость исламского мира перед колониальной экспансией европейских государств.

[21] На документе имеется пометка карандашом «копию снял политконтролёр, 3.04.1921», подпись неразборчива.

[22] М. Шульман являлся сотрудником многих центральных органов ТАССР, что было типичным явлением для Туркестана периода Гражданской войны. С 1920 г. перешёл в ОВС в НКИД в Ташкенте, но продолжал курировать индусскую работу в Туркестане.

[23] Так в тексте.

[24] На документе имеется пометка карандашом «копию снял политконтролёр, 3.04.1921», подпись неразборчива.

[25] См.: *Райков А.В*. Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905–1930 гг. М., 1979.

[26] Чаттопадхьяя Вирендранатх (1880–1937) – индолог: историк и этнограф. Деятель индийского национально-освободительного движения и индийской революционной эмиграции. 1920 г. приехал в Москву вместе с американской писательницей Агнес Смедли. В 1927 г. вступил в Коммунистическую партию Германии. Был одним из двух генеральных секретарей созданной в 1927 г. Антиимпериалистической лиги. Работал в Ленинграде в Институте антропологии и этнографии АН СССР. Арестован 15 июля 1937 г. Приговорён ВКВС 2 сентября 1937 г. по обвинению в шпионаже. Расстрелян 2 сентября 1937 г. Реабилитирован 28 апреля 1956 г.

[27] Склянский Эфраим Маркович (1892–1925) – советский военный деятель Гражданской войны, ближайший сотрудник Л.Д. Троцкого, первый заместитель Троцкого на посту председателя Реввоенсовета РСФСР в 1918-1924 гг.

[28] Розенберг Марсель Израилевич (1896–1938) – советский дипломат. Член РКП(б) с 1918 г. С апреля 1918 г. – заведующий отделом печати полномочного представительства РСФСР в Берлине. С 1920 г. – первый секретарь советского полномочного представительства в Афганистане.

[29] Личность не установлена.

[30] Текст на английском неразборчиво.

[31] Речь идёт о запланированной встрече лидеров различных левых группировок индийских националистов в Москве с целью создания единой коммунистической партии Индии.

[32] Зиновьев Григорий Евсеевич (настоящая фамилия Радомысльский) (1883–1936) – российский революционер, советский политический и государственный деятель. Член Политбюро ЦК Партии (1921–1926), кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) (1919-1921). Член Оргбюро ЦК РКП(б) (1923–1924).

[33] Речь идёт о Мукерджи.

[34] Речь идёт о Абдур Рабе.

[35] Речь идёт о Мукерджи.

[36] ООЧК – Особый отдел Чрезвычайной комиссии. Скорее всего, речь идёт о Туркестанской ЧК.

[37] Личность не установлена.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-76-84

Вальдемар Шмидт

ЭМИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ КРЕСТЬЯН КАЗАХСТАНА: ФАКТЫ, ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

История эмиграции немецкого крестьянства из Казахстана в 1920-е – 1930-е годы не нашла должного внимания в исторических исследованиях, посвящённых прошлому этой этнической группы Центральной Азии, хотя надо отметить, что данные вопросы поднимались в монографии В.Г. Чеботарёвой, А.А. Фаста, а также в материалах научных конференций. Несмотря на недостаточность исследований, по этой проблеме имеется определённая источниковая база, которая отложилась в архивных материалах, а также в различных периодических изданиях, выходивших в этот период как в СССР, так и в Германии.

Эмиграционное движение немцев за пределы Российской империи, а затем СССР существовало всегда и было обусловлено прежде всего экономическим состоянием немецких колоний. Кроме того, особую роль в росте эмиграции играли политические и законодательные мероприятия со стороны господствующей власти[1].

В первой половине 1920-х годов основная масса немецкого населения Казахстана не была настроена на выезд за пределы Советской России. Это объяснялось тем, что выезд носил форму легальной эмиграции, до 1927 года официальная власть не препятствовала выезду.

Основы для легальной эмиграции были закреплены в ряде международных соглашений между Советской Россией и Германией. Ещё в период заключения Брест-Литовского договора 1918 года Германия добилась от советской стороны предоставления возможности выезда из России всем потомкам немецких эмигрантов. Подписанный в Брест-Литовске Русско-Германский дополнительный договор к мирному договору содержал специальную главу 6 под названием «Забота о реэмигрантах». В дальнейшем по договорённости между Советской Россией и Германией от 6 мая 1921 года советское правительство давало гарантии и разрешение «на выезд лицам, находившимся в германском подданстве, но утратившим таковое, а также их жёнам и детям, если при этом будет удостоверено, что их выезд совершается для переселения в Германию»[2].

В дальнейшем эти вопросы об эмиграции немцев из Советской России регулировались договором между СССР и Германией от 12 октября 1925 года, первый раздел которого назывался «Соглашение о поселении и общеправовой защите граждан обоих государств», признававшим возможность свободного выезда и поселения на территории друг друга. Особо в этом договоре оговаривались права граждан обеих сторон получить на территории другой стороны «свободу совести и отправления религиозных культов, совершение богослужения в церквах и других предназначенных для этого помещениях, как на родном языке, так и любом другом языке»[3].

В стране с введением НЭПа появились более благоприятные условия для хозяйственного и культурного развития крестьянства, что, в свою очередь, сдерживало развитие эмиграции. В эти годы в немецких деревнях Казахстана, как и по всей России, возникали (на добровольной основе) товарищеские объединения для сельскохозяйственного производства, что улучшало состояние крестьянских хозяйств.

Во второй половине 1920-х годов актуальной проблемой среди немецкого населения Казахстана стали заметно усилившиеся тенденции к эмиграции за пределы СССР, вызванные прежде всего экономической политикой Советской власти. По отношению к немцам Казахстана (как, впрочем, и другим народам) допускались различные перегибы, что проявлялось в безосновательном лишении избирательных прав, завышении уровня

налогов, насильственном создании колхозов, в которые немцы-колонисты отказывались идти, и т.д.[4].

В этом плане интересны оценки происходивших событий на страницах газеты «Der Landmann», которая издавалась с 21 января 1923 года. Издание было рассчитано, прежде всего, на распространение в немецких селах Казахстана и Сибири[5]. Газета сыграла заметную роль в развитии культуры немецкого населения Казахстана в 1920-е – 1930-е годы, так как на её страницах рассматривались актуальные вопросы национального строительства.

Газета первоначально являлась органом Сиббюро, а затем казахстанского крайкома ВКП(б), и на её страницах систематически появлялись статьи о национальном строительстве среди немецких колоний Сибири и Северного Казахстана.

В 1923 году на XII съезде РКП(б) И.В. Сталин затронул вопросы национального строительства, выдвинув лозунг о равноправии всех наций и народностей, проживавших на территории СССР. Но достижение равноправия народов СССР, по мнению И.В. Сталина, было возможно лишь при экономическом развитии отсталых народов, причём их культурному развитию отводилась второстепенная роль. На следующем, XIII съезде РКП(б) 23–31 мая 1924 года вопросы, связанные с национальным строительством, практически не поднимались, хотя в резолюции было записано, что «съезд считает, что работе среди национальных меньшинств РСФСР, а также в национальных республиках до сих пор не уделялось на местах достаточного внимания»[6].

Впоследствии, по мере нарастания темпов социалистического строительства, гарантии возможности свободного выезда из СССР ограничивались. Число эмигрантов-немцев в 1920-е – 1930-е гг. повышалось в связи с различными мероприятиями со стороны Советской власти в отношении немецких поселений. По сведениям Всесоюзной переписи населения 1926 года, немецкое население Казахстана составляло 51 100 человек. К числу территорий с наибольшим количеством немецкого населения относились следующие области: Акмолинская – 21,2 тыс., Кустанайская – 13,4 тыс., Семипалатинская – 11,8 тыс.[7]. Большая часть немецкого населения Казахстана – 48 735 человек, или 95%, проживала в сельской местности[8], в 140 посёлках, причём более 60 посёлков являлись чисто немецкими[9].

В связи с этим стоит также упомянуть о том, что в 1925 году немецких национальных сельских советов в Казахстане насчитывалось 20, а к 1927 году их численность достигла 42. При рассмотрении публикаций газеты «Der Landmann» по вопросам создания национальных немецких сельских советов, их политической роли, можно прийти к мнению, что именно сельские советы играли решающую роль во многих вопросах национального развития.

С октября 1927 года газета «Der Landmann» становится официальным печатным органом Казахского краевого комитета ВКП(б). Немецкая секция при Казкрайкоме неоднократно отмечала, что образовательный и политический уровень немецких коммунистов республики очень низкий, что, в свою очередь, влияет на качество работы среди немецкого населения республики и его вовлечение в социалистическое строительство. Для улучшения деятельности среди немецкого населения Казахстана в 1927 году президиум Акмолинского губисполкома выдвинул предложение о создании немецкого национального района на территории области. По этому поводу газета «Der Landmann» 18 февраля 1928 года публикует материал под заголовком «Будет ли в Акмолинском округе немецкий район?» Газета писала: «Положительное решение о создании немецкого района принял президиум Акмолинского губисполкома от 3 декабря 1927 г., но, к сожалению, с комиссией Акмолинского губисполкома по районированию не считаются. Проект организации немецкого района предлагает объединение 14 сёл с населением 5585 человек. Исходя из количества населения, был сделан вывод, что этого количества недостаточно, и дело отложено в сторону. Окружная комиссия не смогла найти общего языка с КазЦиком. Немецкой секцией округа

вопрос поставлен в партийном комитете, внесены дополнительные предложения»[10].

Вопрос о создании немецкого национального района в Акмолинской области затянулся. Возможно, имелись как субъективные, так и объективные причины, которые тормозили мероприятия по созданию немецкого национального района в Акмолинской области. Конечно же, утверждение КазЦика о недостаточности населения не являлось основанием для отказа в создании этой административной единицы, тем более что краевой партийный комитет ВКП(б) неоднократно подчёркивал, когда речь шла о вопросах, связанных с национальными сельскими советами, что количество населения не является критерием при их создании.

К началу 1928 года экономическая ситуация в Казахстане была довольно сложной. За годы Первой мировой и Гражданской войн посевные площади на территории Казахстана сократились. Многие крестьянские хозяйства были не способны прокормить себя, особенно в результате регулярных засух и неурожаев. Процесс создания коллективных хозяйств на территории Казахстана шёл медленно, и, по оценкам краевой партийной организации, экономическое положение в немецких сёлах было далеко не благополучным[11].

К началу 1930-х гг. положение в немецких поселениях Казахстана было нестабильным, прежде всего как итог их политического и экономического состояния, что способствовало росту эмиграционных настроений в среде немецкого крестьянства Казахстана. Несмотря на то, что на территории Казахстана проживало 51 100 этнических немцев, развитию их экономического, политического и культурного уровня уделялось внимание ровно настолько, насколько это позволяло экономическое развитие региона.

В ноябре 1927 года газета «Der Landmann» затрагивает вопрос о необходимости развития кооперации в Казахстане. С этого периода газета анализирует состояние и развитие этого дела[12]. От эпизодических публикаций на тему кооперации «Der Landmann» переходит к последовательному и углублённому анализу этого явления, причём подчеркивает, что в этом процессе должны учитываться определённые экономические условия развития различных областей Казахстана[13].

В январе 1928 года И.В. Сталин совершил поездку в Сибирь, после чего во все партийные комитеты была направлена директива, в которой излагался смысл предстоящей политики коллективизации. Официально постановление о коллективизации сельского хозяйства было принято в ноябре 1929 года. В своей речи, посвящённой XII годовщине Октябрьской революции, И.В. Сталин изложил новый план, представленный им как начало «великого перелома». В соответствии с этим планом предусматривалось социалистическое строительство не только в городе, но прежде всего в деревне. По мнению Сталина, начало проведения данной политики означало ликвидацию кулачества как класса. В декабре 1929 года было заявлено о переходе к политике ликвидации кулака как класса. В результате новой политики в отношении сельского хозяйства 30 января 1930 года Политбюро опубликовало документ «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», имевший в дальнейшем роковые последствия для сельского хозяйства.

В соответствии с постановлением Секретариата ЦК от 12 апреля 1929 года в Наркомате земледелия Казахской АССР был разработан «План основных мероприятий по кооперированию и коллективизации немцев-колонистов в Казахстане». Разработанный план начали претворять в жизнь в 1930 году, однако это вызвало протесты со стороны немцев-колонистов, что проявилось в росте эмиграционных настроений и их желания выехать в Германию и в Америку[14].

В этот период эмиграционные настроения в СССР возникли не только в среде немецкого населения, но также среди русских, частично среди евреев и других народов, так как к концу 1929 года экономическое состояние крестьянских хозяйств стало катастрофическим. И не только неурожаи, но и различные другие факторы способствовали этому.

Немецкое крестьянство всегда относилось к категории крестьян, которые привык-

ли быть хозяином на земле. Поэтому немецкие крестьяне открыто выступали против требований вступления в колхозы. Одним из средств борьбы с кулаком стал высокий сельскохозяйственный налог. На основании сталинского закона деревенская община должна была самостоятельно решать и определять величину сельскохозяйственного налога. Многие крестьяне не были способны платить новый налог.

Среди немецкого крестьянства особо жёстко сельскохозяйственным налогом были обложены меннонитские деревни. По этому поводу газета «Post aus dem Osten» писала: «О высоком сельскохозяйственном налоге нужно сказать, что он состоял из страхового налога, личного налога, производственного налога, что в конечном итоге разоряло крестьянское хозяйство»[15].

Немецкое крестьянство, пострадавшее в годы продразверстки и эпохи «военного коммунизма», а также в результате неурожаев 1920-х гг., не успело оправиться от этих потрясений. По мнению коммунистов, вступивший в силу 1 октября 1928 года пятилетний план развития народного хозяйства должен был помочь СССР стать экономически независимым от иностранных государств[16]. Однако этот план явился предвестником многих проблем, возникших впоследствии в сельском хозяйстве СССР.

К тому же в 1929 году в некоторых областях компактного проживания немцев произошли неурожаи, что в среде немцев было воспринято, как ситуация 1921-1922 гг., вызвавшая голод. Поэтому в поселениях меннонитов возникло желание эмигрировать из СССР. Можно считать неурожай 1929 года одной из причин, подтолкнувших немецкое крестьянство к эмиграции за пределы СССР.

Развитие эмиграционного движения среди немецкого населения Казахстана в конце 1920-х – начале 1930-х гг. заставило руководящие органы республики обратить внимание на усиление работы среди этой национальной группы. Многие архивные материалы из республиканских архивов свидетельствуют о хаотичности намеченных мероприятий Советской власти в отношении этого национального меньшинства республики.

Выдвигая идею о создании самостоятельных немецких административно-территориальных единиц в районах с компактным проживанием немцев и введении делопроизводства на их родном языке, партийные и административные органы вряд ли понимали значимость этого политического лозунга. Именно эти меры со стороны правящей власти являлись главным стабилизирующим фактором в отношении немецких поселений на территории Казахстана. Это, по их мнению, в дальнейшем способствовало бы не только приостановке эмиграционного движения, но и способствовало бы во многом приобщению и привлечению немецкого населения к проводимым Советской властью мероприятиям.

Анализируя архивные документы периода, предшествующего развитию эмиграционных настроений в среде немецкого населения Казахстана, то есть до 1929 года, следует отметить, что во многих из них отмечается, что многие партийные и административные органы республики не уделяли должного внимания работе среди немецкого населения. В одном из архивных документов прямо отмечалось, что «организация работы среди немецкого населения осложнялась тем, что со стороны партийных, комсомольских и профессиональных органов проявлялось полное равнодушие, безучастность, а порой полный и сознательный тормоз и срыв в этой работе через печать и агитацию о ненужности данной политики»[17]. Если рассмотреть подробнее работу руководящих органов, то она в основном сводилась к трём взаимосвязанным направлениям.

Во-первых, к чисто карательным методам, с помощью которых руководящие органы стремились прекратить развитие эмиграционных настроений.

Во-вторых, в чисто пропагандистской шумихе относительно проводимой политики в отношении немецкого населения и обещаний изменить их экономическое, культурное и политическое положение.

В-третьих, в политике убеждения, сводившейся к уговорам, чтобы немецкое население не покидало свои поселения и отказалось от эмиграции.

С развитием эмиграционного движения среди немцев Казахстана партийные и административные органы вновь возвращаются к идее организации национального района. На территории Казахстана в 1920-е – 1930-е гг. эта политика была вызвана двумя основными причинами: во-первых, идея основывалась на общей концепции советской политики в области национальных отношений, а во-вторых, была вызвана специфическими особенностями организации национальной политики Советской власти в Казахстане, который по своему этническому составу был многонациональным регионом. По мнению руководящих органов, создание немецкого национального района на территории Акмолинской области, где многочисленные немецкие поселения имелись ещё до революции 1917 года, было не только нацелено на экономическое и культурное развитие немецкого населения Казахстана, но и во многом направлено на ограничение эмиграционных настроений в их среде. С другой стороны, поиски решения в области национальных отношений в Казахстане в конце 1920-х – начале 1930-х гг. были вызваны необходимостью пересмотра политики руководящих органов республики в этих мероприятиях, которые не в полной мере рассматривали значимость национального вопроса для успешного социалистического строительства в дальнейшем.

Из архивных и документальных материалов можно судить, что этот процесс по созданию немецкого национального района в Казахстане только начинался, но не был окончательно решён. К тому же это были лишь временные политические уступки, а также чисто пропагандистские мероприятия со стороны Советской власти, направленные, прежде всего, на ограничение эмиграционных настроений среди немецкого населения республики.

Причиной развития эмиграционных настроений среди немецкого населения Казахстана, позднее переродившихся в массовое движение, стало «социалистическое наступление» на деревню, то есть проведение политики коллективизации, которая стала набирать силу после ноябрьского пленума 1929 года[18].

Помимо экономических преобразований, разорявших крестьянское хозяйство, шла антирелигиозная борьба против немецких конфессий[19]. В немецких сёлах Казахстана (впрочем, как и во всей стране) антирелигиозная политика Советской власти свелась к грубому насилию административного характера и ограничению религиозных свобод, что в конечном итоге способствовало развитию эмиграционных настроений среди немцев, проживавших в этом регионе.

Антирелигиозная пропаганда поддерживалась государством. До 1928 года её ещё можно было терпеть[20]. Враждебное отношение к религии резко ужесточилось в 1929 году, после принятия нового положения о религиозных объединениях и обществах. В основном религиозным преследованиям подверглись меннониты, которые видели спасение от преследований в эмиграции. Они говорили: «Мы не можем смотреть в будущее без опасения, в то время, где наши дети не смогут исповедовать веру своих отцов, и мы ищем возможность спасения в эмиграции»[21].

До 1928 года немецкие поселения в Казахстане вели самостоятельный образ жизни, то есть немецкие колонисты предпочитали отстраняться от участия в общественной и политической жизни и поэтому слабо вовлекались в ряды комсомола и партии. 1928 год ознаменовался началом «большого скачка», развитием наступления социализма по всему фронту. Партия взяла курс на коллективизацию сельского хозяйства. В январе 1929 года И.В. Сталин выдвинул концепцию идеологической борьбы с середняком. И.В. Сталин развил мысль, что только с помощью сильного давления можно сломить середняка и привлечь его на сторону Советской власти[22].

22 октября 1929 года казахстанской партийной организации было направлено специальное письмо ЦК. В нём конкретно оговаривались детали о необходимости борьбы с растущими эмиграционными настроениями среди немцев Казахстана.

В письме указывалось, что казахстанская партийная организация невнимательно отнеслась к реализации директивы ЦК от 12 апреля 1929 года по вопросам усиленной работы среди немецкого населения и борьбы с

враждебными элементами – организаторами антисоветского движения, преимущественно в форме эмиграционного движения[23]. Центрами эмиграции немцев Казахстана в конце 1920-х – начале 1930-х гг. являлись те регионы, где исторически сложилось и сформировалось компактное проживание переселенцев-немцев, то есть те районы республики, где ещё до революции 1917 года возникли первые немецкие переселенческие деревни как результат переселенческой политики царизма.

С развитием эмиграционного движения среди немецкого населения СССР в 1920-е – 1930-е гг. советское руководство применяло различные методы, чтобы прекратить развитие массовой эмиграции. Однако к ноябрю 1929 года недалеко от Москвы скопилось 13 000 эмигрантов из числа немцев из различных регионов СССР. Поэтому советское руководство приняло меры по ограничению прибытия эмигрантов и насильственному возвращению беженцев. Как сообщал журнал «Der Auslanddeutsche», из этих 13 000 эмигрантов-немцев 9 000 были отправлены во внутренние губернии России[24].

Важно отметить, что эмиграционным настроениям в основном были подвержены немецкие крестьяне из различных частей Советского Союза. Фактически не подтверждено, что эти немецкие общины были охвачены эмиграционными настроениями в результате пропагандисткой деятельности, хотя в некоторых архивных документах имеются упоминания о деятельности кулацких и религиозных деятелей по пропаганде эмиграционных настроений среди немцев. Здесь хотелось бы привести выдержку из письма немецкого поселенца: «Ты, наверное, уже слышал, что многие немцы как по команде хотят эмигрировать. Этому невозможно поверить, что эмиграция могла прийти в движение без агитации, однако в определённых случаях сосед от соседа не знал, что он намерен эмигрировать»[25].

На территории Казахстана в пропаганде эмиграции среди немецкого населения, помимо зажиточной части немецкого села, а также проповедников, немаловажную роль играли казахские баи. Об этом свидетельствует докладная записка Акмолинского окружкома, в которой отмечалось, что «в создании эмиграционных настроений помогают кулацкие, байские и религиозные организации, которые пытаются убедить немецкое население в соглашении Советского правительства и Германии о выселении всех немцев из СССР, для обеспечения чего Германия ассигновала большие суммы»[26].

Эмиграционные настроения охватили все округа Казахстана, где имелись компактные немецкие поселения. Особенно сильно было охвачено эмиграционными настроениями немецкое население Павлодарского округа. Так, в письме уполномоченного по делам национальных меньшинств Павлодарского округа от 20 сентября 1929 года сообщалось, что «из полученного постановления президиума окрисполкома по “немецкому вопросу” видно, что до сих пор никакой работы по округу не велось, между тем ведение работы среди немецкого населения по округу имеет огромное значение»[27]. 19 ноября 1929 года на заседании Павлодарского окрисполкома вновь обсуждался «немецкий вопрос». В решениях заседания отмечались причины роста эмиграционных настроений среди немецкого крестьянства: «Тяга немецкого населения к выезду за границу принимает стихийно-массовое явление благодаря агитации духовенства, а также полученным сообщениям из Америки ранее уехавших односельчан… а во-вторых, слабая постановка политической работы среди бедноты немецких сел, что толкает её под влияние зажиточных кулаков и духовенства, всеми силами старающегося срывать мероприятия Советской власти. На заседании окрисполкома было принято решение о необходимости добиться решительного перелома в немецких поселениях и в кратчайший срок изжития эмигрантских настроений среди немецкого населения»[28].

В Павлодарской области эмиграционным движением было охвачено подавляющее число немецких колоний – 22 селения (900 хозяйств); в Семипалатинской области – 17 селений (731 хозяйство); в Петропавловской области 6 селений (178 хозяйств); в Акмолинской – четыре района с количеством хозяйств 1341; в Кустанайской – 11 де-

ревень (1268 хозяйств) и Сырдарьинской – 2 селения (619 хозяйств)[29].

По вопросу эмиграции немецкого населения 27 ноября 1929 г. «Правда» публикует статью «Кто эмигрирует из СССР», в которой сообщается о встрече Гарри Рихтера, издателя «Бюллетеня немцев Поволжья», издававшегося в Берлине, с эмигрантами-немцами из СССР в Гамбурге. Интересна эта статья тем, что Рихтер задал ряд вопросов, касающихся причин эмиграции немцев из СССР, и получил в 22 случаях ответ, что причиной, побудившей покинуть СССР, явилась коллективизация[30].

В основном эмиграционными настроениями были охвачены меннониты. В 1929 году влиянию эмиграционных настроений было сильно подвержено немецкое население Петропавловской области. С ноября 1929 года в Казахстане начинают серьёзно заниматься «немецкой проблемой», и именно с этого времени принимаются соответствующие постановления. В связи с создавшимся в немецких селах Казахстана положением 21 ноября 1929 года было принято постановление Секретариата Казахского крайкома ВКП(б) «О работе среди немецкого населения республики», в котором было вынесено предложение окружным комитетам Кустанайской, Петропавловской, Уральской, Акмолинской, Актюбинской и Павлодарской областей: немедленно выслать в районы поселения немцев ответственных партийных работников для изучения настроений трудящихся немцев; одновременно мобилизовать на постоянную работу в районах и немецких колониях достаточное количество работников из окружного партийного и советского актива, особенно немцев и знающих немецкий язык[31].

«Der Landmann» в 1929 году опубликовал письмо под заголовком «Эмигранты совершают непоправимую ошибку и помогают контрреволюции против диктатуры пролетариата»[32]. В связи с ростом потока эмигрантов-немцев из различных районов СССР газета «Правда» продолжает публиковать материалы по этой проблеме. 11 декабря 1929 года там появляется статья под заголовком «Строительство немецких районов в СССР». В статье анализируется доклад И.Ф. Гебгардта[33] в Совете национальностей по вопросу развития немецких поселений на территории СССР. Газета отмечала, что в немецких сёлах процесс вступления крестьянства в колхозы и его участие в коллективизации идёт медленно, и причина состоит в том, что в управление колхозами проникли кулаки. Особенно часто саботаж мероприятий коллективизации наблюдается в меннонитских селениях. Помимо этого, «Правда» констатировала, что в результате агитации кулачества среди немецкого крестьянства наблюдается рост эмиграционных настроений. «Правда» писала и о том, что массовое эмиграционное движение было организовано внутренними врагами социалистического строительства, а также извне[34].

Несмотря на усиление работы среди немецкого населения Казахстана, проблема эмиграции немцев оставалась вплоть до 1930 года. В телеграмме КазЦИК(у) от 30 апреля 1930 года отмечалась необходимость дальнейшей работы среди немецкого населения Павлодарского округа, так как отсутствие продовольствия в силу недорода в округе вновь способствует развитию эмигрантских настроений[35].

Рост эмиграционных настроений среди немецкого крестьянства Казахстана и Сибири вызвал тревогу у центральных властей, в связи с чем ЦК партии командировало члена ВЦИК В.А. Курца[36] разобраться с работой местных органов власти в проведении партийной линии по вопросам коллективизации. 20 июля 1930 года состоялось заседание ВЦИК XIV созыва, в материалах которого было отмечено: «Ввиду того, что т. Курц не закончил работы по обследованию положения немцев и не мог сделать доклад сибирскому крайисполкому вследствие спешного вызова в Москву, командировать в Сибирский край и Казахскую АССР т. Шотмана, поручить ему закончить работу, начатую т. Курцем в немецких районах, сообщить выводы Сибирскому крайкому и ЦИКу Казахской АССР и наметить необходимые мероприятия, вытекающие из конкретной обстановки»[37].

По поводу выводов уполномоченного ВЦИК газета «Der Landmann» писала: «Ис-

кажение принципов свободного вступления в колхозы и факты насильственной коллективизации, раскулачивания середняков и даже мелких хозяев, борьба с религиозными предрассудками была совершенно извращена относительно инструкций центральных властей. Эти негативные действия были использованы кулаками и проповедниками, другими тёмными антисоветскими элементами. Совершенно понятно, что в отдельных случаях в немецких селах выражалось недовольство немецких крестьян и середняков»[38].

Эмиграционные настроения среди немцев Казахстана особенно выросли к декабрю 1929 года. Поэтому местные партийные организации Казахстана в областях с проживанием немецкого населения были вынуждены принимать меры по ограничению роста эмиграции. В постановлениях ЦК ВКП(б) и Казахского крайкома неоднократно указывалось на необходимость создания на территории Казахстана немецкого национального района, поэтому бюро Акмолинского окружкома партии приняло постановление: «В целях наиболее полного обслуживания немецкого населения с учётом специфических национальных особенностей создать немецкий национальный район»[39].

11 января 1930 года Акмолинский окружной комитет ВКП(б) посылает в краевой партийный комитет телеграмму, в которой указывает, что с декабря 1929 года среди немецкой части населения Акмолинской области активно проявляются эмиграционные настроения. В телеграмме отмечалось, что «бюро окружного комитета ВКП(б) решило, во-первых, организовать национальный район, во-вторых, усилить культурное обслуживание немецкого населения, расширить школьную сеть, а в-третьих, организовать деятельность прессы, которая должна широко освещать факты возвращения в СССР эмигрантов»[40].

В этот период партийная организация Казахстана обязала КазЦик и уполномоченного по делам национальных меньшинств разработать проект создания новой административно-территориальной единицы – национального немецкого района в Акмолинской области. Предполагалось сделать это на территории Промышленного и Революционного районов, где в 180 населённых пунктах имелось 500 немецких хозяйств с населением 8150 человек. Бюро окружкома утвердило председателем национального райисполкома Вагнера. В феврале 1930 года в служебной записке заведующего оргбюро Акмолинского окрисполкома Сугупова на имя Вагнера отмечалось, что «организационное бюро окружного исполнительного комитета предлагает в срочном порядке переслать информацию о ходе работы по созданию немецкого национального района в Акмолинской области»[41]. В проекте Акмолинского окружкома партии приводилась главная цель создания национального района как средство по ликвидации эмиграционных настроений. Однако аргументы Акмолинского окружкома партии о необходимости организации немецкого района не были приняты во внимание. При очередной корректировке плана административно-территориального деления Казахстана в 1930 году это предложение не было учтено. Проект создания немецкого национального района в Казахстане с учётом требований государственной национальной политики в очередной раз не был реализован.

Завершая статью, хотелось бы отметить, что в 1920-х годах, как свидетельствуют архивные документы, немецкое население Казахстана находилось вне поля зрения партийных и советских органов республики. Первые основополагающие документы, регулирующие взаимоотношения центральных органов Казахстана и немецкого населения, были приняты только в 1929 году, в период развития эмиграционного движения. Вопрос о создании немецкого национального района на территории Акмолинской области был идеологической и пропагандистской уловкой местных партийных и советских органов, стремившихся любыми средствами повлиять на распространение эмиграционных настроений среди немецкого населения.

Примечания

[1] *Ерофеева И.В.* Немецкий фактор в культурно-историческом развитии народов Казахстана //

Материалы международного семинара. Актуальное состояние и перспективы культурной деятельности в местах проживания немцев. Алматы, 1996. С. 52.

[2] Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 117.

[3] Документы внешней политики СССР. Т. 8. М., 1963. С. 584-586.

[4] *Чеботарёва В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008. С. 608.

[5] *Вайдман, Олег-Рихард*. Возникновение и развитие германоязычной прессы в Казахстане и Западной Сибири в 1920–1990 гг. // Феникс. Немецкий литературно-художественный и общественно-политический альманах. № 10 (июль 1995). С. 239.

[6] ЦК КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II (1924–1930 гг.). М., 1954. С. 74.

[7] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IX. РСФСР. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М., 1929. С. 74-75.

[8] Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. Р 141. Оп. 1. Д. 2468. Л. 5.

[9] Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. Р 962. Оп. 1. Д. 327. Л. 33.

[10] «Der Landmann» vom 18.02.1928.

[11] «Der Landmann» vom 12.05.1928.

[12] «Der Landmann» vom 12.11.1927.

[13] «Der Landmann» vom 01.01.1928.

[14] *Волкова Т.П.* Немецкие колхозы в Казахстане: история создания (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 258-259.

[15] «Post aus dem Osten». Heft 2 (1930). S. 28.

[16] «Post aus dem Osten». Heft 1 (1930). S. 272.

[17] ЦГА РК. Ф. Р 962. Оп. 1. Д. 16. Л. 56.

[18] Общество и власть в 1930-е годы. Повествование в документах // Под ред. Соколова А.И. Москва, 1998. С. 24.

[19] «Post aus dem Osten». Heft 2 (1930). S. 26.

[20] «Post aus dem Osten». Heft 9 (1930). S. 69.

[21] «Post aus dem Osten». Heft 3 (1930). S. 53.

[22] Известия ЦК КПСС. № 6, 1991. С. 211.

[23] АП РК. Ф. Р 141. Оп. 1. Д. 2789. Л. 45.

[24] «Der Auslanddeutsche». Halbmonatsschrift für Auslanddeutschtum und Auslandkunde. Mitteilungen des Deutschen Ausland – Instituts. № 8 (1931). S. 822.

[25] «Post aus dem Osten». Heft 3 (1930). S. 52.

[26] АП РК. Ф. Р 141. Оп. 1. Д. 3243. Л. 93–94.

[27] ЦГА РК. Ф. Р 5. Оп. 9. Д. 169. Л. 40.

[28] Там же. Л. 41об.

[29] АП РК. Ф. Р 141. Оп. 1. Д. 3243. Л. 137–139.

[30] Правда. 26.11.1929.

[31] В братском единстве народов СССР. Государственное строительство Советского Казахстана. Документы и материалы // Сост. Айдарова Х.Г. Алма-Ата, 1973. С. 333-334.

[32] «Der Landmann» vom 28.12.1929.

[33] Гебгарт Игнац Францевич – секретарь Центрального бюро немецких секций при ЦК РКП(б), ответственный инструктор ЦИК СССР.

[34] Правда. 11.12.1929.

[35] ЦГА РК. Ф. Р 5. Оп. 11. Д. 125. Л. 3–4.

[36] Курц Вильгельм Адольфович (1892–1938). С 1919 г. – член РКП(б). В 1920–1921 гг. – председатель Центрального бюро немецких коммунистических секций; в 1924–1929 гг. – председатель СНК АССР немцев Поволжья; 1929–1937 гг. – заместитель наркома просвещения РСФСР.

[37] Государственный архив Акмолинской области (ГА АО). Ф. Р 27. Оп. 1. Д. 15. Л. 97.

[38] «Der Landmann» vom 30.04.1930.

[39] *Чеботарёва В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. С. 623.

[40] АП РК. Ф. Р 141. Оп. 1. Д. 3243. Л. 1–2.

[41] ГА АО. Ф. Р 27. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-85-88

М.В. Монгуш, А.А. Зайцева

ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК: ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ НА ЧУЖБИНЕ

Тема статьи выбрана нами не случайно. Мы к ней шли вполне осознанно, время от времени испытывая неподдельный интерес, который чередовался периодами затишья и осмысления исследуемого материала.

В изложении данного вопроса мы не затрагиваем таких моментов, как например, роль и место женщины в православии, так как данная тема требует специального исследования. Мы обходим стороной и тему женского монашества, поскольку она чрезвычайно обширна и непосредственно связана с историей православия не только в России, но и за её пределами. Наша задача весьма скромная – мы исследуем судьбы трёх конкретных женщин, внёсших свой неоценимый вклад в дело распространения и развития православия в Палестине, Иерусалиме, Египте в 1940–1950 гг. Именно в это время, как известно, христианский Восток стал центром пересечения религиозных, духовных и культурных связей представителей различных народов, а также местом столкновения интересов ведущих держав.

Благодаря этому обстоятельству в этом регионе сложилось немало ярких человеческих судеб, в которых отразились духовные искания и поиск смысла жизни.

Речь в статье пойдет об игуменье Русского подворья в Бейруте Ксении Михайловне Горячковской (1886 – после 1951), английской монахине, игуменье женского Елеонского монастыря в Иерусалиме Марии Робинсон (1896–1969) и византологе Елизавете Сергеевне Лукьяновой (1888–1967).

Первоначально имена К.М. Горячковской, Марии Робинсон, Е.С. Лукьяновой и скупые факты их биографий встречались нам только в научной литературе[1]. Однако это были лишь мелкие штрихи, по которым невозможно было получить полное представление о жизненном пути этих женщин. Позже, следуя исследовательской интуиции, мы вышли на документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Именно благодаря архивным источникам нам удалось буквально по крупицам «слепить» биографии наших героинь. Для этого пришлось очень внимательно и скрупулёзно изучить огромное количество самых разных документов, отражающих историю российского присутствия на христианском Востоке и до этого не публиковавшихся. Архивные источники, лёгшие в основу статьи, вводятся в научный оборот впервые.

Ксения Горячковская: поиски себя

Одна из наших соотечественниц, прошедшая долгий путь в поисках себя и, наконец, нашедшая своё место в православии и в служении ему.

Ксения, урождённая Корицкая, родилась в 1886 году в Санкт-Петербурге; по национальности русская. Её отец, офицер русской армии, умер в 1902 году в России, мать – в 1938 году в Финляндии (в Куоккала).

Девушка окончила Смольный институт. В 1909 году вышла замуж за инженера путей сообщения Владимира Васильевича Горячковского, занимавшего должность начальника Московско-Рыбинской железной дороги.

В январе 1918 года по паспорту, выданному Временным правительством, Ксения выехала с мужем из Петрограда через Финляндию в Швецию. Муж её умер в 1926 году в Женеве. Во время нахождения за границей Ксения побывала в Швеции, США, Франции, Англии, Германии, Аргентине, Бразилии и Палестине.

В 1929 году К.М. Горячковская окончила институт в Женеве и там же в 1930 году получила степень доктора философии. Во время проживания в Швейцарии получила паспорт «для иностранцев». С 1936 по 1948 год она проживала в Палестине, где находилась

в женском монастыре. В этот период Ксения работала у греческой принцессы Ирины; входила в группу сторонниц Московской патриархии; подвергалась гонениям со стороны анастасиевца архимандрита Антония. В это время паспорт, полученный К.М. Горячковской в Женеве, был заменён документом «идентификации».

В 1948 году в связи с событиями в Палестине она переехала на жительство в Бейрут, где вновь поступила в женский монастырь. За время нахождения в Ливане монахиня Ксения провела большую работу по усилению влияния Московской патриархии среди православных общин и укреплению дружеских связей между Иерусалимской, Антиохийской и Московской патриархиями.

В октябре 1948 года Ксения Горячковская обратилась с ходатайством через консульский отдел Миссии СССР в Ливане о приеме её в советское гражданство. В июле 1950 года ей в этой просьбе было отказано[2].

«Мария-англичанка»

Именно так звали в народе английскую монахиню, игуменью женского Елеонского монастыря в Иерусалиме Марию Робинсон, связавшую свою судьбу с православием. Биография её уникальна и изобилует интересными фактами[3].

Мария родилась 8 июля 1896 года в г. Глазго (Шотландия) в семье пресвитера шотландской церкви. В 1914 году окончила женский колледж Св. Леонарда в Шотландии, затем прошла полный двухгодичный курс сестёр милосердия в Ливерпульском детском госпитале по специальности «детские заболевания и уход за больными детьми». По окончании колледжа в 1919 году прошла полный пятилетний курс медицинского образования в Лондонском госпитале, который окончила в 1923 году с дипломом и похвальным листом. После этого она обучалась на факультете социальных наук при Белфордском университете в Лондоне, который окончила в 1926 году. В течение четырёх лет Мария работала на государственной службе, получила конфирмацию High Church в лондонском Соборе Св. Павла от лондонского архиепископа и поступила послушницей в монашескую общину Христа Спасителя Исцеляющего. С группой монашествующих и священников была послана на послушание в Индию, в г. Пуна, в епархию архиепископа Бомбея (современный Мумбай), с благословения которого организовала там молитвенный миссионерский центр – Дом для приходящих больных с целью духовной и физической помощи страждущим.

10 августа 1929 года произошло пострижение Марии Робинсон в монашество по чину высшей Англиканской Церкви с пожизненными обетами и с именем Стеллы. В 1932 году она посетила Иерусалим, приняла там православие и до конца своей жизни оставалась в Гефсиманской обители.

В 1934 году Мария получила благословение на основание в Вифании общины во имя Воскресения Христова. Через год была назначена настоятельницей прихода, 9 октября 1936 года – возведена в сан игуменьи. Желая следовать своему призванию и помогать бедным, монахиня Мария стала строить в Вифании школу и интернат для православных арабских девочек. Школа и при ней интернат были открыты на Лазареву Субботу в 1937 году. Помимо общеобразовательных предметов, в ней преподавали Закон Божий, историю Церкви, катехизис, церковное пение и языки: арабский, английский и русский. Количество детей колебалось от 60 до 90.

Школа поддерживала высокие стандарты образования и была (и остаётся по сей день) единственной православной школой для девочек на Святой Земле. Позже там же открылись иконописная школа живописи под руководством Татьяны Косинской и бесплатная амбулатория для местных жителей с пропускной способностью до 100 человек в день.

Вся работа по обслуживанию школы и амбулатории совершалась трудами матушки Марии и её помощниц. В 1938 году она передала управление школой сестре Марфе (Аликс Сирот), а сама основала общежитие в Гефсиманском саду, владении Русской Духовной Миссии с 1881 года.

В 1960-х годах, когда выяснилось, что в лагерях беженцев из Израиля среди детей не ведётся культурно-просветительной работы, матушка Мария вместе с сестрой Марфой были откомандированы в село Тайге, где они открыли воскресную школу. На первый урок явилось 40 детей. На второй их было 120, возрастом от 5 до 15 лет. Для девушек старше 16 лет монахини открыли при школе специальный класс подготовки к поступлению в госпитали в качестве сестёр милосердия.

Скончалась игуменья Мария 20 ноября 1969 года в Иерусалиме.

Елизавета Лукьянова – ученый-византолог

Египет в 1940–1950-е годы был одним из крупных центров сосредоточения эмиграции из России, среди которой было немало представителей научной интеллигенции, внёсших большой вклад в развитие культуры этой страны. Елизавета Сергеевна Лукьянова (урожд. Елагина) (1888, Москва – 1967, Монреаль) – историк, специалист по истории и искусству Византии, принадлежала именно к этой части русской эмиграции.

Родившись в Москве в 1888 году, она окончила женскую гимназию С.Н. Фишер, а затем, в 1910 году – литературно-философский факультет Женского университета в Москве. Прослушав курс истории искусств в университете Рима, в 1912–1915 гг. она работала в Музее изящных искусств в Москве, а впоследствии – в Археологическом институте. Здесь Е.С. Лукьянова познакомилась со своим будущим мужем – профессором-египтологом Г.И. Лукьяновым.

С 1920 года они жили в Каире. В эмиграции Е.С. Лукьянова занималась научной работой, основной темой которой стала православная культура. Ею было опубликовано около двадцати научных трудов по христианской археологии. Среди них книга «Православная икона и коллекция монастыря Святого Георгия в Старом Каире»[4]. За работу по христианской археологии Елизавета Лукьянова награждена орденом Св. Марка Александрийского Патриаршего Трона. Сама же исследовательница являлась прихожанкой Патриаршего греческого собора Св. Николая в Каире.

Здесь, в Каире, преодолевая отчуждённость от Родины, Е.С. Лукьянова обрела нравственную и духовную опору, смысл своего существования не только в научных занятиях, но и в помощи Патриарху Московскому Алексию I в налаживании контактов Московской Патриархии с Восточными церквями. Именно в этот период ближневосточное направление стало одним из приоритетных в деятельности Русской Православной Церкви на международной арене. В фонде Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР хранятся письма Елизаветы Сергеевны Патриарху Московскому Алексию I, датированные 1948–1949 гг.

Письма носят очень тёплый и доверительный характер. Лукьянова поздравляет с Пасхой Патриарха и его окружение и выражает надежду на крепость Русской Церкви «до окончания века». В письме от 8 июля 1948 года она пишет: «С болью в сердце переживаю всё, что творится вокруг и около нас». Лукьянова сообщает о жизни православных общин Египта и Палестины, о настроениях, царящих в Александрийской Патриархии, о позиции Патриарха Александрийского Христофора относительно взаимоотношений с Московской Патриархией. Особенно беспокоит Елизавету Сергеевну подверженность Христофора английскому влиянию. «Наш патриарх несвободен в своих действиях, и каждый его шаг диктуется англичанами, – раньше видимо, а теперь невидимо», – пишет она. При этом Лукьянова замечает, что и предшественник Христофора Патриарх Николай был выбран не без влияния английских властей против желания и Синода, и общины[5].

Лукьянова также выступала в качестве переводчика ряда важных документов, подготовленных Московской Патриархией и Советом по делам РПЦ при Совете Министров СССР.

После смерти мужа в конце 1940-х годов Е.С. Лукьянова вместе с дочерью, сестрой милосердия Ириной покинула Египет.

***

Жизненный и духовный мир этих трёх женщин, таких разных, на первый взгляд, по своему происхождению, национальности, образованию, социальному статусу, слился воедино в общем стремлении найти духовный срез бытия, который формировался под влиянием воспитания, полученного традиционного образования, окружения, внешних обстоятельств и поворотов судьбы. Сквозь призму индивидуальных судеб проступают ключевые проблемы социального развития, а также личный субъективный опыт переживания исторических и духовных событий и явлений. Любая мирская деятельность воспринималась ими на мировоззренческом уровне, через призму православия оценивая по своему нравственному содержанию. Эти религиозные установки явились стимулирующим фактором их общественного поведения и нашли своё воплощение в широкой миссионерской, благотворительной, педагогической, научной деятельности.

При этом следует заметить, что для К.М. Горячковской и Е.С. Лукьяновой православие было естественной, органичной почвой и средой обитания. Пережив социальную революцию в своей стране, они не утратили духовной связи с Родиной, а на чужбине видели свою задачу в возрождении русской духовной традиции. В отличие от русских эмигранток, М. Робинсон совершила ещё более значимый переход из католичества в православие, именно здесь обретя подлинную веру и духовное удовлетворение.

Залог самодостаточности этих женщин при всей непохожести их судеб состоял в наличии корневой связи с православными нравственными ценностями независимо от места проживания.

Примечания

[1] См.: *Seide, Georg*. Monasteries & Convents of the Russian Orthodox Church Abroad. An Historical Review. Munich, 1990. P. 77-78; журнал «Святая Земля», январь 1940. С. 11-16; *Трубников, Александр*. Ближний Восток – колыбель Православия. Нью-Йорк: Издание Представительства российских эмигрантов в Америке, 1964. С. 57-58.

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 844. Л. 127–127об.; 128–129; 162–164.

[3] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1105. Л. 75–77; Д. 1109. Л. 29–30.

[4] *Беляков В.В.* Русская эмиграция в Египте (1920-е – 1980-е гг.). История. Документы. Некрополь. СПб., 2018. С. 106-107; *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила…». Русские в Египте. М., 2003. С. 220-223; *Беляков В.В.* Г.И. Лукьянов: штрихи к портрету // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 3 (9). С. 164.

[5] ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 413. Л. 102; Д. 571. Л. 4, 24–24об.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-89-94

В.Г. Бухерт

В.Б. ЛУЦКИЙ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ АРАБИСТИКИ

Проект известного учёного-арабиста В.Б. Луцкого[1] «Об организации работы по изучению истории, экономики и культуры арабских стран», датированный 5 февраля 1949 года, обнаружен в его личном фонде (Ф. 1574), хранящемся в Архиве Российской академии наук (АРАН). Сопроводительных документов к проекту, которые позволили бы уточнить обстоятельства его появления, обнаружить не удалось.

Можно предположить, что проект был составлен в связи с намерением перевести Институт востоковедения Академии наук СССР в Москву (что и было сделано в 1950 году), с задуманной реорганизацией его работы и возможной сменой названия (в проекте В.Б. Луцкого он именуется «Институтом Востока»). Проект состоит из трёх частей, в которых раскрываются задачи, стоящие перед советскими арабистами, определяются кадры, которыми они располагают, и указываются способы достижения поставленных задач.

Об организации работы по изучению истории, экономики и культуры арабских стран в Институте Востока

При организации работы по изучению истории, экономики и культуры арабских стран в Институте Востока надо:

1) Наметить задачи, стоящие в этой области;

2) Определить кадры, необходимые для осуществления этих задач;

3) Обеспечить работу необходимыми материалами.

I. Задачи

1. Изучение арабских стран не должно вестись в отрыве от изучения других стран Востока. Поэтому научный коллектив, изучающий арабские страны, должен быть частью более крупного коллектива, изучающего страны Востока в целом. Следовательно, перед советскими арабистами выдвигается как основная задача – участие в общих коллективных трудах, разрабатываемых Институтом Востока в целом.

2. Очевидно, этими общими задачами должны являться:

1) Подготовка марксистско-ленинских учебников и курсов по истории, экономической географии и экономике, полит[ическому] строю, литературе – как отдельных стран Востока, так и стран Востока в целом. Подготовка учебников, хрестоматий и словарей по восточным языкам.

2) Исследовательская монографическая разработка на основе марксистско-ленинской теории важнейших проблем общественной жизни стран Востока (общественно–экономический строй и общественное развитие стран Востока: проблема восточного феодализма; проблема развития капитализма в колониальных условиях; аграрно-крестьянский вопрос, положение крестьянства и крестьянское движение; положение рабочего класса и рабочее движение; экономические и политические позиции национальной буржуазии; национально-колониальный вопрос; обострение кризиса колониальной системы; экономическая экспансия и политика империализма в странах Востока; межимпериалистические противоречия; проблема сложения наций в странах Востока; национальные и народно-освободительные движения; народные демократии стран Востока; буржуазные политические партии и течения; коммунистические партии стран Востока; идеологии и история общественной мысли стран Востока; отношения стран Востока с дореволюционной Россией; отношения стран Востока с Советским Союзом; экономический и военный потенциал стран Востока и т.д.).

3) Систематический перевод и публикация источников по указанным проблемам.

4) Систематическое наблюдение за текущей жизнью стран Востока (сводки и обзо-

ры прессы). Эта задача не должна ограничиваться регистрацией фактов и их пассивным осмысливанием, но должна включать также разоблачение всех реакционных тенденций и борьбу с ними (полемические статьи, разоблачение империалистической клеветы и дезинформации и т.д.).

5) Систематическое изучение всей выходящей литературы о странах Востока и в странах Востока; разоблачение всех реакционных концепций, враждебных марксизму-ленинизму, и борьба с ними.

6) Популяризация знаний о странах Востока.

7) Создание фундаментальной библиографии по странам Востока.

3. Все работы, подготовляемые советскими арабистами, должны подвергаться обсуждению в арабской секции или группе Института. Наиболее значительные из них должны вноситься на обсуждение Учёного совета Института или научного коллектива Института в целом.

Наряду с этим необходимо также критическое обсуждение на арабской секции всех трудов по истории, экономике, культуре и языку арабских стран, выходящих как в СССР, так и за рубежом; систематическое обсуждение текущих проблем и событий.

4. Результаты работ арабского коллектива, как и всего коллектива Института в целом, должны публиковаться как в книгах, так и в журнале Института. Желательно организовать издание стандартной серии трудов Института со следующими разделами: 1) учебники; 2) словари; 3) справочники; 4) монографии; 5) публикации источников; 5) популярные книги; 7) библиографические справочники.

5. Журнал должен содержать следующие разделы: 1) статьи, являющиеся результатом монографического исследования; 2) статьи и систематические обзоры по важнейшим проблемам текущей жизни; 3) критические статьи, обзоры и рецензии, охватывающие с максимально возможной полнотой всю выходящую литературу о странах Востока и в странах Востока; 4) важнейшая документация; 5) хроника научной востоковедной жизни.

7. В ближайшее время могут быть изданы следующие законченные или находящиеся в работе монографии советских востоковедов по новой истории арабских стран:

1) Монография Вильчевского[2] о национальном движении курдов[3].

2) Кандидатская диссертация С.Р. Смирнова[4] «Махдистское восстание в Судане»[5].

3) Кандидатская диссертация Т.В. Еремеевой «Египетский кризис 1831–1833 гг.»[6].

4) Кандидатская диссертация Г.Л. Бондаревского[7] «Багдадская железная дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток»[8].

Указанные кандидатские диссертации защищены и в основном готовы к изданию.

Работают над кандидатскими диссертациями о республике Риф и национально-освободительной войне 1921–1926 гг. в Марокко преподаватель ВДШ Г.А. Остоя-Овсяный и аспирантка МИВ Н.С. Луцкая[9]. Аспирант МГУ В. Киселёв[10] работает над диссертацией о рабочем движении Египта. Младший научный сотрудник ИЭ В.М. Федоренко[11] работает над диссертацией о национальном движении в Сирии и Ливане. Н.Г. Ахриев[12] изучает историю армий и военного дела в арабских странах**.**

Над докторскими диссертациями работают: В.Б. Луцкий – на тему «Национально–освободительная война 1925–1927 гг. в Сирии»[13] (должна быть закончена в конце 1950 г.), Х.И. Кильберг[14] – о реформах Мухаммеда Али[15] в Египте. М.В. Чураков[16] подготавливает диссертацию об Абд аль-Кадире[17].

Из дипломных работ, заслуживающих напечатания при соответствующей переработке, следует указать работу М.Н. Зислина[18] «Рабочее движение в Палестине в период второй мировой войны» (МГУ).

Из сводных работ закончены «Очерки новейшей истории арабских стран» В.Б. Луцкого и находятся в работе «Очерки новой истории арабских стран»[19].

7. При всей актуальности перечисленных тем они охватывают далеко не все вопросы, стоящие перед советской арабистикой в области новой и новейшей истории арабских стран. Выбор этих тем в значительной степени случаен и свидетельствует о разнобое,

порождённом индивидуально-кустарническими методами научной работы. При создании коллектива, объединяющего усилия арабистов всей страны, надо будет обратить особое внимание на планирование тематики, на концентрацию коллективных усилий вокруг разработки тем, на установление очерёдности тем в соответствии с их актуальностью.

8. К сожалению, я не располагаю точными сведениями о том, над какими темами работают арабисты в области медиевистики, лингвистики и литературоведения.

Однако здесь надо возможно скорее завершить:

1) Издание «Очерков по истории русской арабистики»[20] и исследования об арабских географах академика И.Ю. Крачковского[21];

2) Монографию Е.А. Беляева[22] об Ибн Хальдуне[23];

3) Переиздание арабско-русского словаря и подготовку русско-арабского словаря[24] профессора Х.К. Баранова[25];

4) Издание хрестоматии современной арабской литературы К.В. Оде-Васильевой[26].

9. Из тем для текущих обзоров по арабским странам – для напечатания их в журнале – следует назвать:

1) Экономическое положение арабских стран после второй мировой войны.

2) Обострение кризиса колониальной системы и арабские страны (или национально-освободительные движения в арабских странах на современном этапе).

3) Рабочее движение в арабских странах на современном этапе.

4) Экспансия американского империализма и англо-американские противоречия в арабских странах.

5) Кризис Лиги арабских государств.

6) Проблема Восточного блока.

7) План «Великой Сирии».

8) Классы и партии современного Египта.

9) Борьба египетского народа против английского империализма после второй мировой войны.

10) Суданская проблема.

11) Американский империализм в Саудовской Аравии.

12) Проблема итальянских колоний.

13) Сионизм – орудие англо-американской реакции.

14) Современное положение в Ираке.

Конечно, жизнь может поставить и новые темы. Для разработки этих тем следует создать широкий авторский коллектив, охватывающий не только научно-теоретических, но и практических работников.

II. Кадры

Для организации указанной работы необходимо создать большой и сильный научный коллектив, охватывающий всех арабистов Советского Союза. Этот коллектив не должен ограничиваться штатными работниками и аспирантами Института, но должен включать также научных работников и аспирантов других исследовательских институтов и вузов как Москвы и Ленинграда, так и провинции, а также практических работников.

Наилучшей формой организации этого коллектива была бы арабская группа или ряд групп (например, группа по истории арабских стран, группа по экономике арабских стран, группа по истории арабской литературы, группа арабского языка и т.д.) при Институте Востока или же соответствующие секции при научном обществе советских востоковедов. В ряде случаев эти группы или секции могли бы наладить общую комплексную работу.

2. Само собой разумеется, что строить работу исключительно на активе нельзя. Необходимо создать ядро из штатных работников Института, определив его размер, исходя из практических возможностей.

Однако учитывая при этом:

а) что арабские страны рассматриваются англо-американским блоком как один из главных плацдармов для подготовки новой войны;

б) что исчерпывающее изучение этих стран требует огромных усилий;

в) что до сих пор изучению арабских стран, особенно их новейшей истории, уделялось недостаточное внимание и что число штатных единиц по арабским странам в различных учреждениях АН СССР совершенно недостаточно;

г) что арабских стран насчитывается, по меньшей мере, 14-15 (Египет, Судан, Сирия,

Ливан, Палестина, Трансиордания, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, княжества Южной и Восточной Аравии, Ливия, Алжир, Тунис, Марокко), что каждая из них имеет свои особые проблемы, требующие специального изучения; что большинство из них имеет богатую литературу и прессу.

Так, например, литература и пресса по одному только Египту или по одной только современной Палестине не уступает, а, возможно, и превосходит литературу и прессу по Турции или по Ирану. Изучение арабских проблем, систематическое наблюдение за литературой и прессой требует наличия специальных работников по отдельным арабским странам. В частности, по истории арабских стран необходимо иметь не менее 1-2 сотрудников на Северную Африку (Алжир, Тунис, Марокко, Ливия), не менее 2 сотрудников на Египет, не менее 2 сотрудников на Палестину и Трансиорданию (из них одного со знанием древнееврейского языка), не менее 1 сотрудника на Судан и сопредельные страны (Абиссиния), не менее 1-2 сотрудников на Сирию и Ливан, не менее 1 сотрудника на Ирак, не менее 1 сотрудника на группу стран Аравийского полуострова (Саудовская Аравия, Йемен, княжества Южной и Восточной Аравии), не менее 1-2 сотрудников на медиевистику, а всего не менее 10-13 сотрудников.

В этом отношении следует сослаться на опыт Научно-исследовательской ассоциации [по изучению] национальных и колониальных проблем[27], арабский кабинет которой, при всём скромном масштабе своей работы, насчитывал 10-12 штатных научных сотрудников.

3. Наконец, следует организовать докторантуру и аспирантуру Института по арабским странам. Наиболее желательными кандидатами для докторантуры по новой истории арабских стран являются М.В. Чураков, С.Р. Смирнов, Т.В. Еремеева, Г.Л. Бондаревский, а в будущем Г.А. Остоя-Овсяный.

В кандидатскую аспирантуру следовало бы привлечь из окончивших в прошлые годы: С. Алитовского[28], Гришечкина, В. Киселёва, З.И. Левина[29], Федченко[30], М.Н. Зислина (некоторых из них возможно без отрыва от работы), а из оканчивающих в этом году Л. Баранову и Самородницкого (МИВ), И. Смилянскую[31] и Н. Калинина[32] (МГУ).

По языку и литературе в кандидатскую аспирантуру следует привлечь В. Красновского[33] и В. Соловьёва[34] (МИВ).

III. Материалы

Исходя из положительного опыта других востоковедных исследовательских учреждений, следует организовать арабский кабинет – для концентрации и хранения всех материалов, необходимых для изучения арабских стран. При этом кабинете (а если возможно, то и при Институте в целом) должен быть выделен специальный отдел или фонд хранения секретных материалов.

2. Книжный фонд и фонд периодики этого кабинета должен быть составлен посредством:

а) отбора книг из дублетных фондов существующих библиотек (Ленинская, Историческая, ФБОН АН, ИМЭЛ, МИД, МИВ, ЛГУ и др.) – на что следует получить соответствующее разрешение;

б) отбора книг из фондов, нераспределённых по библиотекам;

в) получения литературы из ВОКС'а (необходимо добиться, чтобы вся литература по странам Востока, получаемая в больших количествах ВОКС'ом, поступала в библиотеку нового института);

г) организации книгообмена с советскими и зарубежными научными учреждениями;

д) приобретения и выписки литературы и периодики.

Список периодических изданий, необходимых для выписки, прилагается (см. Приложение 1).

3. Необходимо обеспечить получение материалов ТАСС'а (Вестника иностранной информации и т. н. «Красного ТАСС'а»).

4. Необходимо организовать архив газетных вырезок.

С этой целью следует:

а) производить систематические вырезки из газет, получаемых институтом;

б) добиться передачи из Института истории АН СССР той части архива газетных вырезок НКИД СССР за 1918–1935 гг., которая относится к странам Востока;

в) договориться с МИД о передаче Институту Востока архива газетных вырезок с 1936 г.

г) выяснить судьбу архива газетных вырезок других учреждений (международный Аграрный институт, Профинтерн и др.) и по возможности получить их.

5. Что касается восточных рукописей, то, очевидно, в распоряжении Института будет богатейшая коллекция ИВАН'а в Ленинграде. Вряд ли целесообразно начинать собирание новой коллекции их в Москве. Видимо, все новые поступления восточных рукописей должны концентрироваться в Ленинграде с целью дальнейшего расширения существующей коллекции.

6. Так как даже самая обширная библиотека не может сосредоточить все существующие материалы для изучения стран Востока, библиографическая секция Института должна в кратчайшее время подготовить сводный каталог книг, периодики и рукописей по библиотекам Москвы и Ленинграда, а затем охватить и периферийные библиотеки (Казань, Ташкент, Алма-Ата, Баку, Тбилиси, Ереван и др.).

5/II–1949 г.
В. Луцкий

АРАН. Ф. 1574 (В.Б. Луцкий). Оп. 2. Д. 29. Л. 1–11. Машинопись.

Примечания

[1] Луцкий Владимир Борисович (1906–1962) – востоковед-арабист, преподаватель МГУ (1936–1958), старший научный сотрудник Института этнографии (1957–1959), Института Африки (с 1959 г.) АН СССР. (См. о нём: *В.Г. Бухерт*. Г.А. Нерсесов о В.Б. Луцком и С.Р. Смирнове // Восточный архив. 2012. № 1 (25). С. 81-86; *Он же*. В защиту советской арабистики. Письма В.Б. Луцкого Н.С. Хрущёву и А.М. Панкратовой. 1953 г. // Восточный архив. 2014. № 1 (29). С. 68-75; *Он же*. «Материал следует брать только из первоисточников». Отзыв В.Б. Луцкого на реферат Е.М. Примакова. 1955 г. // Восточный архив. 2016. № 2 (34). С. 85-88; *Он же*. «Для осуществления всех его замыслов не могло хватить одной жизни». В.Б. Луцкий об академике И.Ю. Крачковском // Восточный архив. 2017. № 1(35). С. 71-76.

[2] Вильчевский Олег Людвигович (1902–1964) – историк, этнограф, ст. научный сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР (с 1959 г.).

[3] См.: *Вильчевский О.Л.* Курды. Введение в этническую историю курдского народа. М.-Л., 1961.

[4] Смирнов Сергей Руфович (1909–1969) – историк, зав. сектором истории Института Африки АН СССР (с 1959 г.).

[5] См.: *Смирнов С.Р.* Восстание махдистов в Судане. М.-Л., 1950.

[6] См.: *Еремеева Т.В.* Египетский кризис 1833 года // Известия АН СССР, серия истории и философии, 1948. Т. 5. № 2. С. 201-203; *Она же*. Заключительный этап египетского кризиса 1831–1833 гг. и великие державы // Учёные записки по новой и новейшей истории. М., 1956. Вып. 2. С. 475-518.

[7] Бондаревский Григорий Львович (1920–2003) – историк, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1958–1976).

[8] См.: *Бондаревский Г.Л.* Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888-1903). Ташкент, 1955.

[9] Луцкая Наталия Сергеевна (1916–1984) – историк, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1961 г.). (См.: *Луцкая Н.С.* Марокко вновь обретает независимость. М., 1958; *Она же*. Республика Риф. М., 1959).

[10] Киселёв Владимир Иванович (1924–2008) – историк, переводчик, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1961 г.).

[11] Федоренко Всеволод Михайлович (1912–1989) – историк, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1954–1980).

[12] Ахриев Нуреддин Габертович (1904–1987) – филолог-арабист.

[13] См.: *Луцкий В.Б.* Национально-освободительная война в Сирии (1925–1927 гг.). М., 1964.

[14] Кильберг Хися Израилевна (1902–1978) – историк, ст. научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (с 1950 г.).

[15] Мухаммед Али (1769–1849) – паша Египта (с 1805 г.).

[16] Чураков Михаил Васильевич (1893–?) – историк-арабист, доцент ЛГУ (1939–1951).

[17] Абд аль-Кадир (1808–1883) – вождь восстания против французских завоевателей в Алжире в 1832–1847 гг. (См.: *Чураков М.В.* Народ-

ное движение в Магрибе под знаком хариджизма. М., 1990)

[18] Зислин Меер Натанович (1916–2003) – историк, семитолог-гебраист, сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (1955–1984).

[19] *Луцкий В.Б.* Новая история арабских стран. Изд. 2-е. М., 1966.

[20] См.: *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.-Л, 1950.

[21] Крачковский Игнатий Юлианович (1883–1951) – востоковед-арабист, академик Российской АН (АН СССР) (с 1921 г.). (См.: *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004).

[22] Беляев Евгений Александрович (1895–1964) – историк, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1956 г.).

[23] Ибн Хальдун (1332–1406) – арабский историк и философ.

[24] См.: Русско-арабский словарь. М., 1955-1957. Вып. 1-2.

[25] Баранов Харлампий Карлович (1892–1980) – филолог-арабист, зав. кафедрой арабского языка МГИМО МИД СССР (с 1954 г.).

[26] Оде-Васильева Клавдия Викторовна (1892–1965) – востоковед-арабист, профессор МГУ (с 1960 г.). (См.: Образцы новоарабской литературы (1880–1949). М., 1949).

[27] Имеется в виду Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП), созданная в начале 1927 г. при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) им. И.В. Сталина.

[28] Алитовский Сергей Николаевич (род в 1923 г.) – экономист, научный сотрудник Института востоковедения (1960–1967), Института мирового рабочего движения (с 1967 г.) АН СССР.

[29] Левин Залман Исаакович (род. в 1923 г.) – историк-арабист, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1953–1957 и с 1980).

[30] Федченко Алексей Фёдорович (1913–1983) – историк-арабист, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1953 г.)

[31] Смилянская Ирина Михайловна (1925–2019) – историк-арабист, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1956 г.)

[32] Калинин Николай Георгиевич (1922–1993) – историк-арабист, преподаватель, доцент (с 1966 г.) Института стран Азии и Африки при МГУ (1956–1979), научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1979 г.)

[33] Красновский Владимир Николаевич (1927–1997) – филолог-арабист, профессор МГИМО.

[34] Соловьёв Владимир Иосифович (?–?) – арабист, профессор МГИМО.

DOI: 10.31696/2072-5795-2022-1-95-107

С.В. Прожогина

НАПОМИНАНИЕ О СТАРЫХ ЗНАКАХ НОВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЛИТЕРАТУРЕ МАГРИБИНЦЕВ

И произошли молния, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так велико!

(Откровение Св. Иоанна Богослова, гл. VI; 18)

Когда земля задрожит, содрогаясь,
И извергнет то, что в её чреве,
И человек спросит [в страхе]: «Что с нею?»
В тот день она поведает о том, что с нею.

(Коран, сура 99)

В сегодняшнее время всё происходящее в мире нередко оценивается сквозь призму неких знамений: тут и пандемия, и разного рода климатические катаклизмы вплоть до снега в Сахаре и песчаных бурь в Европе и Азии, и прочие наводнения, извержения вулканов и землетрясения, катастрофы… Всё это как бы неслучайно в народном сознании, нечто предвещающее, о многом предупреждающее и даже предсказующее некие глобальные и политические, и общественные трансформации.

Конечно, массовое сознание и осознание реальных возможностей современного человечества разнятся. А художественная литература как часть сознания общественного издавна реагировала по-своему на традиционные приметы жизни. Пример из истории магрибинской – весьма, на мой взгляд, показателен.

Возникшая на заре пробуждения национального самосознания народов Магриба, постепенно решавшихся освободиться от власти французов, новейшая литература алжирцев, марокканцев и тунисцев была с самого начала (с 30-х гг. XX в.) отмечена *разломом эпох*. Завершалась эра колониализма, приближалась независимость – время желанных перемен, предчувствуемых как время Свободы, Справедливости, грядущего Счастья, чем-то похожего на обещанный Господом рай… Это священное время – Будущее, – которое воспевалось поэтами, приближалось борцами национально-освободительных движений, укрепляло веру в победу, питало любовь к родной земле, наполняло литературу состраданием к угнетённым и отверженным, восхищением талантом, мудростью, терпением своего народа.

Но вот, казалось бы, свершилось. Желанная Независимость пришла, её (так или иначе) добились. В Марокко и Тунисе уже в 1956 году, в Алжире – в 1962 году. Там война затянулась на целых 8 лет и, конечно, многое изменила в сознании и общественном, и художественном. Долгий кровавый конфликт не мог не вызвать тяжелых раздумий даже у такого классика, как М. Диб, чья трилогия 50-х гг. «Алжир» («Большой Дом», «Пожар», «Ремесло ткача»)[1] эпически запечатлела пробуждение национального самосознания алжирцев и показала истоки и мотивы восстания народа. Но романы М. Диба 60-х гг. «Кто помнит о море»[2], «Бег по дикому берегу»[3], «Пляска смерти»[4] – это уже подведение итогов Войны, увиденной как Трагедия, как катастрофа, как некое жертвоприношение Человека во имя Идеи, которая, как «безмолвная Гора», остается недосягаемой и безразличной к судьбам тех, кто отдал свои жизни за идеалы Освобождения…

Но, пожалуй, именно М. Диб впервые запечатлел Войну и как **катаклизм**, как **разлом** двух миров, насильственное **разъедине-**

ние двух берегов, волею истории скреплённых одной землей. Восприятие Войны как «стихии», смывающей с лица земли старый Порядок, старый Мир во имя торжества Нового, трансформируется в творчестве писателя именно в ощущение **катаклизма**, катастрофы, разверзнувшей землю, некоего хтонического бедствия. Когда в бесконечном удалении «берегов» друг от друга, в разломах земли гибнут люди, а оставшийся в живых человек (названный Дибом «Сыном Света») вынужден преодолевать бесчисленные препятствия в поисках «Нового Города» (некоего аналога «Новой жизни»), исчезнувшей «Возлюбленной» (двойного олицетворения Алжира: его восточной и одновременно западной сущности), в поисках «Света» (символа Надежды на обретение счастья), который в конечном итоге оказывается иллюзорным…[5]

Эхо этого катаклизма, в котором – Война двух миров, Алжира и Франции, ещё долго будет слышаться в романах М. Диба и в 70-е, и в 80-е гг., и в начале 90-х гг. XX в., пока в Алжире не разразится новая катастрофа. В его романе «Если захочет Дьявол» (1998 г.)[6] она обозначается как пришествие «царства Зла», всеобщего Хаоса, – так воспринималась теперь уподоблённая апокалипсису гражданская война, вспыхнувшая в стране. Война наделена художником атрибутами «конца света». Казалось бы, померкли все идеалы, за которые боролись патриоты во время антиколониального восстания народа, и мрак отчаяния и безнадёжности охватывает землю, замерзающую от затяжных холодов, залитую кровью на сей раз братоубийственной бойни. Если бы не память стариков, которые помнили об идеалах Прошлого и держали в руках старые ружья…

Но не только Война как некая универсальная форма *разрушения* мира, но и всякая его «*ломка*» (démentelement, по выражению алжирца Р. Буджедры[7]) как нарушение определённого равновесия разных его составляющих, вообще всякая форма *уничтожения старого* или отжившего, как форма *избавления от Прошлого* (чаще – от его оков, а не любых традиций, оставшихся в наследство, «завещанных предками») рисуются также в образах *катаклизмов*, сотрясающих землю, отторгающую Зло, разъедающее её, подобно «язвам». Так, арабское название романа алжирца Т. Ваттара – «Аль-зильзаль» («Землетрясение»)[8] – именно в таком ракурсе концентрирует восприятие происходивших в 70-е гг. в Алжире перемен эпохи «аграрной революции».

С точки зрения вполне тогда революционно настроенного автора (ставшего впоследствии рьяным защитником «исламских ценностей»), постколониальные реформы Алжира – а их официально называли социалистическими, – действительно сотрясали «старые устои», ломали традиционные рамки жизни, вовлекали массы людей в процесс радикального переустройства мира, унаследованного после 132-летнего господства французских колонизаторов.

Но земля дрожала не только от бурных преобразований, задуманных во благо всегда страдавшего от нищеты народа, но и под ногами тех, кто не смирялся с утратой своих владений. Фантастические богатства алжирских шейхов, крупных феодалов (не менее состоятельных, чем самые крупные французские колонисты), уплывавшие в руки нового алжирского государства, национализировавшиеся новой властью, – этот процесс становится также причиной схватки Старого и Нового мира и душевного смятения главного героя романа (представителя тех, у кого земля *отнималась*), переживающего всё происходящее в стране именно как «сотрясение» самой Жизни, как погружение в Хаос и Мрак. И не только потому, что на самом деле в это время происходит землетрясение: Шейх «ослеплён чёрным светом» *новой зари*, взошедшей над его землей, его разум меркнет от «палящего зноя», он чувствует себя «оскоплённым», он задыхается от жажды мщения, повергнут в непрекращающийся приступ лихорадки, сотрясавшей его тело, охватывавшей его «горячечными видениями», галлюцинациями *разрушающегося мира*.

Под его ногами не только реально «разверзлась бездна» – «мрак» отчаянья «поглощал его», наступало время «безжизнья»: *распадалось* даже само его тело, «нутро» его

«извергалось изо рта, носа, глаз». Так ужасно было и реальное, и символическое «содрогание земли» вокруг…

Своего рода политический катаклизм (расстрел антиколониальной демонстрации в Алжире в мае 1945 г.) становится побудительным мотивом создания символико-аллегорической драматургии Катеба Ясина («Кольцо репрессий»[9]), для которого главной целью было не столько «сотворение театра» как такового, сколько некое театрализованное (ибо позволявшее **диалог** автора с его героями) воплощение самой судьбы Алжира, рождения в нём Нового человека, разрывающего оковы Старого мира, сотрясающего все его основания, кроме завета предков «Беречь Свободу» своей земли от всякого рода захватчиков.

К символико-аллегорической драматургии Катеба Ясина примыкает «Алжирский театр» Анри Креа[10], состоящий из трагедии «Землетрясение» (1957) и фарса «На берегу реки» (1961). Ко времени публикации «Алжирского театра» Креа был известен как автор нескольких поэтических сборников, эссе «Революция и поэзия» и романа «Джамаль». Как и Катеб Ясин, Анри Креа использует театр для отражения проблематики глобальной, связанной с историческим конфликтом, «борьбой миров», с необходимостью понимания сути эпохи отвоевания Независимости.

Как и Катеб Ясин, Креа кладет в основу трагедии факт **реальный** (землетрясение в алжирском городе Орлеанвиле в сентябре 1954 г. – практически накануне ноябрьского восстания алжирцев), обращается к истории страны, к мифологическим образам. Однако, в отличие от Катеба Ясина, театр Креа композиционно более уплотнён, однолинеен, подчинён решению и воплощению единственной темы, связанной прежде всего с задачей политической – освобождением Алжира от колониализма.

«Строгости» тематической соответствует и ролевая – персонажи трагедии наделены лишь обобщающими их исторические и социальные функции «масками» (солдата, полководца, молодого человека, старика, старухи, девушки); Корифей и хор несут не столько сюжетно-интерпретаторскую, сколько идеологическую нагрузку, выражая волю народа, призывая к действию, вводя непрямую авторскую речь, раскрывающую политическую значимость происходящего.

Несмотря на обращение к реальным фактам истории Северной Африки (завоевание древней Нумидии римлянами, восстание берберского царя Югурты во II в. до н.э., французская колонизация Алжира в XIX в., начало антиколониальной войны в XX в.), уже в прологе устами Корифея автор делает заявку на универсальный смысл ситуации, на общезначимость категорий добра и зла, долга, чести, предательства, рабства, пробуждения духа свободы – основных смыслообразующих элементов трагедии. И даже стихийное событие, послужившее толчком к созданию драматургического произведения (землетрясение), обретает знаковость, амплифицируется, воспринимается как символ, трансформируя и коранический образ, с которым естественно связывается название трагедии в сознании читателей и зрителей – мусульман.

Нестихавший гул земных недр, непрекращавшееся «кипение» и бурление рек, громыхающие и сверкающие молниями небеса, очищающие ливни – всё словно напоминало о необходимости восстания, не давало вновь «уснуть», погрузиться в забвение, звало к борьбе. И люди услышали голос древнего полководца, восставшего против римлян – Югурты, шедший к ним из глубины столетий, из бездны отчаяния, напоминая, как Всевышний, как вечный Судия, как сама «единая и неделимая душа и совесть народа», о том, что надо положить конец несправедливости, тому нескончаемому несчастью, которое уготовано им судьбой, которое, как тяжёлая болезнь, как проклятие, нависло над страной, истощало её, опустошало поля и недра. И происходит последний «взрыв» – взрыв накопленной в долгом «сне» энергии народа, и с первым глотком ноябрьского утра, зари новой эры, было сказано последнее «нет» национальному бесчестию и позору.

Так пришедшая в движение сама родная земля, заставившая содрогнуться горы и закипеть реки, пробудившая людей и преду-

предившая всю планету о том, что наступает эра обновления, становится синонимом революции, карающей и спасающей одновременно.

Определенное как «трагедия», «Землетрясение» концентрирует героическую коллизию эпохи и исполнено пафоса борьбы с предопределением в судьбе народа, самой национальной истории. Революционная патетика, лозунговость – стилистические атрибуты этой трагедии, но для автора предельная политическая и идеологическая «обнажённость» произведения означала выражение предельной напряжённости самого исторического момента, переживаемого страной. Смысл художественного образа, отражённого в названии («сотрясение земли»), в том, что, в отличие от религиозного, он не столько символ урока, суда, возмездия, сколько удар исторического гонга, призыв к борьбе, разлом миров, смещение времён. «В тот день выйдут люди толпами, чтобы им показаны были их деяния», – предупреждает Коран (сура 99; 6/6)[11]. «Увидим агонию угнетателей народов», «торжество героев, низвергнувших старый мир», – свидетельствует алжирский поэт, приветствовавший революцию – восстание своего народа против колониализма.

Как можно было отметить, в вышеназванных произведениях художественный параллелизм, возникающий при сравнении (или уподоблении) изображаемого с природным катаклизмом, имплицитное отождествление всякой Войны (или Революции, как это называлось в период антиколониального сопротивления и в постколониальное время – эпоху реформации) с вселенской катастрофой, «материальные» признаки её (образы разлома, распада, отторжения, «выбросов» земли) используются или привлекаются писателями, скорее, как вспомогательные средства для идеологического, концептуального заострения смысла произведения, для создания параболического (или гиперболического) эффекта, сгущающего отношение художника к фиксируемой им исторической реальности.

При этом нельзя не отметить некую естественность обращения магрибинцев к мотиву «содрогания земли» не только как к кораническому мотиву «судного дня» (повторённому в священной книге мусульман после библейского). Для североафриканцев землетрясения как таковые, реальные, – явления не исключительно редкие, но случающиеся в этой части Средиземноморья довольно часто.

Но в художественной литературе магрибинцев есть произведения, где реально происходящее землетрясение служит исходным мотивом, первопричиной разрабатываемого на его основе сюжета, структурообразующим образом, не столько заостряющим смысл изображаемого, сколько обнажающим его, позволяющим увидеть глубину самой реальности, скрытую её суть, словно явленную из бездны разверзнувшихся недр. Содрогаясь, земля в своих руинах как бы представляет все свои уже ничем не прикрытые общественные противоречия, свои внутренние антагонизмы, внезапно открывает свои скрытые раны, страдания и устремления людей, на ней живущих.

Среди тех писателей, кто использовал эту тему, был и марокканец Мохаммед Хайреддин, который в 1967 году, написав роман «Агадир»[12], запечатлел в нём одно из самых разрушительных землетрясений, пережитых его страной незадолго до создания произведения, и использовал этот «природный факт» для выражения личного протеста против монархического режима, определившего развитие Марокко (катастрофическое, с точки зрения писателя) после обретения политической независимости.

В художественной литературе это было одной из первых (и отрицательных) реакций на **постколониальную реальность**, что вызвало ответную, не менее негативную реакцию Власти, а это, в свою очередь, определило дальнейшую судьбу писателя, практически запрещённого на родине, ставшего скитальцем и рано ушедшего из жизни.

Но и ранее Хайреддин, прозаик и поэт, уже зарекомендовал себя на страницах литературных журналов как яростный противник рутинных художественных форм, традиционного реализма, новатор, авангардист, «разрушитель спокойствия», «смутьян и

бунтарь», ненавистник духовного и социального застоя (так называл он сам себя и его критики). Однако писатель не случайно обратился к крупной жанровой форме, хотя «Агадир», конечно, не столько роман (как это определяет сам автор), сколько некая синтетическая конструкция, где повествовательная, прозаическая часть переплетается с элементами драматургии. Подобное масштабное художественное пространство позволяло автору более свободную форму самовыражения.

Череда размышлений, описаний, диалогов (с «предками», с «историческими деятелями», с «современниками», – что сближает автора с алжирцами Катебом Ясином и Анри Креа), монологов, лирических отступлений, дневниковых записей, перемежающихся, сочетающихся, создаёт некую «трёхмерную объёмность». Здесь взаимодействуют воображение, объективная реальность и эмоциональная, субъективная реакция на неё (автора и его героя, слитых воедино) как отражение внутреннего, духовного мира человека, небезразличного к судьбе своей страны и своего народа.

Случившийся в 1964 году в Агадире, городе на марокканском атлантическом побережье, катаклизм – как повод, как вполне реалистическое сюжетообразующее начало романа: герой – чиновник какого-то государственного ведомства отправлен в командировку на место катастрофы для написания отчёта о случившемся и предложений по *восстановлению* города из руин.

Задание формулируется так: «Вам поручено успешно завершить это дело» [с. 11]. Но на месте выясняется, что *восстанавливать нечего*. Разрушенное дотла, поглощённое бездной разверзнувшейся земли, превращённое в пустыню пространство, где свершилась катастрофа, не подлежало никакой попытке восстановления (rétablissement). Не было как будто «никакого намёка на существование здесь какого-то Города…» [с. 11].

Груды камней, мусора, грязи, отбросов свидетельствовали о бесполезности усилий, какой-либо «коррекции», «реконструкции человеческого существования». Люди словно никогда и не жили здесь, и можно было догадываться, что на этой земле «что-то было», только по «подземному гулу», который свидетельствовал о признаках «трупа Города, сошедшего в свою могилу…» [с. 13].

Реальная картина руин, представшая взору героя, которому доверено собрать «реальную информацию», написать деловой отчёт, – начинает как бы совмещаться с неким «миром теней», их «голосами», их «посланиями», переходя в план воображения, где постепенно разыгрывается целое «действо», в котором один за другим выступают перед героем «представители земли», потерпевшей катастрофу.

Воображаемое пространство постепенно театрализуется: декорации окружающих героя руин служат и прекрасным фоном, и сценой, где начинает разворачиваться совсем другой сюжет. От задачи «расчистки» и «возрождения» автор отвлекает героя на **анализ** самой катастрофы, которая теперь не столько созерцается как *итог*, сколько совмещается с *истоком трагедии* – не природной стихии, **но современной истории марокканского народа и общества**. Поэтому рефреном повествования в «Агадире» (переходящим из главы в главу как фраза-зачин) становится сюрреальное описание, символически созвучное настроению свидетеля реального общественного катаклизма: «Город рушится, вытекая, подобно тяжёлым жёлтым густым, маслянистым каплям с кровавобелыми прожилками, падающими в мякоть извилин моего мозга, проникая в мою память» [с. 18].

Гнёт нищеты, гнёт несвободы, совмещаясь в памяти, рождал образ «берберского вождя» (у Анри Креа это Югурта) из далёкого Прошлого, взывавшего к восстанию против угнетателей родной земли, призывавшего свой «расколотый на части народ» (le peuple décomposé) «собрать силы», «вспомнить о чести», достоинстве «свободных африканцев» и *изгнать* из «разрушенного царства» тех, кто обрекает его на забвение своей прежней свободы, «избавиться от оков и застоя…»[13] [с. 25].

Но «голос» не только далёкого, но и недавнего прошлого слышится в руинах Города: «командир Армии Освобождения», бо-

ровшейся за независимость страны от Франции, призывает народ «вспомнить о славном подвиге тех, кто попытался *возродить человека*», «поднять его с колен», «отрубить прогнившие корни», державшие его в смирении и покорности, «в плену у чужеземцев и отживших традиций» [с. 26].

Среди голосов, идущих из Прошлого как напоминание, как взывание к отмщению, к истинному возрождению, всё больше тех, в ком выражен прямой протест и не скрывается **адрес** гнева: «Я ненавижу устои монархии!» [с. 27].

Вступая в общий хор, «вожди племён» клянутся только «верности своей земле», «истерзанной шакальими зубами», «разорванной в клочья бешеными псами», земле исстрадавшейся, но ещё таящей в себе силу, способную восстановить её могущество, её «неуязвимость». И на этой, возрожденной, «законной» для её народа земле не смогут больше никогда обозначиться «ни скипетр, ни корона»… [с. 29].

Но слышались в руинах и голоса тех, кто сомневался в том, что **на этой земле** можно обрести былую солидарность, взаимопомощь, получить работу, избавиться от нищеты. И какой-то «пастух» просил лишь об одном: «Дайте мне паспорт! Я уеду во Францию. Стану шахтёром, простым рабочим, скроюсь во тьме чёрной земли, увижу полыхающий в её чреве огонь... Пусть лучше умереть там, хватило бы силы…» [с. 31].

«Стадо овец» предупреждало пастуха: «Не надо никуда уезжать. Там холод и снег. Это ужасно». И просило подтвердить очевидцев, уже испытавших ужасы эмиграции: «Помешайте этому человеку отправиться за море или убейте его сразу!» [с. 31].

Эти голоса напомнили герою реальные картины его собственного опыта жизни на чужбине, в самом начале его пути, когда он думал избавиться от нищеты, уехав в эмиграцию. В памяти всплыли убогие каморки, где ютились такие же эмигранты, поиски работы, куска хлеба и вечный холод, изматывавший душу и тело… Но реальность пережитого вновь совмещалась с воображаемым, и гул голосов обращал сознание героя к руинам, словно страницам открывшейся ему «книги жизни» его земли, к «знанию», почерпнутому в ней, в звуках плача самих камней: «Нас убивают. Земля разверзлась под тяжестью отсечённых голов… Город рушится…» [с. 34].

Фантазии о будущем Города были не только способом избавления от назойливых напоминаний Прошлого и Настоящего, от голосов, свидетельствовавших, пусть в пространстве воображения, но о **реальных проблемах** страны. Фантазия была единственным *дозволенным* герою «Агадира» уделом: «Я должен сознаться, что **не ищу правды**. Я получил указания на этот счёт… Мне надо придти к такому заключению, которое должно бы их устроить… Правда ничего не значит. Надо с этим считаться. Жить этой жизнью» [с. 49].

В поэтическом творчестве М. Хайреддина эта жизнь обозначена как «une regne négative», как «отрицательно заряженный мир». И это «отрицательное царство», и оно уравнено – по «заряду» – с его (лирического героя) собственной протестующей, бунтующей, отрицающей этот мир сущностью («un corps négatif»!). И это уравнение личной судьбы героя в «Агадире» с судьбой изначально терпящего беды, «исторические катастрофы», Марокко свидетельствует о «порядке» **не**-праведном, **не**-справедливом (с тех самых времён, когда на эту землю вторгались и римляне, и арабские бедуины, и французы, и другие завоеватели), всегда связанном с **не**-свободой, с насилием, и он был схож с бесконечно длившимися личными неустроенностью, несчастьем, «непрочностью» жизни человека, выросшего в нищете, претерпевшего муки эмиграции, вернувшегося на родину и увидевшего её «в руинах», в страданиях, от которых «закипала кровь».

«Негативное царство» неслучайно напоминает ему трущобы и «берлоги», в которых ютились эмигранты во «мраке и холоде чужбины», где арабы так и не избавились от презрительных кличек, уравнивающих их с «рабочим скотом»[14] [с. 65]. Поэтому логичен вновь возникающий у Хайреддина мотив «**Corps négatif**» как внутренний императив человека, отрицающего **ложь** окружающего его мироустройства и прорывающегося на

встречу с **правдой**: писать об увиденном «простой отчёт» или даже «журналистский репортаж» означало бы *предать само землетрясение*, сами руины и раны погибшего Города. Он не подлежал **никакому спасению, никакому воссозданию**, ибо был основой преступления против народа: «Мой побитый, поруганный народ… Мой забытый народ… Мой измученный своей доверчивостью народ… Мой превращённый в рабочий скот народ… Мой обманутый народ… Мой живущий в тупике жизни народ. Мой безгласный народ. Мой бесправный народ. Мой подобный этому огромному нулю, зияющему в небе, народ…» [с. 68; 70]. В этом анафорическом, похожем на заклинание, выражении сострадания к своему родному краю и его народу, – всегда присущем творчеству автора «Агадира», – поражает не столько даже точность атрибутов (как последствий угнетения) народной жизни, сколько резкость впервые появившегося в магрибинской литературе мотива *полного исчезновения солнца*, его символического низведения к «нулю» как *знаку отсутствия жизни* на этой земле[15].

Понятно употребление писателем (1960-е годы!) лексики тех, кто придерживался взглядов и требований эпохи: время «повстанчества» было повсюду, и хлёсткими «левыми» лозунгами пестрели не только книги философов и писателей, но и стены домов – не только в Европе, но и там, где следы её колониального присутствия останутся ещё надолго (хотя именно в Марокко писательское поколение Хайреддина рисковало больше, чем где-либо, зная, что реакция монархической власти будет беспощадна к своим критикам[16]).

Но можно только удивиться прозорливости автора «Агадира», его уже тогда зревшего антитрадиционализма, основанного на убеждённости в том, что «народ сам себя приносит в жертву мифам прошлого», надеясь на возрождение того, что «безвозвратно ушло в историю». Мотив «ковра-самолёта», на котором можно чудесным образом улететь навстречу счастью и процветанию, возникает в потоке сознания «прозревавшего» героя «Агадира» как мотив «*самообмана*» народа, его «сна», «невозможной мечты», иллюзорной веры в то, что «всё произойдет» – преображение его жизни – «само собой», как по мановению волшебной палочки, возвратив «время сказки», «время мифа».

Позднее, уже в начале XXI столетия, тоже марокканец, известный писатель, лауреат Гонкуровской премии Тахар Бенджеллун только подтвердит этот мотив *сгущающегося мрака* безнадёжности разрушить навсегда каторгу Жизни в ещё более суггестивном образе, возникшем в его романе и запечатлённом в его названии – «Это ослепляющее отсутствие света» [T. Benjelloun. Cette aveuglante absence de la lumière. P., 2000]. В нём, словно «по горизонтали», продлевается время этой «вечной ночи» в описаниях марокканской каторги, куда попадает обвинённый в заговоре против короля военный. Почти одновременно вышли в свет и документальные повествования реальной дочери одного из реальных офицеров, затеявших военный переворот, – Малики Уфкир «Узница» (La prisonnière. P., 1998) и «Посторонняя» (L'étrangère. P., 2006).

Однако вернемся к творчеству М. Хайреддина, где есть и другой мотив, помимо землетрясения. Осознание героем иллюзорности идеалов и прошлого, и будущего («elle ne verra jamais le jours, ta ville»[17]), и даже уверенность в том, что на земле, «покрытой пеплом», невозможно возродить жизнь, только укрепляют упорство героя, освобождающегося от сомнений и блужданий в лабиринте руин, оставленных катаклизмом, **следовать желанию преображения своей Земли**: «Землю, которую любишь, надо помыть и почистить, освободить от коросты и грязи, чтобы вылечить» [с. 137]. И от «тоски по былому», и от горечи «утрат и крушений», и от соблазна «восстановить руины», и от соблазна живущих на ней людей «покинуть свою страну». «Ведь где-то в другом месте, на другой стороне тоже есть и смерть, и разъединение…» Герой уверовал в то, что необходимо остаться «именно здесь», на родной земле, суметь начать «все с нуля», построить Город «sur du vide» (на пустом, чистом месте), ничего не брать у прошлого, у плохого. Разве что оставить себе *память о*

возможном. И с этой уверенностью в своих **созидательных силах** герой М. Хайреддина, подобно поэту, движимому своей **мечтой о лучшем мире,** отправляется в путь: «Я люблю тебя, этот миг начала дороги» (le départ). Его не смущает отсутствие багажа. Его богатство – это «поэма в блокноте, лежащем в кармане».

Главное – больше не будет «затмения Солнца, мрака кладбища»; впереди – радость созидания будущего, **свобода от руин** прошлого и настоящего…

Мотив землетрясения как такового и в 80-е годы XX столетия не перестаёт волновать художников, связанных с североафриканской землей, как источник размышлений о своей судьбе, тесно переплетённой с судьбой своей страны. В Алжире наступало нелёгкое время внутренних раздоров, перешедшее в 90-е годы в гражданскую войну.

Вышедший на исходе XX века роман алжирской писательницы Н. Бурауи «День разверженія земли» (Le jour du séism», 1997) – об этой смутной эпохе.

Над страной снова опускалась тревожная Ночь. После той, колониальной[18], эта была не менее «тёмной» и даже не менее опасной для жизни. Набирал силу террор, который в конце 80-х годов уже свирепствовал в стране, приведя её к новой Войне, не менее кровавой, чем отгремевшая в 60-е годы с Францией[19]. Только враг теперь был не внешний, но внутренний, а, значит, им мог оказаться каждый, тем более тот, кто дома говорил по-французски или учился, или работал на Западе, или исповедовал другую религию, или не ходил в мечеть, или просто считал себя «современным», а значит, свободным в своём выборе человеком… Причин этой новой «разрухи страны» было много – и социальных, и политических, и экономических; они изучаются, они анализируются[20], но, видимо, их трудно искоренить, ибо в Алжире выстрелы гремят и по сей день…

Писатели назвали этот новый этап алжирской истории «Беспорядком вещей», воцарением «хаоса» жизни, «вывернутостью её наизнанку», новым проявлением вечно царящего над этой землей «проклятья»… Словно предвестием этого нового кошмара стало ещё одно алжирское землетрясение 1980 года. Так оно и предстаёт в книге алжирки Н. Бурауи, взросление героини которой пришлось именно на это время.

Эта ставшая известной писательницей во Франции талантливый прозаик, полу-алжирка (по отцу), полу-француженка (по матери) – в Алжире смешанные браки были не редкостью – вынуждена была покинуть любимую страну в юности, когда именно осознала, что она выросла на этой земле и менялась вместе с изменявшимся окружающим её миром, понимая, что, несмотря на все трудности жизни «полукровки» в мусульманском окружении, она безмерно любит Алжир.

Но именно ночь Жизни становится в книге Н. Бурауи не просто временем суток, но временем судьбы, которое заставило «разверзнуться», разделить в момент землетрясения на *прошлое* и *настоящее*. И неслучайно, что именно **ночью**, после «исчезновения дня», героине повествования видятся «огни алжирского побережья», и она, уже на другом берегу, вновь «обретает память о своей стране», о той, прошлой и прошедшей жизни, о *детстве*, внезапно сменившемся взрослостью, не просто символическим «переходом» в жизнь другую, но *изгнанием* из жизни настоящей, *заточением* в жизнь *не свою*, чужбинную, *не родную*… Из Алжира просто убраться за море в 90-е годы всем, кто не был «истинным мусульманином». Им предстояла смерть от рук исламистов.

Однако героиня книги (написанной как обращённый к самой себе монолог-воспоминание) не столько размышляет о жизни *исчезнувшей* за морем земли, сколько слушает собственное сердцебиение, в ритме которого и рождаются короткие фразы-импульсы, где слова, несущие смысл, отделяются запятыми, словно останавливающие на мгновение дыхание и обращающими сознание **только к истоку** душевной боли: «Я иду из земли моего отца. Из утёсов и скал, серебристых от солнца и моря». А это значит, что эта земля – Алжир, с которым она *сроднилась*, как с отцом – самим воплощением для ребёнка добра, красоты, теплоты этой земли… Дет-

ство было связано с радостью, с обретением простора побережья, тайны морских заливов и окружающих их гор, с безмятежностью ощущений – только свободы, только счастья…

Это всё слилось с её душой, стало частью её плоти. Оттого уже взрослая героиня, вспоминая свой **исток**, не может избежать свойственного всем средиземноморцам (прекрасно запечатлённого ещё Альбером Камю в его «Бракосочетаниях»[21]) неодолимого чувства *слитости* с землёй, залитой горячим солнцем, ярким светом и омытой тёплым морем. И подобно А. Камю, живописуя античные руины Типазы, где среди красот природы проходили дни счастья, Н. Бурауи не может избежать выражения *единения* своего с тремя «стихиями», словно образовавшими здесь человека, который своим истоком полагает Алжир: с его *землей*, с его *солнцем*, с его *морем*: «Контакт с самой природой. Я вхожу в эту землю. Я становлюсь её скалами, заливами, долинами, морем» [с. 26]. Солнце там не просто светит, но, согревая, «проникает внутрь», преобразуясь в элемент существования самой жизни человека. Для героини Н. Бурауи это чрезвычайно важно: ведь исчезая, **теряя** свою «согревающую» доминанту на чужбине, солнце теряет свой изначальный для неё смысл или знак самопринадлежности, нерасторжимости своей и земной сути.

Но алжирская атрибутика – и своя, и своей страны – для героини Н. Бурауи сосредоточена не только в пределах цветущей долины Митиджи и морского побережья. Столь же прекрасен для неё её родной край в каменистом Предсахарье, в песчаном просторе великой пустыни, где она также ощущает «пульсацию жизни родной земли», её могучее изначало, тоже чем-то похожее на застывшее море [с. 62].

Так, соткав физические контуры родной географии и сделав её природной канвой, основой своей биографии, героиня Н. Бурауи определяет в ощущении Родины совокупность двух её (земли) *противоположностей*, двух природных сил – *моря* и *пустыни* (хотя и «продлевающихся» одно в другом), соединённых (или разъединённых) *горами* (с их ущельями и водопадами) как третьей природной силой. И всё это бесконечно умножено, усилено ещё одной природной силой – *солнцем*, которое освещало пору детства, время её полного слияния с родной землей.

Погружаясь в волны памяти, оживающей в ночи, героиня возвращает себе «рай» детства, предвкушая его «блаженство» [с. 40], связанное с высвобождением «из плена Города», радостью встречи с самой красотой земли. Две важных для героини категории – «моё пространство» и «моё время» в этом «раю» не были оппозицией, но равенством, или даже были сочленены в её сознании, в её чувствах. И утверждение её: «Я – отсюда!» было рождено именно **гармонией** своей и окружающей Жизни. Во всяком случае, так казалось. Пока и море, и пустыня, и солнце, и горы были в *со-гласии* с желанием счастья, свободы, тепла… Но её отец, женившийся на француженке, словно отторгался этой *своей* землей. Он стал «чужим» для неё, ибо был отмечен первым знаком *разделения* мужчин и женщин в мире ислама… Но и соблюдая его, этого мира, правила, его законы, человек всё равно мог остаться ему *чужеродным*, не принятым в сообщество тех, кто, отторгая его, полагал, что соблюдает свою «чистоту». И потому на жизненном пути героини отъезд из Алжира её семьи, осознавшей невозможность здесь своей жизни во время нарастания нового противостояния «своего» и «чужого», был как случившееся «землетрясение» в Алжире.

Жестокость постижения *исключения* из родной ей жизни была в книгах Н. Бурауи сродни не только ощущению *свершающегося насилия*, но и абсолютной своей беспомощности, подобной жизни в природном катаклизме.

В словах «Ma vie, sinistrée» («Жизнь, потерпевшая катастрофу», «застигнутая несчастьем») [с. 54] – сконцентрирована боль прозрения, внезапность услышанного крещендо бедствия, давно нараставшего, медленно подступавшего, но обнаруженного в момент обступившего со всех сторон одиночества. В этом опустившемся и сгустившемся мраке атрибуты родного пространства обрели не-

гативные, обратные черты, которые теперь не радуют, но пугают.

Так, **родная земля** становится не просто обширной (простираясь от моря до пустыни), но и «различной»: «Она ранит. Она вооружена. Она сжимает и бьёт… Она идёт, как вода, расширяясь кругами, кусая всё вокруг, поднимаясь к небу, исполненная желания… добраться до него» [с. 12].

Прежнее упоение **солнцем** переходит в ощущение «нестерпимости» его жара: «Это лихорадка, сотрясающая вас. Свечение этой жары смешивает, денатурирует, изменяя природные краски... Рассеивает формы, размывает силуэты гор, скал... Кристаллы соли всплывают от жары на поверхность моря... Рыбы плавают на спине... Пена прибоя густеет... Белый свет солнца атакует» [с. 41].

Солнце превращается во «всеопаляющую силу», оно «пылает огнем», сжигающим всё вокруг – «кустарники, хижины, деревья» – «плавящим стекло», заставляющим «кровоточить людей». Солнце уподобляется «тюрьме», ассоциируется с «сухой молнией», зажигающей пожаром землю [с. 17].

Сад родного Города, излучавший когда-то, как и солнце, радость, теперь внушает страх, который рождают и «скрип веток деревьев», и гудение электрических проводов, похожее на «нервное скрипичное vibrato» [с. 50].

Знаки «алжирской сущности», издавна волновавшие всех магрибинцев-писателей, – яркое солнце, горячая земля, тёплое море, – изначально соединявшие разные стихии, противоположные начала (пустыню и воду, горы и долы, плодородную землю и каменистые плато), трансформируясь, избавляясь от изначальной радостной избыточности, обретают только негативную однозначность. И мотивы алжирской «жажды Солнца», неотделимой от «жажды Моря», уравненной с предвкушением счастья, приобщением к «силе мира», к его «обещанию радости» [с. 99], сменяются мотивом «жажды Ночи» [с. 17]. Этот мотив, глубокий и печальный, вобрал в себя и личное переживание (отъезд друга, воспринятый как *измена Алжиру*), и общественную «проекцию» всего того, что происходило в стране: «Люди прячутся от солнца. В тени стен. Они бегут от его опаляющего костра. Они ждут ночи, которая рассеет жар, отделит огонь от воздуха. Горы от моря. Солнце – от кожи. Ночь – как пощада, ночь – как прощение»… [с. 17]. Но «Ночь» становилась в основном временем мщения…

В очевидной символике окружающего мира, переживавшего наступление исламистов, – реальные источники «кровоточащих» образов в прозе Бурауи (сидящие днём вдоль стен молодые безработные, в глазах которых – «всеиспепеляющий» огонь мщения; ночные вылазки террористов; охваченные страхом родители, боящиеся даже дневных прогулок детей в городском саду; бесконечная хроника убийств и т. д.). Позднее это было запечатлено в документальном повествовании Ассии Джебар «Белый саван Алжира»[22].

Так модификация древнего солярного мотива, бывшего в литературе Алжира (да и в Марокко, и в Тунисе – особенно в поэзии магрибинцев эпохи борьбы за независимость) мотивом **Жизни**, в мотив **Смерти**, акцентирование в нём его **обратной** сущности (что сам мотив, конечно, позволяет), модификация «живительного света» во «всеиспепеляющее пламя». Это прежде всего трансформация **любви** к Отчизне в **отчаяние**, в утрату веры, в обнаружение обмана, в рассеивание иллюзий, в резкость прозрения, что заставляет героиню «ждать ночи», чтобы не ослепнуть от горя… Но для кого-то эта **Ночь** становилась *убежищем* (как когда-то Горы, куда уходили отстаивать Свободу партизаны), временем свершения своего нового суда, своего возмездия за свои несбывшиеся надежды, за свои же собственные ошибки и заблуждения…

Алжир начала 80-х – это и брожение, и кипение социального и политического «котла», и предчувствие этой Ночи, разгула исламистского террора, который действительно пронзил «сухой молнией» всю алжирскую землю – от моря до пустыни и зажёг пожар гражданской войны, охватившей всю страну уже в 1989 году.

Однако предчувствие этого нового «пожара» (однажды уже М. Диб именно так обозначил эпоху национально-освободительного движения Алжира, написав роман

с одноимённым названием ещё в 1953 г.), ощущение постепенно всё заполнявшего «запаха крови и огня» [с. 20], как ни парадоксально, ибо велико было её отчаянье, – только усиливало у героини чувство **связи своей с этой ставшей «чёрной», уже «загоравшейся» землей, но остававшейся все равно *родной***, «*неотделимой от кожи*»: «Некуда бежать, невозможно скрыться. Я принадлежу этой жизни, её рельефам». (В своём чуть позднее вышедшем романе «Раненый возраст»[23] писательница расскажет об этой трагедии самоощущения.) Резкость **пересечения личного** и **исторического, своей судьбы** и **судьбы страны**, которую человек внезапно потерял в момент *взросления*, в момент и особого самоосознания, и особого сознания своей принадлежности этой земле, становится постепенно потребностью во что бы то ни стало обрести свою землю…

Но в романе «Le séisme» **граница** времен проходила по линии **разлома** земли, в котором символически, знаково совпали и начало войны, и начало природного катаклизма. Для Н. Бурауи описание увиденного и пережитого «*хаоса земного*» само по себе становится чрезвычайно значимым: художник пытается в картине землетрясения запечатлеть сотрясение самого алжирского общества, его современной Истории, в «разломах» которой обнаруживаются и *ошибки Прошлого*, и *изъяны Настоящего*. День катастрофы («Le Jour du séisme») возникает в памяти отдельными фрагментами, но если попробовать их сложить, то в калейдоскопе видений и ощущений обнаруживаются приметы трагедии человека, для которого эта земля осталась незаживающей раной души, переживаемой всю жизнь как физическая боль:

«Подземный толчок обжигает моё детство… [с. 39]. Моя земля дрожит… Волны идут расходящимися кругами, разрушая всё вокруг… Всё покрыто огнём и трещинами. Эпицентр разрыва земли находится под моим родным городом [с. 9]. …Моя земля содрогается. Это – как война. Подземный толчок обрушивает камни на человеческие тела, пылью заволакивает свет, обжигает кожу огнём. Порождает конфликт, извращает природу. Подавляет. Заставляет испытывать страх. Утратить чувство защищённости. Лишает кровли, очага [с. 46]… Моя земля дрожит подо мной. Она отдаётся во власть насилия, утрат… [с. 53] …Сила толчка уничтожает законы гравитации. Моя земля трансформируется. Она взрывается. Она открывается и закрывается, поглощая тела. Она уничтожает равновесие… Земля предаёт… Её жестокость уничтожает прекрасные дни жизни. Это настоящая драма. Моя земля становится хрупкой и зыбкой… [с. 9] …Моя земля дрожит. Свершающееся насилие нескончаемо. Земля трещит, опустошает и проникает в мою плоть… Всё восстаёт против человека [с. 12] …Земля поднимается и разверзается. Она забирает в себя и смыкается. Только небо не подвластно ей… Остальное она забирает в свою тёмную бездну… [с. 12] …Землетрясение подбирается, подкрадывается к телу, подползает под него. Бездна земли уже заполнена щебнем и кровью… Я чувствую силу толчков. Они опрокидывают и разрушают… Они заставляют терять всё, уносят всё с ветром и пылью. Пыль огромным пологом закрывает землю, стирает её красоту, затопляет долины… Обнажаются подводные рифы, поворачиваются русла рек, подвигаются горы… Подземные толчки – деяние дьявола[24]. Исполняется его воля. Он смеётся. Всё контролирует. Убивает моё детство. Я теряю исток. Земля исчезает вместе с моими тайнами… [с. 22]. Моя земля теряет свои плоды, свои виноградники, свои поля, города, селения… Землетрясение – это оружие. Его заряд разрушает порядок вещей, эквилибр, дом. Опрокидывает фундамент. Нарушает безопасность… Моя земля – это раненое тело… [с. 30]. Я становлюсь телом без земли. Я вхожу в страх… [с. 37]. Я слышу жалобу мира, она идет из глубин земли, она всё слышнее и слышнее. В ней – опасность огня… [с. 31]. Моя земля – пустыня. Она одинока и закрыта, замкнута на своём внутреннем конфликте… Она – пленница и узница, исключённая из мира… Моя земля дрожит… Становится одинокой… Она пожирает себя изнутри… Её голос – плач… Это – война… Моя земля страдает… Она взрыва-

ется… Её коробит. Она провоцирует хаос. Льёт огненный дождь… [с. 60] Моя земля удаляется… [с. 37] Она становится чужой… Она склоняет к изгнанничеству. Я отдаляюсь от своей земли [с. 24]… Небо опрокидывается. Оно покидает нас. Свет чернеет. Он ссылает» [с. 37].

Эта длинная цитата – сгусток ощущения катаклизма, того, что будет происходить со страной со времен долгой войны с колониализмом (1954–1962 гг.) вплоть до начала 2000-х годов, пока длилась война с политическим исламизмом.

Для художников вечный образ «*содрогания* земли», конечно же, – напоминание и настоящему, и будущему поколениям о трагедии *несогласия*, судьбе своего народа, о неожиданных поворотах в судьбах своих современников. И в книгах М. Хайреддина и Н. Бурауи эта цель, безусловно, присутствует. Но очевидно и другое: некое «подземное» требование, имплицитное условие необходимости её, **Земли**, *преображения.* В «голосах» «Агадира» это слилось с волей автора, которому, увы, уже было не суждено увидеть, изменится ли лик его родины. В книге Н. Бурауи – сама безграничность почти «космической» тоски по «*своей земле*» полна желания увидеть её «свет». Отсутствие его – смерти подобно. Поэтому необходимость «преображения», перехода «Ночи» жизни в рассветную зарю становится и затекстовым императивом книги Н. Бурауи.

Конечно, я не предполагаю, что «День гнева» Земли и Неба может смениться навсегда «вечной ночью», а не зарёй, как это определено естественным «порядком вещей», возродить который упорно мечтают магрибинские писатели. Просто сожалею, что и в их мечте – напоминание о том, что преображению (человека или его земли), увы, предшествуют какие-то катастрофы…

Примечания

[1] *M. Dib*. La grande maison. P., 1953; L'incendie. P., 1954; Le métier à tisser. P., 1955.

[2] *M. Dib*. Qui se souvient de la mer. P., 1962.

[3] *M. Dib*. Cours sur la rive sauvage. P., 1964.

[4] *M. Dib*. La danse du Roi. P., 1968.

[5] См. подробно: *Прожогина С.В*. «Для берегов Отчизны дальной…» (Изгнанничество и литература североафриканцев на Западе). М., 1992.

[6] *M. Dib*. «Si Diable veut». P., 1998.

[7] *R. Boudjedra*. Le Démentelement. P., 1982.

[8] В первом варианте русского перевода с арабского – *Bammap A*. И содрогнется земля // Иностранная литература. 1979, № 4; *он же*. Землетрясение. М., 1980.

[9] *Kateb Yacine*. Le cercle des représailles. P., 1959. Эта тетралогия включала в себя две трагедии («Труп в кольце», «Предки усиливают жестокость»), фарс «Порошок мудрости» и поэму «Гриф». О них см. подробно: История национальных литератур стран Магриба. Т. I. Алжир. М., 1993.

[10] *Henri Kréa*. Theâtre algérien. Alger, 1962. О нем см. подробно: История национальных литератур… Т. I. С. 292-297.

[11] Цитаты из Корана даются по изд.: М., 1995. Пер. М.-Н.О. Османова.

[12] *M. Khaïr-Eddine*. Agadir. P., 1967. О творческом пути писателя см. подр. нашу работу «Магриб: франкоязычные писатели 60–70-х гг.» М., 1980.

[13] В этом плане и образ «пропавшей газели», возникающий в «Агадире», – символичен, ибо у магрибинцев он – издавна Образ Свободы и Воли: см., напр.: *M. Haddad*. Je t'offrirai une gazelle. P., 1959. Об этом подробно в нашей работе «Для берегов Отчизны дальной…». М., 1992.

[14] Этой проблеме была уже посвящена книга соотечественника Хайреддина – Дриса Шрайби: *D. Chraibi*. Les boucs. P., 1955.

[15] Об «эклиптике» солярных мотивов в литературе магрибинцев см. подробно: *Прожогина С.В*. От Сахары до Сены, а также в книге «Марокканский ноктюрн». М., 2015.

[16] И действительно, литературный журнал «Суффль» («Веяния», изд. в Марокко с 1986 г.) был со временем запрещён, а сотрудничавшие в нем писатели и поэты, настроенные демократически, антимонархически, были вынуждены покинуть страну, некоторые оказались в тюрьмах и на каторгах Марокко. См. подробно: История литератур стран Магриба. Т. II. М., 1993; Марокканский ноктюрн. М., 2015, и др.

[17] «Город твой никогда не родится» – *Авт.*

[18] Так, «La Nuit coloniale», называлась эпоха французского колониализма в Алжире (1830–1962 гг.) и в книге политического деятеля Ферхата Аббаса, и в поэзии Алжирского Сопротивления.

[19] На эту тему написаны в конце 80-х гг. и в 90-е гг. многие алжирские произведения. О них см. подробно нашу работу «Смятение». М., 2017.

[20] См., напр., *Бабкин С.Э.* Религиозный экстремизм в Алжире. М., 2001.

[21] *A. Camus*. Les noces. P., 1939.

[22] Подр. см. мою работу «Магрибинки рассказывают…». М., 2020.

[23] «L'âge blessé». P., 1998.

[24] Об уподоблении «деянию и воле дьявола» всего происходящего в Алжире в период наступления исламских «интегристов» – роман Мохаммеда Диба «Si Diable veut». См. нашу работу: Царствие Сатаны? (Иблис: алжирский вариант) // Восточный мир: опыты общественной трансформации. М., 2001.

НАШИ АВТОРЫ

АЙТБЕРОВ Тимур Магомедович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института ИАЭ Дагестанского центра РАН. E-mail: timirlan@mail.ru

АХМАДОВ Явус Зайндиевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики. E-mail: ahmadov_yz@mail.ru

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО) Людмила Васильевна – магистр химических наук, химик-аналитик. E-mail: lvbor2017@mail.ru

БОРОШКО Сергей Леонидович – кандидат химических наук, предприниматель. E-mail: slbolvex@rambler.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ГОКОВ Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Харьков, Украина). E-mail: gokovoa@gmail.com

ЗАЙЦЕВА Анна Александровна – кандидат исторических наук, ведущий специалист Отдела информационно-поисковых систем Государственного архива Российской Федерации. E-mail: a-zaitseva@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КУЛИКОВ Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: bilis@inbox.ru

МОНГУШ Марина Васильевна – доктор исторических наук, ведущий специалист Отдела информационно-поисковых систем Государственного архива Российской Федерации. E-mail: monmarvas@mail.ru

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

РЯГУЗОВА Анна Викторовна – соискатель кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. E-mail: anna.ryaguzova@inbox.ru

СИНИЧЕНКО Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Академии управления МВД России. E-mail: v.v.sinichenko@bk.ru

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. E-mail: alfokdo@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург (Германия). E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de